

ЖАЛИЛА

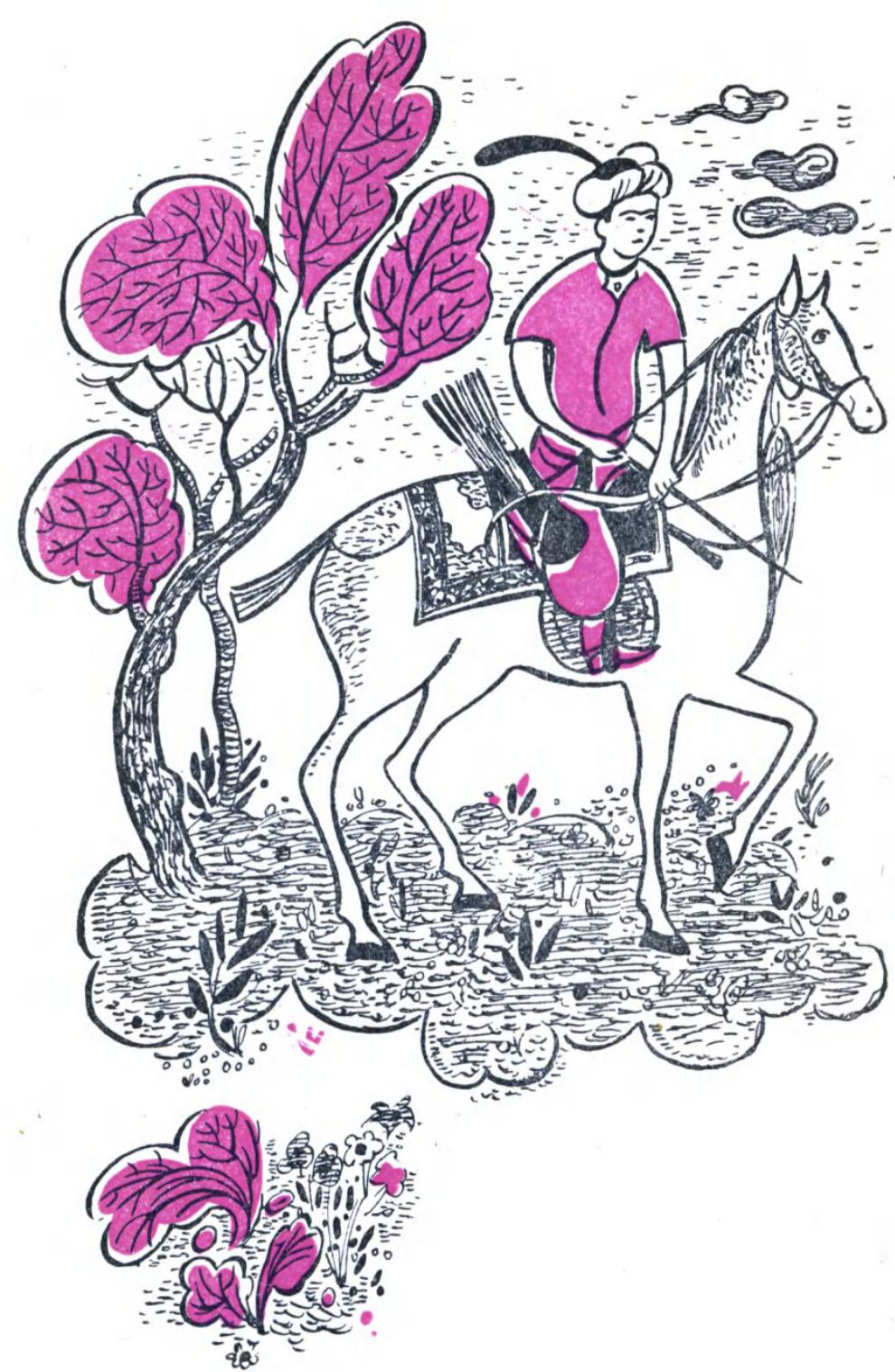
и

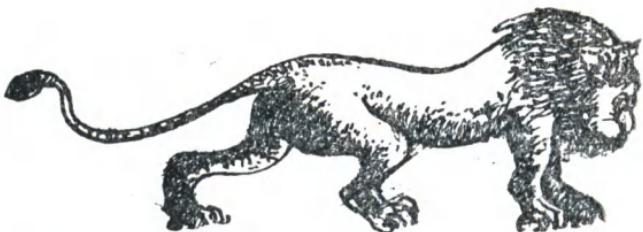
ДИМИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Калила и Димна

Перевод с арабского
И. Ю. Крачковского
и И. П. Кузьмина

Под редакцией
И. Ю. Крачковского

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

В VI в. н. э. престол сасанидского Ирана перешел к царю Ануширвану (531—579), которого официальная сасанидская хроника наградила почетным титулом Справедливого. Такой чести царь удостоился не потому, что был мягче прежних правителей или больше проявлял интереса к нуждам угнетенного населения,— в этих отношениях он мало отличался от своих предшественников. Но он утопил в крови восстание, подготовленное Маздаком, за что, понятно, ему особенно было благодарно могущественное зороастриское духовенство, игравшее в жизни сасанидского Ирана исключительно важную роль.

В одном отношении, однако, роль Ануширвана была положительной: он поощрял науку, и по его приказу на литературный язык того времени — пехлеви, или среднеперсидский, — было переведено немалое число книг как западных соседей — греков, так и соседей восточных — индийцев. В эти годы на пехлеви были переведены некоторые книги греческих философов, а также индийские работы по медицине и математике. В это же время, как говорит легенда, был отправлен в Индию молодой врач Бурзде* с поручением добыть рукопись книги назиданий, якобы хранившейся в казнохранилище индийских царей и тщательно оберегаемой от глаз посторонних.

Бурзде разными хитростями получил доступ к этой рукописи и даже смог снять с нее копию, которую он и доставил в Иран и сам перевел на пехлеви.

Как известно, арабское завоевание нанесло огромный ущерб книжным богатствам Ирана и Средней Азии. Многие ценнейшие

---

* Так звучит это имя по-персидски. В переводе сохранено арабское произношение — Барзуя.

книги погибли в огне, но и те, которые уцелели от фанатизма за-воевателей, тоже постигла печальная судьба.

В области науки пехлеви был вытеснен арабским языком, художественная литература перешла к языку дари — первона-чальной форме новоперсидского языка. Крайне трудное для чте-ния пехлевийское письмо некоторое время еще жило на окраинах халифата, преимущественно среди кругов, оставшихся верными старой религии, но быстрое распространение ислама все сужало и сужало эти круги. Переписывать пехлевийские рукописи стало некому, да и незачем. Заброшенные рукописи, уцелевшие от ру-ки мусульман, гибли от руки времени. Из довольно обширной, по-видимому, сасанидской письменности до нас дошли жалкие остатки, да и то преимущественно зороастрийская духовная ли-тература, сохраненная бежавшими в Индию зороастрийцами, из-вестными ныне под названием парсов.

Не дошел до нас и пехлевийский перевод Бурзде. Но, к счастью, уже при арабском владычестве нашелся человек, высо-ко ценивший литературное наследие своего народа. Это был ав-тор той книги, перевод которой предлагается теперь советскому читателю, — страстный поклонник иранской старины Абдаллах ибн ал-Мукаффа. Отец его во время правления омейядского наместника Хадджадж ибн Юсуфа (75—95/695—714), известного своей жестокостью и несправедливостью, был сборщиком пода-тей (хараджа) по области Фарс. Он позволил себе какие-то не-точности в отчете и был подвергнут жестокой пытке, во время которой ему сломали руку. Она плохо срослась и осталась ис-кривленной, почему он и получил прозвище ал-Мукаффа (по-арабски калека).

Абдаллах, принявший ислам уже будучи взрослым, а до то-го носивший зороастрийское имя Рузбех сын Дадде, во время правления халифа Сулеймана ибн Абдалмелика (96—99/714—718) был назначен, по словам историка Белазури, сборщиком ха-раджа в области Вех-Кавад, расположенной по берегам Тигра. В юности он под руководством отца изучил пехлевийскую пись-менность и научился читать старые рукописи; позднее, в соот-ветствии с требованиями времени, он в совершенстве овладел арабским языком и даже сумел приобрести известность как за-мечательный стилист. Каким образом к нему в руки попала ру-копись книги Бурзде, нам неизвестно, но весьма вероятно, что в те времена пехлевийских рукописей было еще немало и многие любители старины их собирали. Известно, что даже и после при-

нятия ислама Абдаллах все же не мог отделаться от старых зороастрейских привычек. Так, однажды дядя второго аббасидского халифа Мансура, Иса ибн Али, под руководством которого он произнес мусульманскую вероисповедную формулу, пригласил его к себе в гости. Когда собравшиеся, в числе которых было немало аббасидских вельмож, сели за еду, Абдаллах по зороастрейскому обычанию начал мурлыкать вполголоса положенные зороастром молитвы при вкушении пищи. Иса сказал: «Ты что же, хотя и принял ислам, все мурлычешь, как парс?». Абдаллах ответил: «Не могу я вкушать пищу, над которой не сказано благословения!». Несмотря на это, Иса удержал его при себе и сделал своим секретарем.

В 137/754-55 г. другой дядя Мансура, Абдаллах ибн Али (брать Исы), поднял восстание против халифа. Мансур послал против него войско под командой знаменитого хорасанского военачальника Абу Муслима. Абдаллах в окрестностях Нисибина потерпел поражение и в конце джумада II 137 г. хиджры (в середине декабря 754 г.) был вынужден бежать и скрываться. Укрылся он в Басре, у своего брата Исы. Третий брат, Сулейман, правивший Басрой от имени халифа и пользовавшийся расположением Мансура, решил попробовать спасти брата. Мансур внял просьбам своих дядей, простил Абдаллаха и приказал написать для него охранную грамоту. Составление ее поручили Ибн ал-Мукаффе и приказали ему составить ее как можно более выразительно. Ибн ал-Мукаффа в точности выполнил приказ и написал в грамоте, что если только Мансур обманет дядю и предаст его, то жен его надо будет считать разведенными, весь скот его — пожертвованным в вакф, а рабов — отпущенными на волю. Мансуру такие слова показались обидными, и он затаил ненависть к написавшему их секретарю.

В рамадане 139 г. хиджры (февраль 757 г.) Мансур отстранил Сулеймана с поста правителя Басры и назначил на его место Суфьян ибн Муавия ибн Мухаллаба — человека, над которым в свое время Ибн ал-Мукаффа позволил себе издеваться и который жаждал отомстить ему за это. Около 142/759-60 г. он обвинил Ибн ал-Мукаффу в ереси (манихействе) и отступничестве от ислама. Халиф воспользовался этим обвинением и приказал подвергнуть Ибн ал-Мукаффу мучительной казни. Ему сначала отрубили руки и ноги и сожгли их у него на глазах в печи, а затем сожгли и его изуродованное тело. Сулейман и Иса, возмущенные этой зверской расправой с выдающимся ученым,

задумали было поднять против Мансура восстание, но Сулейман вскоре умер, и восстание не состоялось.

Но имя Ибн ал-Мукаффы сохранилось на многие века благодаря его арабскому переводу книги Бурзде, ставшему известным под названием «Калила и Димна». Какой именно индийский оригинал был положен в основу книги Бурзде, было известно уже великому хорезмскому ученому Бируни. В своей «Индии» он пишет: «У индийского народа существует много отраслей науки и несметное множество книг. Охватить их все я не могу, но как мне хотелось бы перевести книгу „Панчтантра“, которая у нас известна как „Калила и Димна“! Эту книгу с индийского перевели на персидский, а с персидского на арабский и на многие другие языки, но по причине изменений, которые в нее внесли, этот перевод ненадежен. Так, Абдаллах ибн ал-Мукаффа, выполнивший эту работу, ввел туда главу о Бурзде. Сделал он это для того, чтобы сбить с толку людей, неустойчивых в делах веры, и склонить их к манихейству. А раз он добавил эту главу, то и прочие части, возможно, также подверглись обработке» *.

Мы имеем возможность проверить это несколько пессимистическое предположение Бируни. Счастливый случай сохранил нам еще один перевод книги Бурзде. В библиотеке мосульского патриарха была обнаружена хранившаяся ранее в монастыре г. Мардин сирийская рукопись, оказавшаяся сирийским переводом книги Бурзде, выполненным еще в 570 г. н. э. неким пресвитером по имени Буд. Этот текст уже два раза был издан (в 1876 и 1911 гг.), и он позволяет установить, что Ибн ал-Мукаффа внес в книгу Бурзде свое введение, раздел о сомнительности религии, включенный в предисловие самого Бурзде, и рассказ о суде над Димной. Вероятно, что глава «Отшельник и гость» также добавлена им. Перевод Ибн ал-Мукаффы был им задуман как шедевр арабской стилистики. Поэтому текст его, конечно, представлял огромные затруднения для переписчиков и подвергся большому числу искажений. До нас дошла очень любопытная работа одного арабского любителя литературы, Абу-л-Фарадж Мухаммед ибн Аби Якуб ал-Варрака, известного под прозванием ан-Надим. Он в 987-88 г. н. э. составил аннотированный список известных ему книг, названный им «Ал-Фихрист» (каталог, перечень). В этом списке он упоминает

---

* Alberuni's India... Ed... by E. Sachau. London, 1887, p. 76.

о «Калиле и Димне» и говорит об этой книге так: «„Калила“ состоит из семнадцати глав, а говорят, их восемнадцать, и я видел одну рукопись, где было две лишние главы». Следовательно, число глав «Калилы и Димны» варьировало уже в X в. н. э.

Исследованиями востоковедов было установлено, что основа книги действительно ведет свое происхождение из Индии. Книга «Панчтантра» («Пятикнижие») была, как предполагают, составлена каким-то брахманом в Кашмире около 300 г. н. э. Имена шакалов там были — Караката и Даманака. Поскольку в пехлевийском шрифте звуки *r* и *l* обозначаются одним и тем же знаком, то понятно, что Ибн ал-Мукаффа мог прочитать их имена в пехлевийском тексте (не обозначающем гласных) как Калилаг и Дамнаг. Индийский оригинал состоял из пяти глав; три главы Бурзое заимствовал из двенадцатой книги известной поэмы «Махабхарата». Последние четыре главы в старой индийской литературе пока не обнаружены, но самый их характер ясно говорит об их индийском происхождении.

Арабский текст книги, благодаря тому что ее дидактический характер был искусно замаскирован баснями, не замедлил привлечь к себе внимание. Уже в начале XII в. н. э. некий рабби Иоэль перевел ее с арабского на древнееврейский. Он располагал, видимо, хорошей рукописью, уже содержавшей, однако, некоторые вставные рассказы. Древнееврейский перевод был между 1263 и 1278 гг. н. э. переведен Иоанном Капуанским на латинский язык под названием *«Directorium vitae humanae»* («Наставление человеческой жизни»). Этот латинский перевод послужил в свою очередь основой для ряда переводов на западноевропейские языки.

В конце XI в. н. э. Симеон сын Сифа довольно свободно перевел «Калилу и Димну» с арабского на греческий и назвал ее «Стефанит и Ихнилат», ошибочно усмотрев в имени Калилы какую-то связь со словом «иклиль» (диадема), а Димну связав с арабским «диман», что значит «следы кочевья». Таким образом, в греческом переводе книга стала называться «Увенчанный и Следопыт». Греческий перевод послужил основой для перевода древнеславянского. В 1762 г. «Академии наук переводчик» Борис Волков перевел с латинского «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского», не подозревая, что читатели Московской Руси уже знакомы с этой книгой под другим названием.

Персидский перевод «Калилы и Димны», выполненный в 1144 г. н. э. Низамаддин Абу-л-Меали Насраллахом и посвященный последнему правителю из династии Газневидов Бехрамшаху, послужил основой для другого ряда переводов: Вкусы XII в. требовали, чтобы проза была уснащена возможно большим количеством риторических украшений, и потому перевод Абу-л-Меали отличается крайней тяжеловесностью. Но в XVI в. эта риторика показалась еще слишком примитивной, и Хусейн Ваиз Қашифи — проповедник Тимурида султана Хусейна Байкара — еще раз обработал персидский перевод, снабдив его множеством поэтических цитат и доведя тем самым стиль до крайней вычурности. Эта обработка, носящая название «Анвар-и Сухейли» («Светила Канопа»*), при великом моголе Акбаре (1556—1605) вернулась на родину — в Индию, но работавший над ней везир Акбара Абу-л-Фазль несколько укротил буйную риторику Хусейн Ваиза, и его «Ийари Даниш» («Пробный камень мудрости») читается несколько легче. Персидские переводы вызвали ряд переводов турецких, из которых наибольший успех имел столь же помпезный «Хумаюн-наме» («Августейшая книга»), появившийся также в XVI в. Фазлулла ибн Иса Ташкенди перевел с турецкого на узбекский (литографирован в Ташкенте в 1888 г.). Казанско-татарский перевод сделан Габдалгаллам Файз-хан-оглы с арабского оригинала и напечатан в типографии Казанского университета в 1889 г. Существуют еще и переводы монгольский и малайский.

Таким образом, наша книга обошла весь культурный мир, причем, в отличие от так называемых «мигрирующих» сюжетов, мы почти всегда можем отчетливо проследить пути, по которым она двигалась.

Арабская версия «Калилы и Димны» была впервые издана в Европе знаменитым французским арабистом Сильвестром де Саси в 1816 г. Изданный де Саси текст основан на шести рукописях, но не может считаться вполне критическим. Издание де Саси много раз перепечатывалось на Востоке, пока А. Н. Таббара не выпустил в Бейруте нового критического издания. Но так как положенная им в основу рукопись слишком молода (1086/1675), его издание оказалось не более надежным. Наконец,

---

* *Каноп*, или Канопус, — звезда α созвездия Киля, одна из ярчайших звезд после Сириуса. На Востоке она считалась приносящей счастье.

выдающийся арабист Л. Шейхо нашел в ливанском монастыре Дайр аш-Шир ценнейшую рукопись 749/1339 г. и положил ее в основу прекрасного издания (Бейрут, 1905). Это издание было в 1923 г. еще раз переработано и улучшено.

Переводчик арабской версии «Калилы и Димны» талантливый молодой востоковед И. П. Кузьмин по совету выдающегося советского арабиста акад. И. Ю. Крачковского положил в основу перевода издание проф. Л. Шейхо *. Несчастный случай оборвал жизнь молодого ученого (28 мая 1922 г.), не дав ему завершить свой труд. Как указывал И. Ю. Крачковский в предисловии к первому изданию этой книги, перевод И. П. Кузьмним был почти окончен. Оставались непереведенными отдельные фразы, почему-либо затруднившие переводчика, а также введение переписчика, начало предисловия Бахнуда, предисловие Ибн ал-Мукаффы, часть первой главы и заключение книги. Все эти части были переведены самим И. Ю. Крачковским, лучшим знатоком арабского языка и литературы в нашей стране. Им же весь перевод был переработан и приведен в соответствие с упомянутым вторым изданием Шейхо (1923 г.).

Основная тема «Калилы и Димны», часто повторяющаяся в средневековой литературе Ближнего Востока, — это предостережение носителю власти не слишком доверять доносам и не торопиться осуждать обвиняемых.

Как отмечает И. Ю. Крачковский, звери здесь еще не стали выразителями определенных типов, как в наших баснях. Под их названиями просто скрываются люди, которые к тому же почти не действуют, а преимущественно рассуждают — длинно, обстоятельно и крайне назидательно, ибо в назидании-то и заключается основная цель книги. Эта книга представляет собой то, что называлось в старину «зерцалом», в средневековой Германии еще точнее — «княжым зерцалом» (*Fürstenspiegel*). Так как основные ее положения вытекают из самой сущности феодального строя, понятно, что она пользовалась неизменным успехом у самых

---

* Как писал И. Ю. Крачковский в предисловии к первому изданию «Калилы и Димны», «исходя из стремления дать понятие о полном составе арабской версии в ее различных изводах, переводчики не ограничились передачей текста рукописи Шейхо, но добавили и те части, которые известны по другим изданиям. К числу их относятся предисловия Бахнуда и две главы, помещенные в приложении: 1) О голубе, лисице и цапле и 2) О мышином царе и его везирах».

различных народов вплоть до XVIII в.; еще великий Гете оставил своего рода подражание «Калиле и Димне» в своем знаменитом «Рейнеке Лисе», в котором, правда, дидактический элемент не так назойливо выступает на передний план.

«Калила и Димна» стала поистине памятником мировой литературы. Русский читатель мог знакомиться со старославянским ее переводом и русским переводом XVIII в. значительно переработанного латинского варианта. Однако точный перевод арабской версии, которая ближе всего к пехлевийскому оригиналу, несомненно, должен быть включен в число книг, составляющих библиотеку советского читателя.

Е. Э. Бертельс

ЖАЛИЛА

И

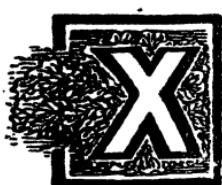
ДИМИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ РУКОПИСИ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Да благословит Аллах господина нашего Мухаммеда!

вала Аллаху, который одарил светочи ума светом вечного созерцания и создал человека в прекрасном образе, увенчав его венцом благодати. Он отличил его вкусом, обонянием, слухом, зрением, речью и благими свойствами. Я исповедую, что нет божества, кроме Аллаха единого, без соучастников, которого восхваляют уста на всех языках. Исповедую я, что Мухаммед — его раб и посланник, его сокровенная тайна в круге существующих, отличенный восхождением на небо и восхвалением его со всех сторон. Да благословит Аллах его и его род и его сподвижников, пока пребывают земля и небеса.

А затем — о брат благой, да направит Аллах нас и тебя к истине! — из того, что сложили первые мудрецы Индии, осталась книга «Калила и Димна» на языке животных, птиц и других. Они вложили в нее лучшие истории и прекрасные поучения, которые понимают люди разумные.

Она — увещание для того, кто размыслит о ней, запомнит ее и сделает развлечением своего сердца и отдохновением ума. Она прекраснее яхонта и жемчужины, восхитительнее сада и цветов. Устремляй же постоянно свой взор на нее и уразумей тайны ее смысла. Если ты будешь устремлять длительно взор на нее, то

не лишишься пользы от нее и понимания ее смысла. Обнимает же она шестнадцать глав; из числа их первая глава — о послании Ануширваном Хосроем врача Барзуи — добавлена к ней, а вторая глава — о враче Барзье — составлена Бузурджмихром *, который сделал ее первой главой книги, хотя она не принадлежит к ней.

Основа же «Калилы и Димны» — четырнадцать глав: глава первая — глава о льве и быке, глава вторая — глава о расследовании дела Димны, глава третья — глава о голубе-вяхире, глава четвертая — глава о сове и вороне, глава пятая — глава об обезьяне и чепрахе, глава шестая — глава о благочестивце и ласке, глава седьмая — глава о Иладе, Шадираме и Ирахт, глава восьмая — глава о кошке и крысе, глава девятая — глава о царе и птице Фанза, глава десятая — глава о льве и шакале-постнике, глава одиннадцатая — глава о страннике, золотильщике, обезьяне, змее и барсе, глава двенадцатая — глава о царе, сыне знатного, сыне купеческом и сыне землемельца, глава тринадцатая — глава о всаднике, львице и шакале, глава четырнадцатая — глава о благочестивце и госте.

Чего не хватает из этих глав, то выпало из книги, а что добавлено к ним, то присоединено к ней без основания.

* *Бузурджмихр* — популярное в мусульманской литературе имя полулегендарного везира царя Хосроя Ануширвана; легенда приписывает ему составление или обработку предисловия к пехлевийской версии «Калилы и Димны».

ПРЕДИСЛОВИЕ БАХНУДА ИБН САХВАНА, ИЗВЕСТНОГО ПОД ИМЕНЕМ ИБН АШ-ШАХ АЛ-ФАРИСИ

осле славословия в этом предисловии упоминаем мы причину, ради которой Бейдеба, философ индийский, глава брахманов *, составил для Дабшалима, царя индийского, книгу, которую он назвал «Калила и Димна», изложив ее на языке животных и птиц, чтобы охранить ее конечную цель от черни, скучаясь ее содержанием перед глупцами и предоставив ее исключительно мудрости с ее разветвлениями и прекрасному с его источниками. Поэтому она для философа — простор, для ума его — открытие, для полюбивших ее — воспоминание, для ищущих ее — облагораживание. Мы упоминаем причину, ради которой Хосрой Ануширван, царь персов, отправил Барзуя, главу врачей, в страну индийскую из-за книги «Калилы и Димны», как Барзуя ухищрялся после своего прихода в Индию, пока не попал на человека, который списывал ее для него тайно в царской сокровищнице, по ночам, вместе с найденными им книгами индийских ученых, и принес книгу вместе с современными шахматами в десять на десять **. Мы

* *Брахманы* (или брамины) — первая, привилегированная каста у древних индийцев — последователей религии, называемой обычно брахманизм.

** Происхождение шахмат связывается с Индией, откуда они перешли к персам и арабам, а затем в Европу. Количество квадратов на доске в различные эпохи не всегда было одинаково.

упомянем причину, ради которой Бузурджмихр, сын ал-Бухтекана, составил предисловие о происхождении книги. Мы упомянем степень ее достоинства и будем побуждать приобретшего ее к изучению и постоянному рассмотрению ее и заключенной в ней пользы и преимуществ. Тогда он увидит, что она лучше всякого наслаждения, к которому устремлялась его мысль, и необходимо рассмотреть скрытые в ней речи. Если это будет не так, то он не достигнет намеченной ею цели. Мы упомянем приход Барзуи и открытое чтение им книги и причину, ради которой Бузурджмихр составил отдельную главу, назвал ее главой Барзуи-врача и напомнил в ней историю Барзуи с самого его начала, от рождения до того как он стал учиться, устремился к вере и полюбил мудрость, и обратился к ее разветвлениям, и как он поместил ее перед главой о льве и быке, которая в начале книги.

Сказал Али ибн аш-Шах ал-Фариси: — Причина составления философом Бейдебой книги «Калила и Димна» для Дабшалима, индийского царя, такова: Александр Двурогий, грек*, покончив с царями стороны Западной, устремился на царей Востока — персов и других. Он беспрестанно воевал с противившимися, сражался с боровшимися и мирился с шедшими на мир царями персидскими, а они были в первом ряду, пока не победил их, не одолел своих противников и не покорил своих врагов. И они рассеялись по разным дорогам, растрепались, как отрепья. Потом он направился с войсками своими к стране Китая и прежде всего подступил на дороге своей к царю индийскому, чтобы призвать его к повиновению и признанию его веры и власти. А правил в Индии в ту пору царь сильный, храбрый, непобедимый и предприимчивый по имени Форек. Когда дошло до него, что выступил Двурогий против него, он приготовился к битве с ним, снарядился к войне, призвал витязей своих и возбудил их на бой. Собрали ему в короткий срок отборных слонов для бит-

* Александр Двурогий — обычное в арабской литературной традиции название царя Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.).

вы и прирученных зверей для нападений, вместе с копьями клеймеными, копьями стройными, мечами режущими и пиками блестящими.

Когда приблизился Двурогий к Фореку индийскому и дошло до него о тех отрядах конных, заготовленных против него, что подобны мрачу ночному и не виданы ни у одного из царей тех стран, имевших дело с ним, — побоялся он попасть в беду, если поспешит с битвой. А был Двурогий человек хитрый и коварный и вместе с тем сообразительный и опытный. Испробовав разные хитрости, он решил действовать осторожно и тонко. Он вырыл канаву или ров перед лагерем и оставался на своем месте, придумывая хитрость и план, как ему напасть на этого царя. Он призвал звездочетов и велел им избрать счастливый день и срок для нападения и одоления индийского царя. Те этим и занялись. А бывало Двурогий не проходил мимо какого-нибудь города, не захватив там мастеров, известных во всяком искусстве. И вот навели его думы и направил ум обратиться к бывшим у него мастерам, чтобы сделали они ему медных коней, полых внутри, с человеческими фигурами на них, и поставили их на колеса, на которых они двигались бы, так что, если толкнуть их, — побежали бы они быстро. Он велел им по окончании работы наполнить внутренности их нефтью и серой, всадников одеть в бранные доспехи и выдвинуть все это пред средними рядами войска в минуту встречи двух сторон, и зажечь в них огонь, так как слоны, ухватившись хоботами своими за раскаленных всадников, обратятся в бегство. Он приказал мастерам заняться этим и покончить. Они постарались и поспешили, и близок был также день, избранный звездочетами. Двурогий послал своих послов к Фореку, царю индийскому, призывая его к повиновению и покорности державе его. Но тот ответил, настаивая на вражде, упорствуя в сопротивлении.

Когда увидел Двурогий такое решение его, он двинулся на него со снаряжением своим. Форек выставил впереди себя слонов. Тогда двинули люди тех медных коней с фигурами всадников на них, и бросились к ним слоны и ухватились за них хоботами своими. Но почув-

ствовав жар, они сбросили сидевших на них бойцов, растоптали их под ногами и понеслись в стремительном бегстве, ни на что не обращая внимания и топча все на пути. Тогда бросились в разные стороны Форек и войско его, а воины Александра следовали за ними, нанося тяжкие раны. И закричал Александр: — О царь индийский! Выходи на бой со мной. Пожалей свои войска и семью и не гони их на гибель! Не подобает царю бросать войско в час гибельный в месте несчастливом. Нет, царь защитит их своим достоянием и спасет ценой жизни своей. Выходи же ко мне, оставь войско! И кто из нас одолеет противника, тот и счастливее.

Когда услышал Форек эти слова от Двурогого, соблазнила его душа сразиться с ним в надежде на победу, и устремился он к нему, думая найти тут удачу. Выступил против него Александр, и скакали они на своих конях друг пред другом несколько часов дня, но никому не удавалось сразить другого, и так бились они, не переставая. Когда же Александр утомился этим, но не нашел никакого выхода, ни хитрости, он кликнул войску своему великий клич, задрожали от него земля и воины. Обернулся тогда Форек, услышав этот крик, и подумал, что это какая-нибудь кознь с его войском, а Двурогий нанес ему стремительный удар, покачнувшись его на седле его, а за ним вослед другой — и упал тот на землю. Когда увидели солдаты его то, что постигло их и случилось с их царем, бросились они на Александра и бились с ним сильным боем, ища смерти вместе с царем. Но он дал обет милостиво обойтись с ними; и даровал бог в награду ему победу над ними. Он овладел их страной и назначил им в цари одного из надежных своих людей и оставался в Индии, пока не закрепились нужные ему там меры и единогласное признание их. Затем он отправился из Индии, оставил вместо себя того человека, и пошел, направляясь к месту цели своей.

Но когда он удалился от Индии со своими войсками, изменили индийцы в покорности своей тому человеку, которого он оставил им вместо себя; они сказали: — Не приличествует державе и не одобрят ни знатный, ни простой человек, чтобы царствовал над нами муж не из нашего рода и не из нашей среды. Он будет всегда

обращаться с нами пренебрежительно и унижая. — И решили они поставить царем одного из сыновей царских и выбрали себе царя по имени Дабшалим, а того человека, поставленного над ними Александром, лишили власти.

Когда закрепилась власть за этим царем и упрочилось его положение, он стал чваниться, величаться, гордиться и возноситься и стал нападать на царей, бывших вокруг него. При этом оказался он победоносным, непобедимым, так что страшились его цари и боялись подданные. Увидев же свою власть и силу, он стал небрежен с подданными, презирая их и дурно поступая с ними. И чем дальше, тем выше поднимался его произвол, и вел он себя так долгое время.

А жил в его время некий муж, философ из брахманов, достойный мудрец, известный достоинством своим, за словом которого обращались люди к нему. Называли его Бейдеба-философ. Увидев это несправедливое отношение царя к подданным, он раздумал о средствах отвратить его от этого и вернуть его к правде и справедливости. Он собрал с этой целью своих учеников и сказал: — Знаете ли вы, о чём я хочу посоветоваться с вами? — Они сказали: — Нет! — Он сказал: — Знайте, что я много думал и долго размышлял о крайней несправедливости царя Дабшалима, о его неотступном злодействе, низком поведении и дурном обращении с народом. Приучим же себя к следующему в подобных случаях: как только проявится это у царей, мы будем обращать их к творению добра и следованию справедливости. Если же мы оставим это и пренебрежем, непременно постигнет нас бедствие нежелательное и случится то, чего мы осторегались, ибо нас постигнет болезнь глупцов, у коих утвердилось мнение, что мы глупее их и в очах ничтожнее. Я не намерен покинуть родные места, и не допустит нас наша мудрость оставить царя в его гадком поведении и злом обращении. Мы не можем бороться с ним ничем, кроме языка, и если бы ушли, чтобы найти себе других помощников против него, — не удалось бы нам наше состязание с ним, а если бы он почуял наше сопротивление ему и неодобрение зломыслия его, — поистине была бы для нас

в этом гибель. Вы знаете, что опасно соседство собаки со львом и змеи с быком и в приятном месте и сладкой жизни. Философу надлежит помышлять о том, как уберечь себя от нежелательных напастей и несчастных бед, как отразить опасное и привлечь любимое. Пришлось мне слышать, что некий философ писал своему ученику, говоря так: «Соседство со злым человеком и общение с ним подобно мореплавателю: если он спасется от потопления — не избежать ему страха. Если же он сам приводит себя к местам гибельным и источникам опасным, то следует счесть его за такое животное, у которого нет разума, ибо и дикому животному свойственно от природы распознавать то, в чем он получает пользу и избегает вреда. Ведь и животные не ведут стада своего к водопою, гибельному для них, но когда осмотрят его, то уклоняются благодаря природным свойствам, заложенным в них, и удаляются от него, охраняя себя». Я вас собрал ради этого дела, ибо вы близки мне и хранители тайн моих, в вас моя опора и поддержка. Ведь одинокий в мыслях и мнении, где бы ни был, — везде погибнет и не найдет помощника себе.

Причта на это такова.

П р и ч а . Один жаворонок устроил себе гнездо на дороге слона, поместился там и снес яйца. А у слона было одно место, куда он ходил на водопой. Как-то раз он шел по обычью туда и наступил на гнездо, раздавив яйца. Увидев это несчастье, жаворонок понял, что это сделал слон. Он полетел, опустился на его голову, плача, и сказал: — О царь! Зачем ты раздавил яйца мои и убил птенцов моих? Поступил ли ты так, считая меня слишком слабым, ничтожным и презренным рядом с тобой? — Слон сказал: — Именно это побудило меня. — Тогда жаворонок оставил его, отправился к стае птиц и пожаловался им на то, что постигло его от слона. Они сказали: — Что же можем мы сделать с ним, мы — слабые птицы? — Тогда он сказал сорокам и воронам: — Я хочу, чтобы вы отправились со мной к нему и выклевали ему глаза, а я после этого устрою ему другую хитрость. — Они согласились, полетели вместе с ним и не переставали долбить слона в глаза, пока не вырвали их. Больше уже не находил слон

дороги ни к питью, ни к пище, кроме той, что мог достать со своего места.

Когда жаворонок узнал про это, он прибыл к пруду, на котором было много лягушек, и пожаловался им на то, что приключилось с ним от слона. Они сказали: — Что можем мы замыслить против могучего слона и как нам одолеть его? — Он сказал: — Я хочу, чтобы вы пошли со мной к одной пропасти неподалеку от него и квакали бы и шумели в ней. Когда слон услышит ваши голоса, он не усомнится, что там вода, и упадет в нее. — Лягушки согласились на это, собрались у пропасти и заквакали. Слон услышал их кваканье и, так как его уже томила жажда, двинулся в путь, упал в пропасть и там погиб. А жаворонок прилетел и, хлопая крыльями над его головой, говорил: — О тиран, ослепленный силой своей, презирающий меня! Как показалась тебе великая хитрость моя при малом теле и огромное тело твое при твоем слабоумии?

— Пусть каждый из вас укажет мнение, которое явится ему. — Они сказали все: — О философ, достойный мудрец, справедливый! Ты самый первый и достойный из нас. Чего может достичь наше мнение рядом с твоим и наша мысль при твоей мысли? Мы знаем, что плавать в воде вместе с крокодилом опасно и грех за это лежит на том, кто входит к нему в обиталище его. Когда кто-нибудь извлекает яд из зуба змеи и пробует его на себе, то нет в этом вины на змее. Кто входит в логовище льва — небезопасен он от нападения его. Этого царя не научат несчастья и не взвалнут беда, мы не уверены в безопасности твоей и нашей от его ярости и проявления насилия, если ты встретишь его в другом настроении, чем желал бы от него.

Байдеба сказал: — Клянусь жизнью, вы хорошо сказали, прекрасно ответили. Но человеку благоразумному, осмотрительному необходимо советоваться и с низшими и с высшими его по сану. Один ум как недостаточен для решения вопроса частного, так бесполезен и в вопросе общем. Решение мое встретиться с царем Дабшалимом правильно. Я послушал ваши речи и выяснил себе вашу искреннюю дружбу ко мне и ваши опасения за себя и меня. Но я уже задумал один

план и принял одно решение, последствия которого вы узнаете после встречи моей с царем и разговора с ним. И когда дойдет до вас, что я вышел от него, соберитесь ко мне.

Затем Бейдеба разрешил друзьям своим удалиться. Они встали и призвали на него благословение и мир. Он выбрал день для входа к царю Дабшалиму, и, когда этот назначенный день наступил, он набросил на себя власяницу *, одеяние брахманов, и пришел туда. Он спросил о царском дворецком, и его направили к нему. Придя к нему, он приветствовал его и сообщил, что он человек, ищущий царя по одному делу, в котором для царя добрый совет. Дворецкий вошел к царю и спросил у него разрешения его ввести. А царь был в тот день свободен, не занят. Он разрешил войти, и тот вошел, стал пред ним, выразил покорность, поклонился ему до земли, потом выпрямился и встал, молча, не произнеся ни слова. Царь Дабшалим задумался о его молчании и сказал: — Только ради двух целей может искать меня этот философ: либо желает он получить от меня что-нибудь, чтобы исправить свое положение, либо случилось с ним какое-нибудь несчастье, в котором он бессилен и не может найти себе помощника, и он прибегнул к нам, чтобы найти самую великую муку и сильное наказание противнику своему. — Потом он сказал: — Нет, не бывает так с философами. Ведь если цари и превосходят их властью своей, то мудрецы еще больше превосходят царей своей мудростью, ибо мудрецы, благодаря знанию своему, не нуждаются в царях, но цари не могут обойтись без мудрых при помощи своих богатств. Я нахожу ум и стыдливость самыми тесными и неразлучными друзьями; когда пропадает один, не найти и другого, подобно тому как это бывает с искренними друзьями среди людей или других: если теряет один товарища своего, не спокойна душа его всю жизнь от тоски по нем. Кто не стыдится ученьих, не почитает их, не признает превосходства их, не отвращает их от унизительных положений и недостой-

* *Власяница* — одежда из грубого волоса, которая считалась отличительным признаком аскетов и отшельников.

ных мест, — утрачен у того разум и загублена жизнь, учинил он несправедливость к правам мудрых и будет причислен к глупцам.

Потом он поднял взор на Бейдебу и сказал ему: — Я вижу тебя в молчании, ты не объясняешь своей нужды и не открываешь своих желаний. А я знаю, что причина молчания твоего — либо несчастье, поразившее тебя, либо какая-нибудь казнь, постигшая тебя. Я понял это во время твоего долгого молчания и сказал: «Не пришел Бейдеба посмотреть на нас, против своего обыкновения, иначе как ради какого-либо дела, вынужденного его на это. Ведь он самый достойный человек нашего времени. Не буду же спрашивать у него причины его прихода. И если он ищет у нас поддержки против постигшей его несправедливости, то наиболее достойным будет подать ему руку и поспешить почтить его и удовлетворить все желания его. А если цель его лежит в области здешних мирских благ, я прикажу тогда удовлетворить его так, как он хочет. Но если это будет из области таких царских дел, коим предаваться и отдаваться царям не подобает, то я посмотрю, в какой мере наказать его за это, хотя, конечно, он не явился ко мне, чтобы вмешиваться в область царских дел. Если же на дела подданных хочет он обратить мое внимание, то я расследую их. Ведь мудрый сообщает лишь доброе, а глупец — наоборот». Итак, я предоставляю тебе говорить: скажи, что ты думаешь.

Когда выслушал Бейдеба речь царскую, рассеялся его страх и исчезла запавшая в душу боязнь. Он выказал покорность, поклонился до земли, потом встал и сказал: — Прежде всяких слов я попрошу у господа моего продлить жизнь царя навеки и вечно хранить державу его. Оказал мне царь в месте сем высокий почет, во славу всех ученых после меня и на вечную память во все годы у мудрых, ибо обратил царь на меня свое лицо и склонился ко мне великодушием своим. Дело, побудившее меня выступить с речью к нему, есть решимость дать хороший совет ему, совет, который я обращаю только к нему, а не к другому. Пусть же знает тот, до кого дойдет об этом, что я не остановлюсь ни пред чем в требовании от царя должного отношения к

мудрым. И если он позволит мне высказаться и предоставит свободу, то он вправе будет поступить, как ему угодно; а если он отбросит мои слова, то я исполнил свой долг и свободен буду от порицания, направленного на меня.

Царь сказал: — О Бейдеба, говори, я слушаю тебя и внимаю твоим словам. Скажи, что у тебя, дабы я вознаградил тебя за это достойным образом. — Бейдеба сказал: — О царь! Я нахожу, что четыре вещи отличают человека среди всех животных, вмешая в себе все, что существует в мире, — это мудрость,держанность, ум и справедливость. Ученость, образование и обдуманность входят в область мудрости. Благородумие, терпеливость, учтивость и почтительность относятся к уму. Стыдливость, благородство, сдержанность и сознание своего достоинства входят в областьдержанния. Правдивость, соблюдение обязательств, творение хороших дел и добронравие относятся к справедливости. Эти качества прекрасны, а противоположные им — дурны. Когда в ком-нибудь они достигают своего завершения, — не приведет того избыток благоденствия его к злой доле в мире сем или к недостатку. Он не скорбит о том, наличие чего не приносит удовлетворения, не печалят его те утраты, что наносит судьба предметам обладания его, и не смущается он теми неприятностями, что удручают его. Мудрость — сокровище, не исчerpывающееся от трат, и запас, который не поразит нужда. Она — платье, которого новизна не изнашивается, и наслаждение, длительности непрерывающейся. Если я, стоя перед царем, не приступал первым к речи, то это было только из страха моего пред ним и почтения. Клянусь жизнью, цари заслуживают страха перед ними, особенно тот из них, кто саном своим превзошел всех царей, бывших до него прежде.

Мудрецы говорили: держись молчания, ибо в нем спасение, и избегай пустых речей, так как исход их — раскаяние. Говорят, что четырех мудрецов собрал на совет некий царь и сказал им: — Пусть выскажетя каждый из вас одним изречением, которое стало бы основой благовоспитанности. — Первый сказал: — Самое достойное в жизни мудрых — молчание. — Второй

сказал: — Полезнее всего, чтобы не пускался человек в разговоры, пока не выяснит меру отношения своего к уму. — Третий сказал: — Самое полезное для человека — это не говорить необдуманно. — Четвертый сказал: — Самое спокойное для человека — предание себя судьбе.

Собрались некогда цари стран: Китая, Индии, Персии и Рума *, и сказали: — Нам следует сказать каждому по слову, которое сохранили бы на вечные времена. — Царь Китая сказал: — Я более властен вернуть то, что не сказал, чем то, что сказал. — Царь Индии сказал: — Я дивлюсь на того, кто говорит слово, которое, будучи сказано за него, оказывается бесполезным, а будучи против него, приводит к гибели. — Царь Персии сказал: — Раз я высказал слово — оно владеет мной, а если я не произнес его — я владею им. — Царь Рума сказал: — Я не раскаивался никогда в том, чего не сказал, но раскаивался часто в том, что говорил. — Молчание царей лучше пустой болтовни, которая не ведет к пользе. Больше всего заблуждается человек по вине своего языка.

Однако так как царь, да продлит бог его жизнь, дал простор и свободу мне в слове моем, то, прежде чем поведать о цели моей, я скажу, что плоды этого принадлежат ему, а не мне, пользу от этого я всецело передаю ему, минуя себя, так что награда, искомая мною от моих речей, принадлежит ему, только ему будет выгода, не мне, как равно и слава будет для него. Я же только исполняю задачу, обязательную для меня. И скажу я: — О царь! Ты занимаешь сан твоих царственных отцов и могущественных предков, которые до тебя выстроили города и которым покорилась земля. Они строили замки и водили войска, собирали запасы, и долга была их жизнь. Они обильны были конями и оружием и жили века в счастье и радости. Но это не помешало им приобрести славные деяния, не лишило их возможности заслужить благодарность за оказанные милости и не прекратило доброго проведения взя-

* Рум — арабское название Восточной Римской империи, или Византии (IV—XV вв. н. э.).

тых на себя обязанностей при всей той мощи державы и упоении могуществом своим, в которых они пребывали.

И вот ты, о царь, счастливый жребием своим, у которого вознеслась над звездами звезда удачи его, наследовал землю их, города и богатство, бывшие у них, и утвердился в дарованной тебе богом власти. Ты наследовал имущества и войска, но не исполнил здесь обязательств, бывших на тебе, и не соблюл того, что предписывается царям, получившим власть. Нет, ты перешел границы, причинил обиды, возгордился, вознесься над подданными, ты повел себя дурно, и велики были бедствия от тебя. А между тем самой достойной и приличествующей тебе задачей было бы шествовать путем своих предков, идти по следам царей, бывших до тебя, следовать прекрасным деяниям, оставленным тебе, и воздерживаться от того, что навлекает на тебя позор и разит тебя бесчестием. Ты должен был быть внимателен к подданным своим и устанавливать для них добрые законы, память о которых будет жить после тебя и слава коих будет следовать за тобой, так что будет тут самый долгий мир и длительная справедливость. Неразумен тот, кто руководится в делах своих щеславием и мечтами. Благоразумен и умен тот, кто правит царством ласково и кротко. Вдумайся, царь, в то, что я сообщил тебе, и пусть не будет это в тягость тебе. Ведь я не говорил этого ради какого-нибудь интереса, домогаясь награды твоей или стремясь к милости твоих благодеяний. Нет, я пришел к тебе как искренний, страдающий тебе друг.

Когда Бейдеба окончил свою речь и прекратил наставления, задрожало сердце царя, и презрением к нему был исполнен грубый ответ его. Он сказал: — Ты высказал мне такие речи, не думаю, чтобы кто-либо из царства моего посмел обратиться с подобными им и отважиться на то, на что отважился ты. Как же осмелился сделать это ты, при малых годах твоих, ничтожной пользе и слабой силе? Ты дерзнул высказать мне такие речи, которые никто не имеет права выражать мне. Велико удивление мое пред выступлением твоим и невоздержанностью твоего языка, перешедшего свои гра-

ницы. Я не вижу лúчшего средства укротить других, как наказать тебя тяжким наказанием; в этом будет назидание и увещание для всех, пожелающих, может быть, добиваться от царей того, чего домогался ты, когда допустят их до общения с ними.

Потом повелел царь его казнить и распять. Но когда отправили его для исполнения приказания, царь повелел его возвратить, отступил от него, а затем приказал посадить в тюрьму, куда и ввергли его закованным в кандалы. Вслед за тем он разослал на поиски его учеников и тех, кто собирался к нему, дабы ввергнуть и их в темницу. И убежали те по странам и укрылись по морским островам. А Бейдеба много дней пробыл в темнице, но не спрашивал о нем царь, не обращал на него внимания, и никто не осмеливался ему напомнить про него. Как-то в одну из ночей страдал царь сильной бессонницей. Он обратил свой взор на небесный свод и задумался о вращении его и движении звезд его. Он погрузился в думы и пожелал разрешить какой-то вопрос, явившийся у него относительно неба. Тут вспомнил он Бейдебу, подумал о словах его и раскаялся. Он сказал в своей душе: дурно я поступил с этим философом, выказав небрежность к его правам. Вспышка гнева побудила меня на это, а ведь сказано: не должно быть гнева в царях, ибо гнев более всех вещей заслуживает ненависти, ибо гневающийся всегда ненавистен. Не должно быть и скупости, так как она не имеет прощения при достатке; лжи, на которую никому не след посягать, и отсутствия кротости при соседстве, ибо безрассудству не место в нем. Я сошелся с человеком, искренним ко мне, беспорочным. Однако я встретил его обратно тому, как он заслуживает, и воздал ему не тем, на что он имел право. Это не было должным воздаянием, нет, я обязан был выслушать речь его и последовать совету его.

Он тотчас послал привести его, и, когда тот явился пред ним, он сказал: — О Бейдеба, не стремился ли ты умалить мои помыслы и принизить мой ум своими недавними речами? — Бейдеба сказал: — О счастливый царь! Я указал тебе лишь на благо для тебя, твоих подданных и вечности державы твоей.

Царь сказал ему: — Повтори же то, что ты сказал, и не оставь ни одного слова не высказанным. — И стал Бейдеба говорить, а царь внимал ему и, слушая его речь, бил по земле чем-то бывшим у него в руке. Потом он поднял голову к нему и приказал сесть. Тот сел. Затем он сказал ему: — О Бейдеба, приятна мне речь твоя, и хорошо запала она в мое сердце. Я рассмотрю твой совет и поступлю согласно с ним. — Потом он приказал его расковать и сделал подарок ему из царских одежд.

И сказал Бейдеба: — О царь! И в меньшем того, что я говорил, завершение для тебя. — Царь сказал: — Ты прав, о достойный мудрец! И я поручаю тебе в этом моем собрании все мое государство. — Бейдеба сказал: — О царь! Избавь меня от этого. Я не могу спрятаться с этим делом иначе, как при тебе. — Царь согласился с этим и освободил его.

Но когда тот ушел, царь понял, что поступил неразумно, и послал, чтобы его вернуть. Он сказал ему: — Я раздумал о своем освобождении тебя от возложенного дела и нашел, что выполнить его можешь только один ты; никто не справится с ним и не разрешит помимо тебя. Не противься мне. — И согласился Бейдеба на это.

А было в обычай царей того времени, когда облекали они кого-либо в сан везира *, возлагать на его голову корону и верхом среди царедворцев водить по городу. И приказал царь поступить так с Бейдебой. Тогда возложили на него венец, и он верхом поехал по городу, а вернувшись, воссел в зале справедливости и правды. Он взял сторону слабых против сильных, отверг обидчиков и положил законы справедливости. Когда весть эта дошла до его учеников, они пришли к нему со всех сторон, радуясь той власти, подаркам и милостям, которые он получил от царя. Они возблагодарили всевышнего бога за то, что он помог Бейдебе отстранить царя Дабшалима от его скверного поведения; они сделали этот день праздником своим и стали празд-

* Везир — арабское название первого советника или главного министра.

новать его, и установился этот день до воскресения мертвых в их стране.

Потом освободились мысли Бейдебы от его дел с Дабшалимом, он нашел досуг от занятий правления и написал много книг с тонкими мыслями. А царь шел по пути доброго поведения и справедливого отношения к подданным, начертанному для него Бейдебой, и искали близости его все подданные его и царедворцы. А Бейдеба собрал своих учеников и завещал им прекрасный завет. Он сказал им: — Я не сомневаюсь, что вы, когда я пошел к царю, сказали в душе своей: пропала мудрость Бейдебы, и погибла мысль, если решился он пойти к этому несправедливому тирану. Теперь вы знаете последствия моего плана и правильности моих мыслей, знаете, что я не шел к царю в неведении о нем. Я слышал, как говорили: «Царям свойственны такие же порывы, что и юношам. И только ученые и сведущие мудрецы исправляют в них это опьянение. Мудрые обязаны воспитывать царей словом своим, наставлять мудростью своей и приводить ясные, соответствующие доводы на их кривые и бегущие справедливости действия». Я счел слово ученых обязательством для мудрых по отношению к их царям, дабы пробудить их от их хмельного сна, подобно тому, как врачу надлежит по врачебной науке хранить тело и возвращать ему здоровье. Я не хотел оставить это так, дабы после смерти моей не сетовали на меня и на вас и дабы не стали говорить все оставшиеся на земле: «Жил Бейдеба-философ во время Дабшалима царя, но не удержал его от злодеяний».

И если кто-нибудь скажет: «Он не мог говорить из страха за свою жизнь», — то другие ответят: «Бежать от царя и общества его было наименее пристойно ему». Но тяжко покинуть родину.— Я решил пожертвовать жизнью, видя оправдание себе у тех мудрых, что будут после меня. Я ринулся на гибель или победу своих желаний, и вот вы свидетели того, что случилось. В какой-то притче сказано: «Никогда не достичь высокого сана без помощи трех вещей: либо личным трудом, либо тратой имущества, либо ущербом в вере. Кто

не отваживается на опасности, — не достигает желанного».

И жил так царь в добром поведении долгое время, а Бейдеба заведовал делами и управлял ими.

Затем, когда укрепилась его держава и перестал он следить за делами подданных и наблюдать за врагами и борьбой с ними, так как с этим справлялся один Бейдеба, обратились его мысли к книгам, составленным философами индийскими для его предков и отцов. И захотел он, чтобы была в сокровищнице книга с его именем, а он знал, что никому не исполнить этого, кроме Бейдебы. Он призвал его к себе, остался с ним наедине и сказал: — О Бейдеба! Ты мудрец и философ индийский. Я раздумал и размыслил о сокровищницах мудрости, что были у всех царей, живших до меня: Я не видел ни одного, у кого не было бы составлено книги, в которой было упомянуто имя его, войны его и жизнь, а также сообщено про образованность его и его царедворцев. Часть их составляли сами цари для себя, открывая тем мудрость свою, а часть их писали мудрецы. Я боюсь, что постигнет меня то, что постигло и их, а именно смерть, против которой нет хитрости, и не найдут в сокровищнице моей книги, которую прочитали бы цари и где было бы написано обо мне и упомянуто мое имя, как сказано про прежних царей в книгах их. Я хочу, чтобы ты составил обо мне прекрасную книгу, исчерпав в ней весь свой ум, которая показывала бы, как править народом и воспитывать его, говорила бы о нравах царя и как управлять ему подданными в повиновении царю и служении ему, дабы облегчились и мне и им многие необходимые государственные заботы. Я хочу, чтобы книга эта осталась памятью обо мне на будущие века.

Когда Бейдеба выслушал это, он упал ниц и поклонился ему до земли, поднял голову и сказал: — О счастливый царь! Да взойдет звезда счастья твоего и да скроется звезда несчастливая! Да продлятся дни жизни твоей. Поистине, совершенная природа царя и богатый ум, запечатленные в нем, навели его на этот путь, подвинули на это высокое дело, мной услышанное, и подняли мысль его до высочайшей степени и крайнего

предела. Да продлит вечно бог всевышний счастье царя и да поможет ему в его решении, а мне в исполнении желания его. Пусть приказывает царь, что хочет, я устремлюсь к цели его, посвящу ей весь ум.

Царь сказал ему: — Ты всегда был известен, о Бейдеба, сочетанием благословенного ума с повиновением царскому приказу. Мне это уже известно в тебе. И я решил, чтобы ты составил эту книгу, употребив все старание свое и все возможные усилия, так чтобы она заключала в себе серьезное и забавное, шутливое, мудрость и философию; чтобы мудрому было чем заняться в ней по части мудрости и чтобы раскрылась грудь его от смеха над ее шутками.

Бейдеба поклонился ему смиренно до земли и сказал: — Я принимаю повеление у царя и назначаю для исполнения его некоторый срок. — Царь сказал: — Какой же, о Бейдеба? — Тот сказал: — Год. — Царь сказал: — Назначаю его тебе, о Бейдеба! — И велел он выдать ему высокий подарок для поддержания его сил при составлении книги по указанию царя.

Затем Бейдеба несколько дней обдумывал, как взяться за составление книги, с чего ее начать и в какой форме изложить и как озаглавить. Он собрал своих учеников и сказал им: — Царь поручил мне одно дело, в котором заключена слава моя, слава ваша и слава страны нашей до века. Ради этого я вас и созвал. Царь Дабшалим возложил на мои уста составить ему книгу. В ней будут образцы мудрости, пусть же каждый из вас составит что-либо в любой области и представит мне, дабы узнал я степень его ума и предел достигнутой им мудрости.

Они сказали все: — О достойный мудрец и тонкий разумник! Клянемся тем, кто одарил тебя дарами мудрости, разума и чистоты (а это всевышний бог), не приходило, это нам на мысль никогда, ни на минуту. Ты наш глава и среди нас самый достойный, и тебе наша слава, и в твоих руках наша поддержка. Мы постараемся, однако, исполнить твой приказ. — Потом Бейдеба описал им указание царя относительно книги и цель, которую царь преследует ее планом и расположением.

Но не могли они ничего придумать в том деле, что предпринял царь.

Когда Бейдеба не нашел у них того, что искал, он раскинул своим достойным умом и понял, что выполнить это дело можно лишь усилием мысли и работой ума. Он сказал: — Я вижу, корабль плавает по морю только силой моряков, ибо они управляют им. Но только приказом начальника, единолично распоряжающегося, он режет волны и проходит моря. Если же перегружен он едущими и переполнен матросами — не миновать ему потопления.

Затем он все время не переставал размышлять о составлении книги и в конце концов написал ее наедине с одним из своих учеников, уму которого доверял. Он уединился с ним, заготовил перед этим много бумаги и пищи для поддержания жизни своей и ученика в течение года. Потом они поместились в одном помещении и заперли за собой дверь. И принялся Бейдеба составлять книгу. Он все время диктовал, а ученик записывал и перечитывал, пока не образовалась книга искусная и соразмерная. Он поделил ее на четырнадцать глав, каждая из них была самостоятельна. В каждой из них был вопрос и ответ, дабы была польза тому, кто посмотрит какую-нибудь из глав. И назвал он ее «Книга Калилы и Димны». Он там выразил речь языками животных, диких зверей и птиц, чтобы была она по внешности развлечением простому человеку, а внутри — назиданием для избранных, соединявшим все то, в чем нуждается человек в делах веры и здешней и будущей жизни, а также то, что побуждает его к добруму повиновению царю и избежанию, на пользу себе, всего вредного ему. Затем он придал ей внутри и извне форму прочих книг мудрости, и стали фигуры зверей забавой, а речи их мудростью и наставлениями.

Приступив к этому, Бейдеба поместил в начале книги описание друга, какими бывают два друга и как разрывает прочную дружбу таких хитрых кознодей. Затем он велел ученику своему записать с его слов то, о чем он условился с царем, памятую при этом, что если небрежное слово попадает в мудрую речь, — оно портит и губит мудрость ее.

Когда встречались Бейдебе забавные места книги, он записывал их, места серьезные — закреплял. И так получилась книга на языке животных, и мудрость была заключена в их речь. Оставив внешнюю часть ее, они занялись содержащимися в ней наставлениями мудрости и назидания. Невежды не поймут смысла сочиненного для них и выразят удивление перед разговорами зверей, примут это за шутку, и недоступно будет им значение речи, если они и усвоят ее. Они не поймут цели сочинения этого, ибо цель философа, выраженная в первой главе, заключается в повествовании о единении братьев и тех средствах, коими закрепляется их дружба, — остереганием низких людей и избеганием навлекающих вражду и разлуку между любящими друг друга путем лживого навета, ради личной выгоды.

Когда кончена была книга и пришел срок к концу, царь Дабшалим послал к Бейдебе сказать: — Срок наступил, что же ты выполнил? — Бейдеба послал ему сообщить: — Я исполнил обещание царю. Пусть прикажет он мне принести книгу эту к нему после того, как соберутся вельможи его, и произойдет чтение мною этой книги в их присутствии.

Когда вернулся к царю Дабшалиму посланный его, он обрадовался радостью великой и назначил день для сбора жителей царства его. Потом он кликнул клич по самым отдаленным концам страны индийской, чтобы явились все на чтение книги. И когда пришел этот день и собрался народ, царь повелел воздвигнуть два трона — себе один и другой Бейдебе. Затем явились все — и поднялся Бейдеба, одетый в платье мудрости, которое он надевал на прием у царя и которое состояло из черной власяницы. Приблизившись к царю, он поклонился ему до земли, выражая покорность, и не поднимал головы.

И сказал ему царь: — О Бейдеба! Подними голову. Сегодня не день плача, сегодня день радости и благодарности. — Затем он спрашивал его, при чтении книги, о смысле каждой главы и о цели, преследуемой ею, и тот объяснял ему цель и задачи каждой главы. И еще больше радовался царь и восхищался им. Он сказал: — О Бейдеба! Ты как раз выполнил мое желан-

ние. Это именно то, что я хотел. Требуй же, что хочешь, и повелевай! — Бейдеба пожелал ему счастья и сказал: — О царь, что до богатства, то не нужно оно мне, одеждам же всем я предпочитаю это мое платье. Но я не оставлю царя, не выразив ему своей нужды, раз это мне предоставлено. — Царь сказал: — В чем же ты нуждаешься тогда? Всякая нужда твоя будет нами разрешена. — Он сказал: — Я прошу царя повелеть переписать мою книгу, как переписывали свои книги отцы и деды царя, и приказать беречь ее, ибо я боюсь, что уйдет она из страны индийской, захватят ее люди персидские, узнав про нее, и исчезнет она. Итак, пусть же не покидает она «дома мудрости» *. — Затем царь призвал его учеников и выдал им почетные одежды и одарил подарками.

Потом дошла весть об этой книге до царя Хосрова Ануширвана, — а он любил ученые и назидательные книги, — и не находил он себе места, пока не послал врача Барзу, и тот употребил всю хитрость и ловкость, так что похитил книгу из страны индийской и поместил в хранилище персов.

* *Дом мудрости* — обычное название библиотеки или архива, часто употреблявшееся еще в эпоху аббасидского халифата.

**ГЛАВА ОБ ОТПРАВКЕ
ЦАРЕМ ХОСРОЕМ АНУШИРВАНОМ ВРАЧА БАРЗУИ
В СТРАНУ ИНДИЙСКУЮ НА ПОИСКИ
КНИГИ «КАЛИЛА И ДИМНА»**

б этом Бузурджмихр говорил так: — Переходя к делу, скажу: истинно бог всевышний и благословенный сотворил тварь свою в разных видах по милосердию своему, ниспоспал рабам по благости своей и наделил их средствами поддерживать жизнь свою в сем мире и спасать душу от мучений наказания будущего. Лучшее из того, чем он наделил и одарил их, — это разум, который есть сила, добывающая все, и без которого никто не может ни упорядочить средства существования своего, ни сохранить полезное, ни оттолкнуть вред. То же можно сказать и об ищущем жизни будущей, стремящемся спасти душу свою от гибели. Разум есть основа всякого добра, ключ к каждому желанию, и никому не обойтись без него. Он приобретается опытом и образованностью и является скрытой природой в человеке, притаившейся подобно огню в камне или дереве; не виден он, пока не коснется его высекающий извне; когда же это произойдет, обнаруживается у него свет и пламень. Так же и разум таится в человеке: не виден он, пока не обнаружит его образованность и не даст ему силы опыт; когда же утвердится он, то первым устремляется к добру и отгоняет всякий вред. Нет ничего лучше разума и образованности. Кого одарил творец разумом и кто сам

подкрепил его своим рвением и жаждой приобретений знания, счастлив удел того, и достигает он всех упоманий в мире сем и будущем.

Господь наделил нашего царя, счастливого жребием своим, Ануширвана, наисовершенным умом и самым счастливым уделом. Он подкрепил его сверх того хорошим образованием, исканием знания и стремлением к толкованию всех философских наук, — розыском сокровенного и выискиванием истины из того, что всем явно. И достиг он в этом степени, которой никогда не достигали цари прежде него. И вот среди розысков его и занятий науками дошло до него, что одна книга из книг индийских высоко ценится царями и учеными их и тайно хранится у них. Она корень всякого знания и вершина всех наук, путеводитель ко всему полезному, ключ к поискам жизни будущей и средство спасения от ее ужасов; она удовлетворяет все нужды царей, при управлении царством своим, и все потребности существования их. Книга эта «Калила и Димна». Когда подтвердились вести, дошедшие до него об этой книге и о той полезной поддержке уму и образованности, которая хранится в ней, он потерял мир и покой от жажды добить ее, и взглянуть на нее и ее чудесные свойства. А он был человек умный и образованный. И попросил он царедворцев своих найти человека воспитанного и ученого, искусного в языке персидском и индийском, любящего науку, ревностного в завершении образования, трудящегося над исследованием и изучением сочинений философских, — чтобы привести его к нему. И искали такого человека, и нашли. Привели некоего прекрасного и достойного юношу, совершенного умом и образованием, известного по занятию своему как врача и опытного в языке персидском и индийском. Имя его было Барзая. Войдя к царю, он поклонился ему до земли и потом встал, выражая покорность. Царь сказал ему: — О Барзая! Я выбрал тебя из-за того совершенства ума и той благовоспитанности твоей и жадных поисков знания, где только можно, про которые я слышал. Дошли до меня вести об одной книге в Индии. — И царь рассказал ему свою историю, то, что с ним произошло чрез это, и свое великое желание

добыть ее. Он приказал ему снарядиться в дорогу на поиски ее и употребить весь свой ум, ловкость и знание, чтобы достать ее из хранилищ их и от их ученых в целом виде и написанной на персидском языке и похитить эту книгу, а также и другие, которых нет в сокровищницах царя и царстве его.

Он приказал выдать ему денег, сколько он хочет, и если истратит их прежде выполнения цели, то пусть напишет царю, и тот снабдит его каким угодно количеством, хотя бы и великим. Он сказал: — Не пренебрегай исследовать всякую науку: этот расход не возместить деньгами, хотя бы они охватили все содержимое сокровищниц моих. — Он приказал затем звездочетам выбрать ему день выступления и счастливый час. И он вышел, неся с собой двадцать тысяч динаров *.

Вступив в землю того царя, Барзуя замешался в рыночную толпу и расспросил о приближенных царских и вельможах, ученых и философах. Он стал посещать их дома, встречая их приветствиями и выспрашивая относительно царя. Он сообщал им, что он чужестранец, пришел в их страну, ища знания и образованности, что он нуждается для этого в их помощи и просит их руководства в достижении его цели. И сохранивая в полнойтайне назначение своего путешествия, он не переставал вместе с этим долгое время учиться тому, что уже хорошо знал, и заниматься науками, в которых был уже искусен. За долгое пребывание свое он приобрел себе много друзей индийцев из людей знатных и простых, ученых и людей всяких занятий. Среди них он особенно подружился с одним человеком по имени Адуя. Он сделал его своим хранителем тайны и советчиком, так как обнаружил в нем хорошие знания, полную воспитанность, истинные братские чувства и полную любовь. Он советовался с ним во всех делах, скрывал от него только одно дело, его волновавшее, и тонко вел себя с ним, высматривая, не увидит ли он его

* *Динар* — по-арабски общее название всякой золотой монеты, едва ли употребленное в данном случае с реальным значением.

подходящим для доверия своей тайны. Он не переставал выведывать сущность его души, пока не доверился ему и не узнал, что он может быть хранилищем тайн, доверенных ему, и полезен в том, что ищется от него; что он податлив на просьбы и усерден в оказании помощи, искомой от него. И увеличилась его нежность к нему. Он до самого того дня, в который надеялся достичь цели своей, делал всякие траты в полной тайне, пытаясь расположить к себе друзей. Он участвовал с ними в пиршествах, присутствовал на попойках, ради цели, преследуемой им от них, но ни на кого из вошедших в братство с ним он не мог положиться, кроме того упомянутого нами друга. И как решил поступить с ним Барзая, и тот ответил ему на это и каким образом испытал он его ум, так что в конце концов доверился и положился на него,— все это произошло вот в каком виде. Он сказал ему, когда они остались наедине: — О брат мой! Я не хочу более скрывать от тебя то, что скрывал. Знай, что есть у меня одно дело, ради которого я пришел, и оно не то, что ты у меня видишь. Но умному достаточно знаков взгляда и движения руки другого, чтобы понять тайну его души и сокровенные мысли сердца. — Индиец сказал ему: — Хотя я и не заговорил первым с тобою и не сообщил тебе цель твоих поисков и прихода и что ты скрываешь то, что ищешь, и выставляешь на вид другое, все-таки не укрылось это от меня. Но ради стремления моего к твоей дружбе я не хотел открывать тебе этого, хотя мне уже выяснилось, что ты таишь, и ясны стали твои планы и что ты держишь в тайне от меня. Однако раз ты начал разговор, я расскажу тебе про тебя самого, покажу тебе тайны твои и разъясню цель прихода твоего. Ты пришел в нашу страну для того, чтобы похитить наши драгоценные сокровища и унести их в свою землю, дабы порадовать ими твоего царя. Твое прибытие — вероломство, и дружба твоя — обман. Но я видел, как ты терпеливо и настойчиво домогаешься своей цели и тщательно избегаешь во все время пребывания у нас обронить в речи хоть слово, которое могло навести на тайну твою. И я сильно полюбил твой ум и возлюбил дружбу с тобой, и не знаю, видел

ли я человека более твердого разумом, образованного, настойчивого в достижении цели, более сдержанного в своих тайнах и лучшего нравом, чем ты, и нет ничего подобного в странах чужих и царствах, кроме царства твоего или у народа, свойства и деяния которого неизвестны. Знай же, что ум человека проявляется в восьми качествах. Первое — это нежное и ласковое обращение. Второе — познать свою душу и блести ее. Третье — повиноваться царям и стараться угодждать им. Четвертое — знать, как обращаться с тайнами своими и как подобает поверять их друзьям своим. Пятое — быть учтивым и смышленым у врат царя, деликатным на языке. Шестое — хранить тайны свои и чужие. Седьмое — властвовать над своим языком и пускаться только на обдуманную, взвешенную речь. Восьмое — это отвечать на сборищах только на то, что спрашивают, говорить только о вещах, достоверно известных, и не высказывать того, в чем можно раскаяться. У кого соединяются эти качества, тот привлекает к себе благо и пользу и отталкивает зло и убыток. Все они ясно видны у тебя и очевидны для меня, и господь сохранит тебя и даст мне насладиться твоей дружбой. В ком сочетаются эти восемь качеств, тот заслуживает, чтобы удовлетворили его требование, восполнили нужду и дали просимое. Однако цель, преследуемая тобой, ужаснула меня и пронзила печалью и страхом. Мы просим спасения у господа.

Понял тогда Барзая, что, по мнению индийца, дружба его была вероломством и прикрытием искомой цели и что отнес тот причину этого к какому-то хищению и воровству, но это все-таки не отшатнуло и не отогнало его, он только мягко возразил ему, так мягко и нежно, как возражает брат брату, так что Барзая проникся спокойной верой в исполнение своей цели. Затем он сказал индийцу: — Я уже заготовил обширное объяснение, заложил корни, научил сучья, наветвил ветви и снабдил всеростками и побегами. Но так как ты теперь не нуждаешься в нем, я отказываюсь от того, к чему приготовился, ибо ты по малому узнал многое, да сохранит тебя господь в разуме твоем и воспитанности. Ты избавил меня от трудной

речи и предвосхитил ответ, кратким словом облегчив задачу, как я это уже ожидал от тебя. Ведь речь, когда она достигает мудрых, и тайна, поверяемая сдержанному, умному человеку, закрепляется и достигает прочным и надежным образом цели упования обладателя ее, так же, как прочен замок, основы которого заложены в скалах, и как прочна гора, которой не поколебать ветрам и не сотрясти.

Индиец сказал: — Нет ничего лучше любви. Кто хранит в своей душе любовь, тот заслуживает тесной близости к себе других без обнаруживания помыслов его. Вершина благовоспитанности — хранение тайны. Когда тайна достается надежному сдержанному человеку, он — верный блюститель ее — обязан заботиться о сохранении ее и о том, чтобы она оставалась тайной, ибо, если о ней говорят два языка, она переходит к третьему, и, перейдя к трем, она распространяется среди всех людей, так что обладатель ее не в силах отринуть ее. Это подобно тому, как кто-нибудь скажет про облако, когда оно разорвано: вот разорванное облако, — и никто не уличит его во лжи, но каждый, видя облако разорванным, подтвердит это. Что до меня, то сильна моя радость и довольство твоей дружбой и близостью, а то дело, о котором ты у меня допытываешься, — тайна, которая не останется скрытой; неизбежно она распространится на сборищах, и когда распространится и объявитя, погибну я гибелью, спасения от которой не выкупить никаким, хотя бы и великим, богатством. Ведь царь наш жесток и суров, он наказывает и за малую провинность, как же он поступит в этом случае?

Барзуз сказал: — Мудрые хвалят друзей, хранящих тайны их. То дело, ради которого я явился, я доверяю тебе и раскрою, надеясь чрез тебя исполнить его. Это дело большое, значение ~~его~~ для меня велико. Я верю в твой ум и благожелательность и в твои хорошие способности и силы помочь мне достичь моих надежд чрез твое посредство и твою удачу и счастье, хотя бы и коснулась тебя тягость страха. Я знаю, ты веришь в то, что я не раскрою этого никому, но ты боишься сограждан своих, окружающих царя, кото-

рые могут обнаружить это. Я надеюсь, что это не распространится — ведь я уеду, а ты останешься; пока же я останусь, не будет между нами третьего свидетеля, и когда я отправлюсь, ты будешь в безопасности, что это не откроется.

Тогда пришел ему на помощь индиец и выдал ему нужные книги. Получив доступ к ним, Барзуя долгое время изучал их и переписывал, обильно растречивая свои силы и утомляя тело, не спал над ними по ночам и упорно работал днем в страхе вместе с тем за свою жизнь. Когда он кончил переписку прежде всех этой книги и хорошо ее изучил, он написал Ануширвану письмо, сообщая в нем о своем недуге и страхе и о том, что он покончил со своим делом.

Когда письмо дошло до Ануширвана, то он, прочитав его и узнав, что задача исполнена, обрадовался сильной радостью. Но потом он побоялся, что поспешит вмешаться судьба и испортит его радость той отсрочкой, которую просил Барзуя. Он поторопился и велел послать Барзую письмо с просьбой, чтобы тот, не мешкая, возвращался, подкрепив свои надежды новым подтверждением царского благоволения к нему; сообщая, что он возвысит его и сделает визиром, но чтобы он спешил со сроком и вооружился терпением, ибо результат последнего — добро и спасение в жизни здешней и будущей.

Он послал письмо почтой с одним из надежных своих людей, наказав ему идти не обычной дорогой и остегаться быть открытым, дабы не распространилась доверенная ему тайна и не погибло бы все совершенно напрасно.

Прибыв к Барзуе, посланный секретно передал ему письмо. Тот прочитал его, сделал приготовления тотчас же и пошел, пока не явился к Ануширвану. Ему сообщили о приходе Барзуи, и он приказал его привести. Когда он увидел утомление и изнуренность, постигшие его, он проникся жалостью к нему и сказал: — Возрадуйся, добрый раб, ибо ты вкусишь сладкие плоды честности своей. Прохлади же глаз свой, ты заслужил какую только хочешь благодарность и

великую награду от нас. Мы дадим тебе величайший и почетнейший сан. .

Затем он велел ему отправиться и привести себя в порядок в семь дней, а потом явиться к нему.

На восьмой день он позвал его и приказал явиться сановникам и вельможам. Когда они собрались и среди них Барзуя, царь велел принести привезенные им из Индии книги. Их раскрыли, и было прочитано то, что в них, в присутствии всех. Выслушав те знания, образованность, разумное и диковинное, что было изложено на языке животных и птиц, они обрадовались сильной радостью и возблагодарили бога за ту милость, которую он оказал им чрез Барзую. Они прониклись расположением к нему и осыпали похвалами его за то, что он изнурил тело свое, но добыл им эти книги и подарки.

Затем царь приказал открыть Барзую сокровищницы драгоценностей, золота, серебра и одежд и заклинал его войти и взять, не стесняясь себя, то, что ему любо, ибо все это не возместит дара его. Барзую поклонился царю в ноги, призвал на него благословение, потом сказал: — Да окажет господь царю почет, вмещающий всю славу мира здешнего и будущего, и да даст он ему хороший удел. Господь, даровав мне благоволение царя, сделал ненужными все блага этого мира, благодаря своему благодеянию мне чрез тебя, о царь великий, могучий, благородный, счастливый жребием. Не нужно мне денег, но от радости моей успеху царя, моего господина, и довольству его я возьму себе платье из кухистанской ткани* и буду красоваться в нем на службе у врат царя.

Затем он взял платье и понес к себе домой, чтобы погордиться пред домочадцами и приближенными царя при дворе его. Потом он сказал царю: — Да окажет господь царю содействие и почет. Поистине, когда умному и благовоспитанному человеку дают дары и оказывают почет, он должен быть благодарен за это, хотя и заслужил это прежде, чем оказана ему милость. Я, благодарный царю, прошу у бога для него вечной радости и счастья во всех делах. И есть у меня,

* Кухистан — область в центральной части Ирана.

да возвеличит господь царя, одно желание; оно для меня больше и выше всех других и самое важное из них после довольства царя. Может быть, царю угодно будет помочь мне в нем и исполнить просьбу мою, ибо для царя она ничтожна, а для меня важна и значительна.

И сказал Хосрой Ануширван: — Проси, тебе будет дано желанное, ищи, тебе будет оказана помощь; изложи нужду свою — она будет исполнена, и тебе будет оказан почет. Награда твоя в глазах наших велика, и если бы даже ты просил участия в царской власти, мы не отвергли бы просьбы твоей. Как же не поступить нам так и в остальном? Говори же, и все, что ты попросишь, будет даровано тебе с любовью и охотой.

Барзя сказал: — Да окажет господь царю почет и да возместит ему за меня наградой. Не я оказал благодеяние царю своими страданиями и трудом, но он превысил меня, отплатив мне этими благами и допустив к ним. Только в силу благородства своего и благожелательности он так вознаградил и облагодетельствовал меня. Пусть же он почтит милостью раба своего, завершив свою благость к нему и его домочадцам, и одарит его, повелев Бузурджмихру, сыну ал-Бухтекана, приложить все силы на составление главы, в которой было бы рассказано про меня и про мои дела; чтобы он исполнил это самым лучшим языком, самой красивой речью и совершенным изложением; и чтобы он велел ему по окончании работы поместить эту главу среди других глав этой книги, да жила бы через нее память обо мне в течение всей жизни моей и после смерти. Если исполнит это царь, то почтит он меня и родных моих на вечное время, пока будет открываться книга эта в мире сем для чтения.

Когда выслушал царь и вельможи речь Барзуи, восхитились они уму его, высоте его разума и той вечной славе, которую ищет он от жизни сей. И сказал царь Барзуе: — Охотно, с удовольствием. Ты достоин получить просимое. Как ничтожна твоя просьба по сравнению с тем, что ты заслужил, при всей значительности ее в твоих глазах.

Царь тотчас послал к Бузурджмихру, говоря: — Ты знаешь искреннюю расположность Барзуи, его за-

ботливость о нашей радости и довольстве и то, как он бросился на страшную опасность ради нашего дела и изнурил душу и тело в поисках нашего счастья. Ты знаешь то мудрое и разумное, что мы приобрели через него, и ту награду, которую мы предоставляем ему, чтобы возместить за это, и как он не принял ее, удовольствовавшись самым незначительным. Это для меня награда и почет, и я хочу, чтобы ты помог ему в этом и порадовал бы меня своим усердным исполнением его просьбы, написав главу, подобную другим главам этой книги, и изложив в ней совершенные качества его, каким он был в самом начале и каким были его стремления, занятия и образованность, как он все возвышался в этом, пока не послали мы его в Индию по своему делу, и какова была польза, которую бог даровал нам через него, и что было с ним после прибытия в Индию. Изложи это в самых похвальных словах, которые порадовали бы меня, а также Барзую и всех подданных. Он заслужил это пред нами и особенно пред тобой, в силу твоей любви к образованности и знанию, и достоин этого. Да и польза старания твоего и работа над этим возвратятся к тебе же, ибо всякий раз как заглянет в эту книгу какой-либо учений, вспомнит о тебе рядом с Барзуей. Помести эту главу впереди всех других; когда же ты окончишь ее и поместишь на свое место, то покажешь мне. Я соберу тогда всех вельмож, знатных и мудрых, и ты прочитаешь пред ними ее, дабы ясны стали им знания и образованность твои и твое рвение порадовать меня, что от них теперь скрыто.

Когда Барзия услышал речь царя и понял то высокое место, которое он у него занимал, он пал ниц перед ним и сказал: — О царь! Да даст тебе господь вечную радость, довольство, уладу глаз и да наделит тебя славой в мире сем, превышающей все сотворенное, а в жизни будущей — высшим саном вместе с праведниками в садах блаженства.

А Бузурджмихр вышел от царя и принял за составление этой главы. Он описал там Барзую с самого начала, как родители отдали его в науку, до того как послал его царь в Индию. Он вывел его там в

наивозможно лучших чертах, описав образованность его, которую он увидел в нем с первого знакомства, его поведение, пренебрежение земными благами и избегание их и жажду мира будущего. Он не оставил ничего из свойств и характера его неупомянутым и все это сочетал вместе и стройно расположил так хорошо, как только мог. Затем он известил царя об окончании работы и о том, что он поместил это в начале книги; это и есть глава о Барзуе-враче.

Затем собрал Ануширван сановников, вельмож и ученых, и они пришли к нему. Потом он позвал Бузурджмихра и велел принести книгу. Тут же был и Барзия. И была прочитана она при присутствующих, и радовался этому царь, как радовался разуму и знанию, которыми одарен Бузурджмихр, и усердию, проявленному им в восхвалении Барзуи без лжи и пустых притязаний. Он велел выдать ему великую награду деньгами, драгоценностями и платьями, но не взял тот ничего из этого, кроме одежд, чтобы погордиться ими пред подобными себе, так как они были исключительно из царских одеяний. Барзия поблагодарил его, поцеловал его голову и руку, потом подошел к царю с выражением благодарности и сказал:

— Да продлит бог тебе, о царь, почет и красоту в сей жизни и будущей за ту честь мне, подарком и наградой, превосходящей и превышающей все оказанное подобными ему, которой ты меня почтил и высоко облагодетельствовал. Да поможет он мне выполнить благодарность тебе и полное удовлетворение тебя и покорность. И да сохранит он тебя на самые отдаленные и дальние времена, в какие он только хранил предков твоих, в совершенной радости и полном здоровье, и да соединится это потом с обильной славой в мире будущем и довольствием господа, ибо подлинно он властен на это. Да воздаст господь Бузурджмихру, сыну ал-Бухтекана, доброй наградой и да возместит он ему хорошо за меня; но слаб мой язык выразить благодарность мою царю и ему, хотя бы и долго говорил я о своей признательности и хвале. Один господь в этом помощник и на это властен.

Мир над вами!

ГЛАВА О ВРАЧЕ БАРЗУЕ

ассказывал Барзя, глава персидских врачей, — тот самый, кому поручены были переписка и перевод индийской книги: — Отец мой был из военных, а мать из большого дома Магов *. Прежде всего проявилась милость божия на мне в том, что я был самым дорогим сыном для моих родителей, и они выказывали обо мне большую заботу, чем о других моих братьях. Они отдали меня в школу, когда я был в возрасте семи лет. Изучив письмо, я поблагодарил своих родителей и присмотрелся к наукам. Прежде всего я пожелал изучить науку врачевания. Я пристрастился к ней и, когда приобрел в ней некоторое знание, то, убедившись в полезности ее, еще больше к ней привязался и полюбил ее. Достигнув же такой ступени, что мог серьезно заняться излечением больных, я получил известность среди людей словом и делом. Когда же душа моя привязалась к этому, когда ей понравилось возбуждать зависть среди людей и возмечтала она о высоких санах их, я всеми силами заспорил с ней и сказал: — О душа! Разве ты не знаешь, кто вредит тебе? Неужели ты не воздержишься от мечтаний по таким вещам, которые приносили всем добывшим их лишь мало пользы и много страданий и скорби, разлука с

* *Magi* — наименование жрецов у последователей зороастризма, религии древнего Ирана.

коими бывает так мучительна и зависимость от которых так велика даже после утраты их? О душа! Почему не вспомнишь ты о том, что за этим жилищем, дабы отвлекло тебя это от жадности по обиталищу здешнему? Почему не стыдишься ты общества ничтожных глупцов, полюбивших эту скоробегущую тленную жизнь, от которой, если кто и захватит в руку нечто, то не принадлежит это ему и не останется у него, и к которой привязаны только ослепленные, беспечные. Отвратись же от этих уз и обратись всеми силами и способностями своими, как только можешь, к творению добра. Смотри, не откладывай этого и помни, что тело это подвержено соблазнам, полно гадких и дурных смесей, содержимых им ради неких полезных свойств четырех взаимно враждующих и борющихся смесей* и прикрывающих жизнь; жизнь же идет к гибели и похожа на идол, сложенный из частей своих; когда эти части разложены и расставлены по своим местам, то соединяет их один гвоздь, скрепляя одни с другими; если же вынуть гвоздь, то распадутся связи. О душа! не прельщайся дружбой любимцев своих и друзей и не жаждай этого столь жадно. Ведь дружба их при всех радостях ее обильна страданиями и тоской, а завершается она в результате разрывом. Это подобно черпаку, которым пользуются при горячей похлебке, пока он нов; когда же он разбивается, то в заключение сгорает в огне.— Я велел душе выбрать среди четырех вещей, которых ищут люди и стремятся к ним. Я сказал: — Подобному мне, с моими знаниями, надлежит отыскать, что из них наиболее мне подходит: богатство, наслаждение,уважение или награды будущей жизни?

К выбору я уже был предопределен тем, что нашел науку врачевания хвалимой среди мудрых и не

* *Четыре смеси* — четыре основных элемента, поддерживающих, по представлению древних, жизненную деятельность организма, пока они находятся в равновесии; преобладание какой-либо влечет болезненное расстройство. Элементами этими обычно называются кровь, флегма и два сорта желчи. Следы такого представления сохранились в современных учениях о темпераментах.

видал ее порицаемой ни одним религиозным, благочестивым человеком. Я обнаружил в книгах этой науки, что самый лучший из врачей тот, кто, прилежно занимаясь ею, не домогается этим ничего другого, кроме награды будущей жизни. И я решил усердно заняться наукой врачевания, домогаясь воздаяния в жизни будущей, но не желая за это ценных благ, дабы не оказаться тем потерпевшим убыток купцом, который продал яхонт, цена которого могла бы доставить ему вечное богатство, за ничего не стоящую бусу. Вместе с тем я нашел в сочинениях древних, что врач, ищащий врачеванием своим награды будущей жизни, не лишается этим доли своей и в жизни здешней и что примером ему в этом может быть земледелец, который возделывает и обрабатывает землю, имея в виду хлебный злак, не траву, но у которого неизбежно растут на земле и разные травы.

Я принялся лечить больных в уповании на будущую награду и не оставлял ни одного больного — надеялся ли я его излечить или нет, или же мог ожидать только облегчить его боль и страдания — без того, чтобы не приложить все мои силы к его излечению. Я оставался у тех, у кого мог, а тем, у кого оставаться я не имел возможности, я прописывал средство от болезни, вручал его ему и наказывал, как обращаться. Я не искал от тех, кому оказывал это, никакой платы и вознаграждения и не завидовал никому из сотоварищей моих и тех, кто, обладая таким же познанием, как и я, были выше меня по богатству и сану, и не завидовал из-за чего бы то ни было тем, кто здоров и добропорядочен. — О душа! Да не склонит тебя семья и близкие твои в угоду и в удовлетворение им к стяжанию того, в стяжании чего для тебя гибель, дабы не оказаться тебе, как ладан душистый, аромат которого, когда он сжигается огнем, уносят чужие. О душа! Не ослепляйся богатством и положением знатным, на которое взирают только достойные их, ибо обладатель этого видит ничтожность предмета своей гордости, только разлучившись с ним, как бывает с волосами на голове, за которыми ухаживает обладатель их, пока они у него на голове, но, утратив

их, бросает их в грязь и бежит от них. О душа! Всегда исцеляй больных и не уклоняйся от этого, раз ты признаешь за лечебной наукой сильную помощь. Людям неведома и она и польза этой науки, но ты бери в пример человека, рассеявшего горе человека и спасшего его от этого так, что тот вернулся к прежнему своему спокойствию и доброму состоянию. Кто более его достоин великой награды и хорошего воздаяния? Но если ему, оказавшему это единому человеку, можно надеяться на награду эту, то как же не получить ее врачу, который в поисках ее исцеляет людей во множестве, ведомом только всевышнему богу, так что после всех страданий и мук, лишавших их благ сего мира, его улад и счастья, пищи и питья, жен и детей, они приходят снова к той благополучной жизни, в которой были? Поистине, он достоин на многое надеяться и верить в добрую награду за поступок свой. О душа! Не отдалай от себя дело жизни будущей ради склонности скоропреходящей, дабы не уподобиться в обращении с малым и продаже великого за ничтожное купцу, про которого говорят так: «Был у него полный дом сандалового дерева и сказал он: — Будет слишком долго, если я стану продавать его на вес, — и продал он его, не считая, за самую низкую цену» *.

После того как поспорил я об этом с душой, убедил ее в этом и заставил уразуметь, она не нашла другого выхода, как признать это и подтвердить. Она отказалась от былых стремлений и стала заботливо лечить больных, ища награды жизни будущей. Но это не помешало мне получить со стороны царей большую долю из благ жизни сей до прихода в Индию и приобрести после возвращения от близких и братьев дары, превышающие мои надежды и стремления моей души, превышающие то, чего я достоин.

Затем, исследовав науку врачевания, я нашел, что врач не может вылечить больного от болезни его таким лекарством, которое удалило бы от него недуг так, чтобы ни этот недуг, ни другие к нему не возвра-

* *Сандаловое дерево* — употреблялось для выработки различных красок и лекарств, почему и служило в средние века выгодным предметом торговли.

тились. Нельзя быть уверенным, что недуг и в еще более сильной степени не вернется. Но дело будущей жизни, нашел я, есть то, что свободно от всех недугов, так что нет возврата для них к нему. Тогда я пренебреж врачебной наукой и проникся влечением к религии.

Когда это запало мне в душу, смутно стало для меня отношение религии к той науке, и не нашел я в ней упоминания ни о какой религии, ни указаний на самую лучшую и надежную из них. Я видел много религий и толков среди народов, наследуемых ими от своих отцов; я видел, как одни люди устрашаются и принуждаются принять их, а другие домогаются приобрести через них мирские блага и сан и средства к жизни. Все они утверждают, что их вера правильна и верна и что противоречащие ей находятся в заблуждении и ошибке. Велико их разногласие относительно сущности творца и твари, начала творения и его конца и многого другого; всякий всякого осуждает и является для него порицающим врагом. Я решил тогда поучиться у ученых и главных людей каждого толка, рассмотреть их рассуждение и доводы, дабы различить истину от лжи, избрать истинное и последовать ему в достоверной уверенности, не признавая за истину того, чего не знаю, и не идя за тем, чего не разумею. Я так и сделал. Я спрашивал и разыскивал, но не нашел из них никого, кто бы не расхваливал мне еще больше свою веру и не поносил веру противников своих. Ясно стало мне, что доказательства и рассуждения их пристрастны и не покоятся на справедливости. Я не нашел ни у одного из них довода правильного и верного, который признал бы разумный человек и с ним согласился.

Когда я увидел это, я не счел возможным следовать кому-либо из них, и я понял, что, признав хоть одного из них правым в том, что мне неизвестно, я уподоблюсь тому обманутому легковерцу, про которого говорят так: «Вышел вор как-то на грабеж. Он забрался ночью вместе с товарищами на дом одного богача. Хозяин дома проснулся, почуял их и понял, что на крышу жилища они взобрались в такой час

только ради какого-то темного дела. Он разбудил жену и сказал ей тихонько: — Я чувствую, что разбойники забрались на наш дом; я притворюсь спящим, а ты буди меня так, что будет слышно на крыше дома, потом скажи: — Эй, хозяин, не сообщишь ли ты мне, откуда ты набрал эти обильные богатства и сокровища? — Я откажусь, а ты настаивай в просьбе. — Женщина сделала так и спросила его, как он велел. Разбойники тут прислушались. Муж сказал: — Эй, жена, раз даровала тебе судьба великий достаток, так ешь, живи спокойно и не спрашивай меня о том, в чем может оказаться нежелательное тебе и мне, так как я не уверен, что кто-нибудь не подслушает, если это расскажу. — Жена сказала: — Расскажи, о муж, клянусь жизнью, нет у нас поблизости никого, кто бы подслушал твои слова. — Он сказал: — Я расскажу. Я собрал эти богатства и сокровища исключительно путем воровства. — Она сказала: — Как ты собрал их воровством, оставаясь в то же время справедливым, уважаемым в глазах людей, никем не подозреваемым, ни у кого не вызывая сомнений? — Он сказал: — Это благодаря некоторым сведениям, полученным мною из воровской науки. Дело было хитрое и тоньше того, чтобы кто-нибудь заподозрил меня или во мне усомнился. — Она сказала: — Как же это? — Он сказал: — Выходил я, бывало, в лунную ночь, а со мною товарищи. Я поднимался на верх дома, хозяев которого я хотел обокрасть, доходил до окна, через которое проникал свет луны, и произносил семь раз это заклятье: «Шолем, шолем!» *. Потом я обнимал свет луны и бросался с ним в дом, но никто не слышал моего падения. Затем я вставал в основание луча, повторял семь раз заклятье, и не оставалось в доме никаких денег и драгоценностей, которые бы не являлись передо мной, так чтобы я мог взять их. Я брал то, что хотел, потом обнимал луч, повторял семь раз заклятье и поднимался к своим товарищам; я грузил на них то, что со мной было, и мы тихонько удалялись. — Когда разбойники услышали это, они сильно обрадовались и

* Шолем — подражание древнееврейскому слову, одного корня с арабским «селям» (мир).

сказали: — Поистине, мы приобрели в этом доме то, что будет для нас лучше захваченного в нем богатства. Мы получили такие сведения, благодаря которым бог удалит от нас страх, и безопасны мы теперь от властей. — Затем они ждали долгое время, пока не уверились, что хозяин дома и его жена заснули. Тогда подошел их главарь к тому месту, где входит свет луны через окно, сказал семь раз «шолем, шолем!» и потом обнял луч, чтобы спуститься с ним, как тот говорил. И упал он в дом головой вниз, а человек тот прыгнул к нему с дубиной и ударил его насмерть тяжким ударом. Потом он сказал ему: — Кто ты? — Он сказал: — Я обманутый легковерец». Таковы плоды легковерия.

Когда я отрещился от легковерного отношения к тому, в чем я не был уверен, что оно не ввергнет меня в гибель, я снова принялся за исследование религий и поиски правды среди них. Но не находил я ни у одного, у кого спрашивал, ответа на вопрос мой, и не было в доводах их того, что разум мой счел бы должным признать за истину и последовать ему. Я сказал тогда: раз я не нахожу надежного знания, то надлежит следовать мне вере моих отцов, в которой я их нашел. Но отправившись на поиски оправдания себе в этом, я не нашел этого оправдания для стойкого следования вере отцов и сказал: если бы это оправдывало, то и колдун, обнаруживший, что отец его также был колдуном, получил бы оправдание, как равно и все другие случаи. Но этого не вместит разумная речь. Я вспомнил, как одного человека, жадного в еде, порицали за это, а он оправдывался такими словами: «Так ели мои отцы и деды».

Не найдя прочных оснований, чтобы остаться в вере отцов, ни оправданий для этого и пожелав вновь заняться исследованием религий, разысканием их и рассмотрением полученных результатов, я испугался близости жизненного предела и быстрого пресечения надежд. Сказал я: — Я не знаю, либо моя разлука с жизнью наступит скорее, чем я пошевельну рукой, либо я, совершивший деяния, которые, надеюсь, яв-

ляются делами добрыми, своим нерешительным колебанием в исканиях, стремлениях и переходом от одного к другому только отвлекся от того хорошего, что раньше делал, и срок жизненный мой наступит прежде, чем завершатся мои желания.

Может быть, меня в моем смущении и блуждании постигнет то, что постигло одного человека, про которого рассказывают так: «Он был в сношениях с одной замужней женщиной. Она вырыла от своего дома до дороги подземелье и приделала ключ к двери его около колодца. Предприняла же и подготовила она это, боясь быть застигнутой врасплох мужем или кем-нибудь другим. Как-то в один из дней, когда человек этот был у женщины, сообщили ей, что муж у ворот. Она сказала ему: — Скорей выди через подземелье, которое у колодца. — Человек отправился к колодцу, но колодец оказался выше того места, тогда он пришел к женщине и сказал: — Я дошел до подземелья, но вот колодца, упомянутого тобой, там нет. — Она сказала: — Ах, глупец! Что тебе делать с колодцем! Я упомянула про колодец только, чтобы ты по нему нашел дорогу к подземелью. — Он сказал: — У меня нет уверенности, раз у подземелья нет колодца, что ты не сказала мне про него для того, чтобы меня обмануть. — Женщина сказала: — Эй, ты, несчастный! Спасайся и брось эту глупость и препирательство. — Он сказал: — Как я пойду, когда ты меня расстроила! — И он не переставал так говорить, пока не вошел хозяин дома, захватил его и после мучительных побоев передал его властям».

Убоявшись этих колебаний и блужданий, я решил не обращаться больше ни к чему, внушающему мне страх, и ограничиться всеми такими поступками, которые, по свидетельству души, добропорядочны и согласуются с религиозными законами. Я удержал свою руку от побоев и убийства, гнева, воровства и вероломства, охранил свою плоть от греха, уберег язык от лжи и от всякой речи, вредящей кому-либо, отстранился от малейшей неправды и хитрости, сквернословия и клеветы, сплетен и насмешки. Я всем сердцем стремился не желать никому зла и не считал ложным

ни послание пророка *, ни день воскресения, ни награду и наказания будущей жизни. Я отстранился тогда сердцем своим от злых и привязался всеми силами к добрым праведникам. Я увидел, что нет другого товарища и друга, подобного праведности. Я увидел, как прибыльна она при малейшей помощи божьей и поддержке его, я нашел ее наиболее нежной к своему хозяину и более сострадательной, чем мать и отец; я обнаружил, что она направляет к добру и подает доброжелательный совет так, как делают это искренние друзья; я увидел, что она не уменьшается от траты, но только обновляется и хорошеет, когда ее пускают в оборот и расходуют; я увидел, что нечего ей бояться ни правителя, который бы похитил ее, ни какой-либо напасти от богатства, огня или разбойников или каких-либо неурядиц. Я нашел, что человек, отказавшийся от праведности и последствий ее, отвлекаемый от нее ничтожной сладостью жизни, подобен в бесполезных и долгих тратах своих сил и пренебрежении благом своим тому купцу, про которого говорят так: «Было у него много драгоценных камней. Он нанял одного человека, чтобы просверлить их за плату в сто динаров за день. Когда он привел его домой, и тот сел за работу, около него оказалась приставленной к углу дома арфа. Купец сказал ему: — Не играешь ли ты на арфе? — Он сказал: — Даже больше того. — Купец сказал: — Возьми-ка ее. — Тот взял арфу — а он был искусный игрок — и до вечера беспрерывно извлекал прекрасные и поразительные звуки и потом снова принялся за игру и забаву, оставив ящик с драгоценностями открытым. Вечером он сказал купцу: — Прикажи мне выдать плату мою. — Тот сказал: — Ты ничего не сделал, чтобы получить ее. — Он сказал: — Я сделал то, что ты мне велел. — И уплатил ему купец сто динаров, а камни его так и остались непросверленными».

* Послание пророка — пророческая миссия основателя мусульманской религии Мухаммеда (570—632 гг. н. э.). Здесь — одно из немногих мест в переводимой версии «Калилы и Димны», где сказывается мусульманское влияние.

Чем больше я всматривался в блага мира и страсти его, тем больше чувствовал отвращение к ним. Я решил прибегнуть к служению богу и благочестию. Я увидел, что благочестие приуготовляет к будущей жизни, как родители подготавливают сына; я увидел, что оно, как броня неприступная, отражает вечное длительное зло; я увидел, что оно есть дверь, открытая к раю, обители блаженства. Я нашел, что когда благочестивец погружается в размышления, на него находит божественное наитие, он уничтожается тогда и смиряется, становится довольным и удовлетворенным, он беззаботно порывает с благами здешнего мира, спасается от зла, оставляет дурные страсти, делается чистым и уединяется. Он избавляется от печалей, гонит зависть, и проявляется у него любовь; он отказывается от всех тленных благ и совершенствует ум, он всматривается в последствия и становится безопасным от раскаяния, он не грешит и приобретает спасение. Чем больше я вглядывался в сущность благочестия, тем более увеличивалась у меня к нему любовь, так что в конце концов я задумал попасть в число приверженцев его.

Но потом я побоялся, что не выдержу жизни благочестивцев и что повредят мне те привычки, в которых я воспитался и вырос, и у меня не было уверенности, что я, оставив мир и предавшись благочестию, не ослабну и не окажусь в то же время покинувшим ту прежнюю деятельность, на последствия которой я надеялся. И буду я тогда похож на ту собаку, которая плыла через реку, держа в зубах кость; увидев тень от кости в воде, она бросилась, чтобы схватить ее, и потеряла то, что было у нее в зубах, не получив и того, к чему стремилась. Устрашился я тогда благочестия сильным страхом, убрался невыдержанности и нетерпеливости своей души и пожелал остаться в том положении, в котором был.

Потом пришло мне на ум сравнить мои опасения и те страдания и огорчения благочестивой жизни, которые, казалось мне, я не выдержу, с теми испытаниями, которые переносит обитатель сей жизни, и ясно стало для меня, что нет ни одного наслаждения в

этом мире, ни одной прелести, кои не чередовались бы с мукой и не оставляли бы после себя печали. Мир здешний — как соленая вода: вкушающий ее только усиливает жажду свою. Он — как кость, подобранныя собакой: она чувствует в ней запах мяса и беспрестанно грызет, ища мяса и кровавя свою пасть, но от поисков ее ничего не прибавляется, кроме крови изо рта. Он — как ястреб, захвативший кусок мяса: окружили его птицы, и он спасается с трудом, пока не роняет своей добычи, усталый и измученный. Он — как кувшин с медом, на дне которого яд: для вкушающего из него — краткое удовольствие, а на дне — смерть от яда. Он подобен сновидению спящего, радующему его, а когда он пробуждается, пресекается радость его. Он подобен молнии, которая сверкнула на мгновение и пропала вскоре, и остался боявшийся ее стоять въ мраке. Он — как шелковичный червяк: чем больше вырастет окутывающий его шелк, тем дальше он от выхода.

Раздумав над этим всем, я снова решил избрать благочестие, но потом воспротивился и сказал: — Не следует мне бежать от мира сего к благочестию, едва я раздумал о зле его, а потом бежать от благочестивой жизни к мирской, вспомнив трудности и тяготы благочестия. Я буду все время так менять свои взгляды, не принимая никакого плана или решения, подобно судье, который, выслушав одного из двух тяжущихся, присудил в пользу его, потом выслушал второго и присудил в пользу этого последнего.

Я рассмотрел те неприятные и тяжкие стороны благочестивой жизни, которые меня устрашали, и сказал: — Как ничтожны они и малы рядом с вечной радостью и покоем! — Потом посмотрел на те наслаждения мирской жизни, которых жаждала душа, и сказал: — Что горше и вреднее их, толкающих ко злу и позору! — Потом я сказал: — Как не признать человеку приятной горечь краткую, вслед которой идет сладость длительная, и как не найти ему горькой сладости краткую, причиняющую ему вечную, обильную горечь. — Я сказал: — Если бы человеку предложили жизнь в течение ста лет, так чтобы каждый день от-

резали от него куски, потом оживляли и снова делали то же самое, но при этом условились бы, что по истечении ста лет он избавится от всех страданий и станет радостен и невредим, — он вправе был бы тогда не считать эти годы ничем.

Разве не терпит человек этих превращений с момента зачатия его в зародыше до конца дней своих? Мы находим в лечебных книгах, что когда вода, из которой формируется соразмерное дитя, попадает в утробу женщины, она смешивается с влагой ее и кровью, густеет и грубоет. Потом пары приводят в брожение эту влагу и кровь, пока не сделают ее вроде сыворотки; затем делается она как бы затвердевшей закваской, далее намечаются члены в свой срок, и если это дитя мужского пола, то обращено его лицо к спине его матери, а если женского, то к животу. Руки его прижаты к щекам, подбородок к коленям, охватывает его плева, как будто он завязан в узел. Он дышит трудным дыханием, все члены его перетянуты связями, и над ним зной внутренностей с их тяжестью и густотой; он прикреплен пупом своим к пупу матери и пуповине его, всасывая и питаясь из пищи матери и ее питья. В таком мрачном и тесном положении он находится до дня рождения своего. Когда наступают эти дни, пары берут верх над утробой, и дитя делается способным к движению; опускается голова его к выходу, и испытывает он от тесноты выхода то же, что человек, которого мучают, раздробляя ноги его.

Попав на землю, он испытывает от прикосновения ветра или касания руки то, что чувствует человек, с которого содрана кожа. Затем предстоят ему разные муки, когда он голоден и нечем ему напитаться, жаждет и нечего напиться, хочет пожаловаться, но не к кому обратиться за помощью, кроме того, что он испытывает, когда его поднимают и кладут, пеленают и распеленывают, мажут маслом. Все время, пока он грудной, его кладут спать на спину так, что он при всех муках не может пошевелиться. Когда же он вырвется из мучений своего грудного периода, принимаются за муки его воспитания, и тут отведывает он

их разного рода. Потом пойдут лекарства и связанные с ними запрещения, болезни и страдания. Когда же достигнет он зрелого возраста, то появятся заботы о семье, имуществе, детях, заиграют с ним алчность и жадность и рискованные искания и стремления, и все время будут в движении четыре его врага: желчь, кровь, слизь и пар; появится яд смертельный, змей жалящий, страх перед хищными зверями, гадами и человеком, страх перед зноем и холодом, дождем и ветром. Потом придут разные муки дряхлости, кто проживет до нее. Но если он не устрешится ничего этого и, обнадеженный в безопасности своей, уверится в целости своей от этих бед и примет это предостережение лишь в тот час, когда расстанется с ним здешняя жизнь и явится ему смерть, с разлукой с семьей, любимцами и близкими, всеми дорогими в этом мире и близким ужасом бедственного и тяжкого страшного суда, то, поистине, справедливо сочтут его нерадивым, небрежным, падким ко греху, раз он не сделал этого для своей души и не принял всех мер для отстранения этих бед и не оставил тех страстных и обманчивых вещей мира сего, что его тешили и увлекали.

В особенности же все это в такое время. Пусть даже бог сделал царя счастливым, удачным в делах, благоразумным, высоким в помыслах, сильным в поисках, справедливым, праведным, великодушным, правдивым, благодарным, со щедрой рукой, пекущимся о правах, настойчивым, твердым, умным, благоподателем, тихим, прозорливым, кротким, сострадательным, милосердным, возвышенным, понимающим в людях и делах, любящим науку мудрого доброго человека, суровым к обидчикам, бесстрашным, неподатливым чужому водительству, радушно поддерживающим подданных в их желаниях и удаляющим от них вредное, то, несмотря на все это, мы видим, как всюду распоряжается судьба. Правда как будто бежит человека. Пропадает то, утрата чего тяжка, и появляется то, наличие чего вред, вянет добро, и зеленеет зло, со смехом выступает соблазн, и, плача, отступает истина, уходит справедливость вниз, и насилие берет верх,

благородство как будто зарывается в земле и воскрешает глупость, ликует низость, и попирается великолудие, пресекается любовь, и крепнут ненависть и злоба; уважение как будто похищается от праведников и делается достоянием злых, пробуждается коварство, и засыпает честность, покрывается плодами ложь, и засыхает правда, униженно идет справедливость и горделиво — ложь, овладевает мудрыми погоня за страстями и небрежение мудростью, обиженный упорно пребывает в оскорблении, а обидчики им же кичатся, алчность раскрыла зев свой, пожирая отовсюду все близкое ей и далекое; пропало, неведомо стало до-вольство, злые как будто соперничают с небом, а хорошие ищут темницу земную, сбрасывается доблесть с вершины славы в низину нижайшую, а подлость становится почитаемой и могучей, и переходит власть от людей достойных к несовершенным; и вот повеселела эта жизнь, обрадовалась, загордилась, зеванилась и сказала: — Запрятала я добродетель и открыла зло.

И вот, когда я раздумал об этом мире с его делами и о том, что человек, это благороднейшее и совершеннейшее создание, при всем достоинстве своем кружится только во зле и других свойств у него нет,— когда я узнал, что все люди, даже самые ничтожные разумом, понимают это, но не высказывают благородства и не стараются о спасении своем, удивился я тогда этому великим удивлением, всмотрелся, и вот, оказалось, что удерживает человека от этого лишь краткая, ничтожная и презренная сладость обоняния, вкуса и осязания в надежде, что, может быть, он схватит малую долю от них или приобретет то немногое, легкость и быстрота разрыва с чем — неописуемы. Вот что отвлекает его от заботы о самом себе и поисков спасения своего.

Я поискал человека в этом примере. Примером оказался некий муж, которого страх заставил искать убежища на краю пропасти. Он спустился туда, ухватившись за ветку в верхней части ее, а ноги его встали на выступ. Огляделся он, а перед ним четыре змеи подняли свои головы из нор. Взглянул он вниз пропасти, а там — дракон, раскрывший пасть свою к нему.

Поднял он голову к ветви, а у корня ее две мыши, белая и черная, грызут эту ветвь, стараясь неослабно. И вот в то время как он осматривался, напрягая ум и выискивая средства спасения, он взглянул и, увидев, что недалеко от него пчелы сделали немного меда, пошелел поесть его сколько-нибудь. И отвлекло это его сердце от мыслей о своем положении и поисков средств спасения, забыл он и думать о мышах, старающихся перегрызть ветвь, и о том, что, когда они ее перегрызут, упадет он в пасть дракону, и не переставал он развлекаться беспечно, пока не погиб.

Я уподобил пропасть эту миру, полному обмана, несчастий, зла и опасностей, а четырех змей я уподобил четырем смесям, облекающим человека: когда самовозбуждается какая-нибудь из них, то бывает как ехидна разъярившаяся или яд губительный. Двух мышей я уподобил дню и ночи, а их упорное перегрызание ветви я сравнил с круговоротом дня и ночи, уничтожающим жизненный срок, опору существования. Дракона же я уподобил смерти, которой не избежать. Мед я сравнил с той ничтожной сладостью, которую встречает человек, обоняя, вкушая, слушая, осознавая, и которая отвлекает его, приводит к забывчивости о задачах своих, увлекает его от назначения и отворачивает от пути к спасению. Стал я тогда довольствоваться своим положением и поступать справедливо, насколько мог, в своих делах в надежде, что, может быть, я встречу еще время, когда найду руководство своего пути, силу властвовать собой и поддержку делу моему; я утвердился в этом положении, ушел из Индии в мою страну и доставил туда разные ее книги, в числе коих и эту.

ГЛАВА С ВВЕДЕНИЕМ В КНИГУ ИБН АЛ-МУКАФЫ

ачало «Калилы и Димны», сложенное мудрецами Индии, идет от разнородных притч и рассказов, в которые они стремились ввести все лучшие слова, какие нашли в нужном им направлении.

Мудрые всех народов и люди всех языков домогаются, чтобы их поняли, разного рода хитростями и стремятся открыть всю мудрость, что у них есть. Одной из таких уловок было составление совершенных и прекрасных речей на языке животных и птиц, и в этом объединились для них разные преимущества. Они сами здесь нашли пути и тропинки для слов, которыми могли пользоваться, так что стала книга и забавой и мудростью. Мудрые брали ее ради мудрости, а невежды — ради забавы. Что же касается до учащихся из юношей и других, то они с радостью изучали ее и запоминали ее легко. Когда же юноша, накопив опыт, всмотрится и вдумается с размышлением в то, что закреплено и воспитано в его груди, а он и не знает, что это такое, то он поймет, что овладел сокровищами великими. И будет он как тот человек, который, возмужав в свой срок, нашел, что отец собрал ему сокровища из золота и заключил условия, избавляющие от труда и поисков. И так как много разного рода основ знания и еще больше разветвлений этих

основ, из коих ни в одной нельзя дойти до конца, то не нужно ему будет думать об умножении тех правил, на которых построены изречения мудрых. Пусть же знает читающий эту книгу, каким образом она сложена, и пусть не будет его заботой только дойти до конца. Истинно, кто не знает этого, тому неизвестна и цель, к которой она ведет, и чего следует опасаться в ней.

И кто усиленно стремится собирать науки и читать книги без размышления о том, что он читает, достоин того, чтобы его постигло то же, что постигло одного человека. Ученые говорят, что он проходил мимо какой-то пещеры и ему попались следы клада. Он начал рыть и искать и напал на большое количество золота и серебра. Он подумал: — Если я возьмусь переносить это богатство, то извлечение его и занятие переноской лишат меня того наслаждения, которое я могу от него получить. Я лучше найду людей, которые перенесут его в мое жилище; сам я буду последним и не оставлю за собой ничего, что бы занимало мою мысль переносом или какими-нибудь действиями. Таким образом я получу избавление тела от труда за незначительную плату, которую вручу им.— Потом он пришел с носильщиками и стал передавать каждому из них столько, сколько тот мог снести, и говорил ему:— Ступай с этим к моему жилищу.— Носильщик, однако, шел к своему собственному дому и обманывал его. Когда же от клада больше ничего не оставалось, он сам пошел к своему жилищу и не увидел там никаких денег, обнаружив, что каждый из носильщиков воспользовался унесенным для самого себя; ему же от этого досталась только забота и утомление, потому что он не подумал о конце своего дела.

Подобно этому и тот, кто читает эту книгу, не понимая ее цели явной и тайной, не воспользуется тем, что ему выпадает на его собственную долю. Так и человек, если ему предложат здоровый орех, не воспользуется им, пока не разобьет его и не воспользуется тем, что внутри. Он будет похож на человека, который хотел изучить науку красноречия. Один из его друзей разрисовал ему желтую таблицу красноречивыми словами,

их изменениями и категориями. Учащийся пошел к себе домой и стал усиленно читать, не останавливаясь на смысле и не понимая, что там заключено. Потом однажды он сел в собрании людей ученых, воспитанных и проницательных, полагая, что вполне достаточно приобретенного им в этой таблице; он начал беседовать с ними, у него вырвалось ошибочное выражение. Тогда кто-то ему сказал: — Ты ошибаешься в этом, и верное выражение не таково, как ты сказал. — Он ответил: — Как я могу ошибиться, когда я прочитал желтую таблицу и она в моем жилище. — И его речь еще больше направила довод против него и обнаружила близость его к невежеству и удаленность от воспитанности.

Потом, человеку умному, если он поймет эту книгу с ее мудростью, дойдет до конца и изучит то, что в ней заключается, следует поступать сообразно с тем, что он узнал, чтобы воспользоваться ею; он должен сделать ее своим образцом и не уклоняться от него. Если он так не поступит, то будет похож на человека, о котором рассказывают следующее: «Какой-то грабитель перелез через стену к нему, когда он спал в своем жилище. Тот узнал его и сказал про себя: — Ей-богу, я промолчу, чтобы посмотреть, что он будет делать. Я не стану его пугать и не подам виду, что заметил его, а когда он исполнит свое намерение, я встану и расстрою это дело. — Он удерживался, а вор стал ходить, собирая попадавшееся ему, он слишком долго оставался у этого человека; тем овладела дремота, и он заснул. Вор кончил все, что хотел, и ему удалось уйти. Человек проснулся и увидел, что вор удачно захватил имущество; он стал бранить самого себя, поняв, что не воспользовался тем, что узнал местонахождение вора, так как не сделал относительно него того, что следовало».

Говорят, что знание завершается только делом и что знание — дерево, а дело — плоды. Обладатель знания обращается к делу, чтобы воспользоваться этим, а если он не исполняет на деле того, что знает, то и не называется знающим. Если бы человек знал про опасную дорогу, а потом пошел по ней, зная про это, его

подобало бы назвать глупцом. Может быть, он посчитается со своей душой и увидит, что она отказывается от одних вещей и устремляется с ним к тому, вред чего ему хорошо известен, и тогда он вернется с этого пути по опасной дороге, которая ей известна. Кто же следует своей страсти и бросает то, что следует делать или согласно его опыту, или — наставлению другого, похож на больного, который знает дурную пищу и питье и хорошую, тяжелую и легкую; однако жадность влечет его к дурной и побуждает бросать то, что ближе для спасения и избавления от болезни.

Менее всех людей извинительно уклоняться от похвальных деяний и совершать порицаемые тому, кто видит их, различает и знает преимущества одних перед другими. Как если бы было два человека — один зрячий, а другой слепой — и судьба направила обоих в яму. Оба они упали в нее и, оказавшись вместе на дне, были бы в одинаково гибельном положении. Однако у зрячего меньше извинений перед людьми, чем у слепого, так как у него два глаза, которыми он смотрит, а этот не знал, куда он направляется, и не был осведомлен.

Знающему следует начинать со своей собственной души и воспитывать ее знанием. Его целью не является приобретение знания только для помощи другим. Он оказался бы тогда похожим на источник, из которого люди пьют воду, а ему от этого нет никакой пользы, или на шелковичного червя, который проявляет свое искусство, а сам не пользуется им. Тому, кто ищет знания, следует начинать сувещания самого себя. Затем ему надо учить знанию других, потому что есть свойства, которые не следует человеку мира заимствовать. Например, не следует кого-нибудь упрекать за то, что находится у него самого. Тогда он окажется как слепой, который позорит слепого за слепоту. Тому, кто стремится к чему-либо, следует иметь цель и предел, до которого действовать и у которого останавливаться, не заходя дальше в своем стремлении. Говорится: кто идет без цели, скоро у того погибнет животное, и следовало бы ему не утомлять самого себя в поисках того, чему нет предела и чего до него

никто не достигал. Ему не следует горевать об этом и предпочитать здешний мир будущему. У кого сердце не привязано к разным заботам, у того мало огорчений при расставании с ними. Сказано также, что два дела хороши для каждого — благочестие и богатство, и два дела не хороши для каждого — царь, который дает разделять свою власть, и муж, который дает разделять свою жену. Два первых свойства похожи на огонь, который сжигает все дрова, какие в него бросают; два последних свойства, как вода и огонь, которые не могут соединиться.

Не следует мудрому завидовать кому-нибудь, когда бог дарует ему благодеяние, а он не надеется на подобное от него. Притча на это такова. Один человек был беден и наг; такое состояние заставило его просить у родственников и друзей, но он не находил ни у кого остатков, которые бы достались ему. И вот однажды ночью он был в своем жилище, вдруг увидел вора, который ходил по дому. Он сказал сам себе: — Ей-богу, у меня в жилье нет ничего, за что следует бояться. — Вор же усердно старался и, пока он ходил, попал рукой на сосуд, в котором была пшеница. Он сказал: — Ей-богу, я не хочу, чтобы труд мой сегодня ночью пропал даром. Может быть, я не попаду в другое место, а поэтому вынести эту пшеницу лучше, чем вернуться без всего. — Потом он разложил свой плащ, чтобы высыпать в него пшеницу, и человек подумал — Я не могу этого стерпеть. Он уйдет с этой пшеницей, а у меня нет больше ничего, и соединятся против меня и нагота и утрата того, чем я питался. И ей-богу, никогда два этих условия не объединялись против кого-либо без того, чтобы его не погубить. — Тогда он закричал на вора и схватил дубину, которая была у него, около головы. Вору можно было только бежать. Он бросил свой плащ и спасся сам, а человек взял плащ и остался с прибылью.

Мудрому не следует полагаться на что-либо подобное и оставлять обязательное для него дело и осторожность при таком упорядочении своей жизни. Пусть он не смотрит на того, кому содействует и помогает судьба без всяких исканий с его стороны. Таких среди

людей мало, а большинство их утомляется в труде и стараниях, чтобы улучшить свое положение и добиться желаемого. И следует ему устремляться к тому, что приятно приобрести и чем хорошо пользоваться, не подвергая свою душу тому, что навлекает заботу и несчастье, а то он окажется точно голубка, которая выводит птенцов на заклание, но это не удерживает ее; она возвращается и опять выводит птенцов на старом месте и остается там же. И второй раз берут ее птенцов и закалывают.

Говорится, что бог всевышний для каждой вещи установил предел, на котором она останавливается. Кто же переходит за вещи с их пределами, того скоро поразит невозможность их достигнуть. Говорится, что кто старается и для будущего и для здешнего мира, жизнь того — и за него и против него. Говорят, что о трех вещах человеку здешнего мира следует заботиться и прилагать старание; из их числа — условия его существования, затем то, что между ним и людьми, и затем стремление оставить добрую память после себя. Говорят еще относительно вещей, при которых не может устроиться ни у кого дело; из их числа — вялость, упускание случая, доверие к каждому вестнику. Много есть вестников о чем-нибудь, что они поняли, но не знают их основательности, а им верят.

Умному следует относиться подозрительно к своей страсти и не принимать от всякого сообщений и не упорствовать в заблуждении, если для него дело запущено, пока не разъяснится истина и не обнаружится правда. Он будет как человек, который сошел с дороги и упорствует в заблуждении, усиливая настойчивость в движении и отдаление от цели. Или как человек, у которого засорились глаза, и он, не останавливаясь, их трет, и, может быть, это трение станет причиной их гибели. Умному следует увериться в предвечном решении и судьбе, действовать благоразумно, желать людям того, что он желает самому себе, не добиваться улучшения для себя, вредя другим. Кто поступает так, тот достоин, чтобы его постигло то, что постигло купца и его товарища.

Рассказывают, что был один купец и у него товарищ; оба они наняли лавку и поместили в ней свои товары. Один из них жил близко к лавке и замыслил в душе украсть один тюк своего товарища. Он придумал одну хитрость для этого и сказал сам себе: — Если я приду ночью, то нельзя поручиться, что я не унесу свой собственный тюк или связку своих товаров, не узнав ее, и мой труд и забота пропадут даром. — Он взял свой плащ и набросил его на тюк, который задумал взять, а потом пошел в свое жилище. После этого пришел его товарищ, чтобы привести в порядок свои тюки, и сказал: — Ей-богу, это плащ моего приятеля, и я думаю, что он верно его забыл. Благоразумнее не оставлять его здесь, а положить на его тюках. Может быть, он раньше меня придет в лавку и найдет его там, где думал. — Он положил плащ на один из его тюков, запер лавку и вышел. Когда наступила ночь, пришел его товарищ вместе с человеком, которого подговорил на свое предприятие, пообещав ему долю за перенос. Он вошел в лавку, стал искать свой плащ в темноте и нашел его на тюках. Он взял один тюк, вытащил его после больших усилий, вынес вместе с тем человеком, и они помогали друг другу нести, пока не пришли к его жилищу, и он упал от усталости. Когда настало утро, он посмотрел — и вдруг оказалось, что это один из его тюков. Он раскаялся сильнейшим образом, потом пошел к лавке и увидел, что товарищ приходил до него, открывал дверь и разыскивал тюк. Он очень сильно опечалился и воскликнул: — Как стыдно мне перед правдивым товарищем, который доверил мне свое имущество и оставил своим заместителем, а сам ушел! Каково будет мое положение у него! Я не сомневаюсь, что он будет меня подозревать. — Потом пришел его товарищ, застал его в смятении, стал расспрашивать о положении и сказал сам: — Я не нашел одного из твоих тюков и не знаю его истории, но я не сомневаюсь, что ты меня подозреваешь. Я приготовился к пene за него. — Тот ему ответил: — Не огорчайся, брат мой, потому что измена — худшее, что делает человек. Хитрость и обман не ведут к добру, прибегающий к ним всегда бывает обман

нут. Вред коварства всегда направляется против творившего его, и я один из тех, кто хитрил, обманывал и ухищрялся. — Товарищ у него спросил: — А как же это было? — Тот ему сказал про свой поступок и рассказал всю историю. Товарищ ему сказал: — С тобой случилось то же, что с вором и купцом. — Тот спросил: — А как же это было?

Другой сказал: — Передают, что у одного купца были в жилище два сосуда — один, наполненный пшеницей, а другой — золотом. Один вор долгое время его выслеживал, а когда однажды купец был отвлечен от своего жилья какими-то делами, вор воспользовался оплошностью, вошел в жилище и спрятался в одном углу. Когда он задумал взять сосуд с монетами, то взял тот, в котором была пшеница, и унес его. Он трудился и старался, пока не пришел к своему жилью. Когда он открыл его и увидел, что там, раскаялся. — Изменник ему сказал: — Ты взял не далекую притчу и не нарушил сравнения. Я признаюсь в своем грехе, но гнусная душа пробуждает к нечестию. — Человек принял его извинение, не стал его бранить и доверяться ему, а тот раскаялся, когда увидел свой дурной поступок и прежнюю глупость.

Рассматривающему эту нашу книгу следует ставить своей целью не разглядывание ее украшений; ему нужно ознакомиться с содержащимися там притчами, пока он не дойдет до конца. Он должен останавливаться над каждой притчей и словом, утруждая над ней свое внимание. Он будет, как три брата, которым отец оставил большое богатство, и они его разделили. Два старших поспешили растратить и израсходовать его не должным образом, а младший, увидев, до чего дошли братья в своей расточительности, оставшись без денег, обратился к своей душе за советом и стал размышлять о скрытых причинах поведения своих братьев. Он сказал: — Душа моя, богатства добивается ищащий его, собирая со всех сторон для сохранения своего положения, упорядочения жизни, возвышение сана в глазах людей, возможности обходиться без того, что у них есть, для расходования его должностным образом на родственников, для трат на детей и

милостей братьям. Тот, кто обладает богатством и не расходует его, похож на того, кто считается бедняком, хотя бы и был богат. И если он хорошо сохраняет его и умело обходится с ним, то не будет лишен двух вещей вместе: мирских благ, которые прибавятся ему, и хвалы, которая останется после него. Когда же он направит свои расходы не по тому пути, как мы говорили, не опомнится он, как окажется со скорбью и раскаянием. Настоящим решением будет сохранить эти деньги, чтобы поддержать моих братьев, и в этом поможет мне бог всевышний: ведь это — имущество моего отца и их отца. Первый расход — поддержка родственников, хотя бы и далеких; что же сказать относительно братьев?

Так надлежит и читателю этой книги внимательно устремлять взор в нее, чтобы не оказаться подобным одному рыбаку, который был у какого-то залива. Однажды он находился в воде за ловлей, как вдруг заметил раковину и вообразил, что это нечто. Он кинул сеть, которая захватила рыбу, бывшую недалеко, выпустил ее и сам бросился в воду, чтобы достать раковину. Когда же он ее вытащил, то увидел, что была пустой, а не такой, как он думал. И он раскаялся тогда, что оставил находившееся в руках, и горевал о том, чего лишился. На другой день он отошел от этого места и забросил сеть; он поймал маленькую рыбку и старался ее захватить. Опять он увидел дорогую раковину, но даже не повернулся к ней, плохо о ней подумал и оставил ее. По этому месту проходил другой рыбак, нашел ее и взял. Он обнаружил в ней жемчужину, которая стоила больших денег. Первый очень огорчился и до крайности раскаялся в том, что оставил такую ценную раковину.

Таковы глупцы, которые пренебрегают размышлением и заблуждаются относительно этой книги, не останавливаясь над тайнами ее смысла и хватаясь за внешность вместо содержания. Мудрецы ведь уже сказали: тот человек, который овладевает знанием философии и бросает ее, устремляя свою мысль к разным шуткам, похож на человека, который, получив сад со здоровым воздухом, засеял его и орошал, а

когда наступило лучшее время и все созрело, он занялся собиранием цветов и подрезанием шипов. И его невнимательность погубила то, что было полезнее и красивее по результатам.

Смотрящему в эту книгу и тому, кто ее приобретает, надо знать, что она делится на четыре части и имеет в виду четыре цели.

Первое, к чему стремились, излагая ее на языке животных неговорящих, было желание поторопить с ее чтением и приобретением склонных к шуткам юношей и привлечь этим их сердца. Такова цель редких рассказов про уловки животных.

Вторая цель — изображение обликов животных разными цветами и красками, чтобы это доставило удовольствие сердцам царей и чтобы склонность их к книге становилась сильнее от рассматривания этих картин.

Третья цель — чтобы она была такого вида, и тогда ее будут приобретать и цари и простонародье. Благодаря этому умножатся ее списки; она не исчезнет и не устареет с прохождением дней, и этим всегда будут пользоваться и художник и переписчик.

Четвертая цель — самая далекая и относится только к философу.

ГЛАВА О ЛЬВЕ И БЫКЕ

казал Дабшалим, царь индийский, Бейдебе, главе философов: — Расскажи мне притчу о двух любящих друг друга, которых разделил и побудил к вражде вероломный лжец.

Бейдеба сказал: — Когда два любящих друг друга испытываются вероломным лжецом, прони-

кающим между ними, они расходятся и разлучаются друг с другом. Притча этого рода такова. Был в земле Даствеба* богатый купец, и были у него сыновья. Когда они стали взрослыми, то поспешили истратить богатство отца и не брались ни за какое дело, чтобы добыть себе денег. Отец порицал и наставлял их, говоря: — О дети мои! Трех вещей ищет человек в этой жизни, достичь коих он может лишь при помощи четырех других. Три искомые вещи таковы: приволье

* В основе лежит, вероятно, название области Дашибад в Декане (Индия).

в жизни, почетное положение среди людей и запас добрых дел для будущей жизни. Те же четыре, которыми только и достигаются первые три, таковы: стяжение имущества каким-либо достойным образом, потом добровое попечение о приобретенном и наблюдение за ним и затем траты его на поддержание существования и удовлетворение нужд семьи и братьев; награда же за это воздается ему в будущей жизни. Далее, осторожность перед всеми напастями, по мере сил своих. Кто пренебрежет чем-нибудь из этих четырех, не достигнет того, что желает, ибо если он не приобретет и не будет обладать имуществом, не будет он тогда жить и давать жизнь другим. А если он и станет обладать богатством и приобретет, но не пойдет впрок ему деньги и не выкажет он доброго попечения о них, то скоро истощатся они, и останется он без них. А если он будет тратить деньги, не умножая их, то и малые траты не спасут его от их быстрого исчезновения, подобно сурьме*, которую берут по пылинкам, а она, несмотря на это, быстро выходит. Если же он приобретет богатство, употребит впрок и умножит его, но потом воздержится от траты его на разного рода полезные нужды, тогда можно счесть его бедняком, не обладающим имуществом, и это не помешает богатству покинуть его и уйти туда, куда он не хочет, теми или иными путями и способами. Подобное произошло с водоемом, в который беспрерывно текла вода, а у него не было отводного канала и выхода для того, чтобы выливался по мере надобности излишek, и прорвалась не выдержавшая плотина, и убежала вода пропадом и в убыток.

Наконец, сыновья вняли наставлениям купца и поступили по его внушению. Старший из них ушел в торговлю и отправился в землю, называемую Менуд **. На пути своем он проходил через одно очень топкое

* *Сурьма* — арабское «кухль» — порошок минерального происхождения, в состав которого входит главным образом «сурьмяный блеск», или «антимоний». Употребляется на Востоке с древних времен как косметическое и врачебное средство для глазных век.

** *Менуд* — в «Панчтантре» — Матхура, город к северу от Агры.

место. С ним была повозка, которую тащили два быка; одного из них звали Шатраба, а другого Бандаба *. Шатраба завяз в грязи, и принялись его тащить тот купец и помощники его и вытащили; когда уже был он изнурен. Купец оставил около быка человека и не велел отлучаться от него несколько дней, а когда увидит, что бык поправился, то привести его к нему.

На второй день надоело тому человеку это место, и он догнал купца, оставив быка и сказав, что бык околел. А бык вышел оттуда и все шел, пока не дошел до луга с тучной травой, обильной водой и кормом, где и остался. Он не замедлил там разжиреть и начал рычать и реветь и поднимать с мычанием свой голос.

Поблизости же находился лев, царь этой области, и с ним много диких зверей: волков, медведей, шакалов, лисиц и других животных. Лев был тщеславен, нетерпим в мнениях, а мнения его были несовершенны. Когда он услышал мычание быка — а он никогда не видел его и не слышал рева его раньше, — то испугался, но, не желая, чтобы это заметило его войско, он остался на своем месте и не двигался. Среди находившихся при нем зверей были два шакала, одного звали Калила, а другого Димна**, и оба они были опытны и хитры. Димна был злее душой и более наблюдателен во всем. Лев же не знал их. И сказал Димна Калиле: — Что думаешь ты, о брат мой, о льве, который остается на одном месте, не двигаясь и не выказывая живости, как бывало раньше?

Калила сказал: — Что тебе с твоими вопросами о том, что тебя не касается? Наше положение ясно: мы находимся у врат царя и здесь нашли себе пропитание. Мы не челядь, пересуживающая речи царей и выслушивающая поступки их. Замолчи же и знай, что кто берется за слова и дела, его не касающиеся, того постигает то, что постигло обезьяну.

* Имена быков сильно искажены в различных версиях; по-видимому, они восходят к санскритским словам со значением «хороший товарищ» и «веселящий».

** Имена шакалов в «Панчтанtre» передаются в форме Карапака и Даманака и значат «ворон» и «укротитель».

Димна сказал: — А как это было?

Причта. Калила сказал: — Говорят, что одна обезьяна увидела, как плотник колол бревно двумя клиньями, сидя на нем, подобно всаднику на лошади. Всякий раз, как он забивал один клин, он вытаскивал другой и передвигал его вперед. Потом плотник встал по своей нужде, а обезьяна принялась за работу и взялась не за свое дело и занятие. Она села на бревно, повернув спину к щели, а лицо к клину. Яйца ее попали в эту щель, а она принялась вытаскивать клин. Когда он был вытащен, то бревно защемило яйца, сдавило их, и упала она без чувств. В таком положении она оставалась до прихода плотника. И еще больнее этого были те побои и наказания, которые достались ей от плотника.

Димна сказал: — Я выслушал твою притчу и уразумел ее. Но знай, что не всякий, приближающийся к царям, ищет близости к ним ради своего живота, ибо живот можно набить везде. Нет, он ищет высокого сана и положения, которое радовало бы друга и злило врага. Поистине, нижайшие и мало благородные из людей, кои довольствуются ничтожным и радуются ему, подобны собаке, которая получила сухую кость и радуется ей. Что же касается до людей благородных и верных, то их не удовлетворит малое, и они не довольствуются незначительным, пока не возвысятся до того, чего они достойны, подобно льву, который терзает зайца, а когда видит ослицу, то оставляет зайца и устремляется на нее. Разве ты не видишь, что собака долго виляет хвостом, пока не бросят ей кусок, или что слон бывает в ярости от желания пищи и корма, а когда подают ему с почетом корм его, он не ест, пока не погладят и не приласкают его. Кто живет в немалом сане, в избытке для себя и для других, то хоть и кратка его жизнь, он будет долго жить; а кто живет в одиночестве и стеснении и в малом достатке для себя и своих друзей, то хотя и долго будет жить он — кратка его жизнь. Сказано: несчастен тот, кто долго живет в нужде. Сказано: пусть считают скотом и коровой того, у кого нет иной заботы, кроме своего живота.

Калила сказал: — Я понял твои слова. Раскинь же умом своим и пойми, что у каждого есть какое-нибудь положение и место. И когда он держится в своем положении распорядка, принятого в том обществе, к которому он принадлежит, он имеет основание быть довольным и удовлетворенным. Наше состояние не является таким, которое заслуживало бы неодобрения.

Димна сказал: — Люди бывают в разных положениях. Доблестного возвышает его доблесть от состояния низшего к высшему, а кто без доблести, сам низводит себя со степени высшей к низшей. Подняться с малого сана до самого почетного — трудно, а пасть с почести в унижение — легко. Это подобно тому, как поднять тяжелый камень с земли на плечи трудно, а сбросить с плеч на землю легко. Мы братья; будем же искать сана сообразно нашим силам, будем добиваться этого своею доблестью и не останемся на этой ступени, ибо у нас есть силы для этого.

Калила сказал: — Что же ты задумал теперь делать?

Димна сказал: — Я хочу явиться ко льву сейчас. Лев ведь слабоумен, и смутно для него и войска его их положение. Может быть, я таким образом приблизюсь к нему благодаря советам и получу от него почетный сан.

Калила сказал: — Откуда ты заключаешь, что смутны для льва его дела?

Димна сказал: — Я узнал это умом и догадкой. Умный постигает иногда сокрытые дела своего господина по внешним знакам, так что узнает их по его наружности и виду.

Калила сказал: — Как же ты надеешься получить положение у льва, если ты не друг царя и не знакомы тебе ни служба царям, ни дружба, ни благовоспитанное обращение с ними?

Димна сказал: — Человека сильного, крепкого не утомит тяжелая ноша, а слабому не принесет пользы и хитрость. Умному не повредит одиночество, и никто не отвернется от скромного, мягкого в обращении.

Калила сказал: — Правитель не наделяет милостью своей наилучшего из пребывающих у него, но

отличает ею того, кто близок к нему. Говорят, что он похож в этом на виноградную лозу, которая не выется около самого благородного дерева, но льнет к такому, которое ближе к ней. Как надеешься ты на сан у льва, если ты не близок к нему?

Димна сказал: — Я понял то, что ты говоришь: ты прав. Однако я знаю, что такие, кто более нас близки к царю, уже были, но не оказалось у них этого сана, потом приблизились из удаленности другие и приобрели его. Я буду стараться достичь их сана и их места, домогаясь приблизиться к нему. Сказано: никто еще не пребывал долго у врат царя, терпя от него презрение, вынося обиды, обуздывая свой гнев и учтиво обращаясь с людьми, без того, чтобы не достичь у него высших степеней.

Калила сказал: — Я понял. Но предположим, что ты приблизился ко льву, какой же ты хитростью добудешь себе сан у него?

Димна сказал: — Если бы я приблизился к нему, то узнал бы нрав его. Потом проник бы в желания его и ласково бы с ним обходился, соглашаясь с ним и мало противореча ему. Когда пожелал бы он что-нибудь хорошее, по-моему мнению, я бы украсил это пред ним, разъяснил и ободрил его на это дело, так что радость его увеличилась бы. А когда затеял бы он дело, за вред и ущерб от коего я боялся, то я выяснил бы ему вред и ущерб, заключающиеся в нем, и пользу и выгоду, которые он получит, если оставит его, и подходил бы к нему мягко и кротко. И я надеюсь, что лев умножит мне за это добро, хотя и увидит тут у меня то, что не увидит у другого. Человек образованный, тонкий, желающий иногда превратить истину в ложь или ложь в истину, поступает как искусный художник, который наносит на стене изображения, и тебе кажется, будто они выходят из нее, хотя они и не выходят, а другие ты видишь как бы входящими в стену, а они и не входят на самом деле. И когда увидит лев мое дарование и узнает про него и те способности, коими я обладаю, то сильнейшим образом будет желать почтить и приблизить меня.

Калила сказал: — Раз таково намерение твое, то я предостерегаю тебя от дружбы с царем, ибо дружба эта — опасность великая. Мудрые сказали, что на три вещи отваживается только безрассудный и спасаются от них лишь немногие, — это дружба с царем, питье яда для пробы и доверие тайн женщинам. Мудрые сравнивали царя с неровной горой, трудной для подъема, на ней всякие хорошие плоды, но она же логовище тигров, львов, волков и других опасных зверей. Подняться на нее тяжело, а оставаться на ней еще опаснее.

Димна сказал: — Твое описание верно, но кто не бросается на опасность, тот не достигает желанного. Кто оставляет дело, в котором он, может быть, и достиг бы цели, из страха пред ним и боязни того, от чего он, может быть, и уберегся бы, — тот не достигнет великого. О трех вещах сказано, что не выполнить их никому иначе, как при помощи высоких мыслей и большого риска; таковы — труд царя, морская торговля и битва с врагом. Про мужа, совершенного доблестью, сказано мудрецами, что ему следует быть лишь в двух местах, а другие — не приличествуют ему: это либо быть осыпаемым милостями у царей, либо уединившимся с благочестивыми. Подобно этому, слону подобает пребывать и красоваться лишь в двух местах: либо диким в пустыне, либо под седалищем у царей.

Калила сказал: — Да окажет тебе бог содействие в намерениях твоих. Что же до меня, то я не согласен с тобой в этом мнении.

И вот Димна пошел и приветствовал льва. Тот сказал присутствующим: — Кто это? — Они ответили: — Такой-то, сын такого-то. Лев сказал: — Я знал его отца. — Он дал ему приблизиться и потом сказал: — Где ты был? — Димна сказал: — Я был все время неотступно у ворот царя, надеясь, что предстанет дело, в котором я мог бы оказать помощь ему. И много уж было у него дел, в которых нужен был иногда тот, на кого не обращали внимания. Ведь нет ни одного, как бы ни был мал его сан и положение, в ком не нашлась бы какая-нибудь, хотя и незначительная,

польза. И прутиками, разбросанными по земле, пользуются иногда. Когда закусает в ухе, то можно воспользоваться такими прутиками, чтобы почесать его. Еще больше следует извлекать пользу из животного, умеющего различать пользу и вред.

Выслушав речь Димны, лев пришел в восторг, решил, что он доброжелателен и умен, и стал приближать его к себе. Он сказал приближенным: — Человек доблестный и мудрый бывает неизвестен саном, с темной судьбой. Потом доблесь и разум его возмущаются этим, и вот он обнаруживается, делается известным, подобно пламени огня, которое хотел укрыть хозяин его, но оно воспротивилось и поднялось.

Когда Димна узнал, что лев восхищен им, он сказал: — О царь! Твои подданные и приближенные осторегаются открыть тебе свои мысли, а ведь только таким путем приобретается ими сан, подобно пшеничному, ячменному или другому зерну, скрытому в земле, так что никто не знает природы его, пока не выйдет и не покажется оно наружу. Царю подобает каждого человека возводить в сан сообразно той доброжелательности, разуму, пользе и благовоспитанности, которые он у него найдет. Сказано про две вещи: не следует никому, хотя бы и царю, помещать одну из них не на ее место и выводить ее из ее положения, это — украшения ног и украшения головы. Если кто оправит яхонт и жемчуг в свинец, то не умалит это яхонта и жемчуга, но припишут это глупости того, кто так сделал. Так же говорят: не заводи дружбы с человеком, который не отличает правой руки от левой. Лишь правители извлекают полезное из людей, полководцы — из солдат, а ученые и богословы — из религии и толкования ее. Сказано: три вещи обладают сходным превосходством, хотя и объединяют их одинаковые словесные формы — превосходство поражающего над терпящим поражение, учителя над учеником и говорящего над тем, к кому обращена речь. Обилие помощников вредит делу, если они не обособлены. Успех дела в хороших помощниках, а не во множестве их, подобно человеку, который носит яхонт и не тяготит его ноша, раз он находит это для себя нужным. Точно

так же делу, которое можно выполнить кротостью, не принесет проку грубое обращение, хотя бы и одержать при этом верх. Правителю не подобает презирать доблести человека, хотя бы и незначительного по сану, ибо ничтожный иногда делается великим и почитаемым. Это походит на жилу, вынутую из падали: её употребляют для лука, и становится она высоко ценимой у царей и благодаря силе и крепости своей необходимой им; жилой же обделывают седла, и делается она местом седалища царей и вельмож. Пожелал Димна обрести сан у царя, а людям известно, что не достичь этого через знакомство льва с его отцом, но лишь собственной доблестью и умом — и только. И сказал он: «Царь не приближает людей, основываясь на близости к нему их отцов, и не удаляет их из-за отдаленности последних. Но он располагает их по степеням, сообразно той полезности, которая заключается в каждом из них. Нет ничего более близкого человеку, чем его собственное тело, и если занедужит у него какой-нибудь член его, то удалит он этот недуг лишь тем лекарством, которое возьмет со стороны. Мышь в доме присоседилась, но лишь только начинает приносить ущерб, как удаляется и изгоняется. Сокол летает на воле, но когда находят его полезным, тогда ловят, учат, и сам царь носит его на руке».

Когда Димна окончил свою речь, восхищение льва увеличилось еще больше. Он воздал ему достойный ответ и хвалу и сказал сидевшим с ним: — Не подобает правителю слишком сильно презирать права обладающих ими и унижать достоинство тех, кто им владеет. Более того, правителю следует исправлять случившееся упущение и не обманываться тем, что человек удовлетворен и признается в этом, ибо люди в этом отношении двух родов: человек, в основе природы которого — упрямство, он подобен тому прохожему, который наступил на змею, но она не ужалила его; однако он не обманулся этим и не вернулся, чтобы еще раз наступить на нее. Человек же, в корне природы которого мягкость, похож на холодное сандаловое дерево: если покрепче потереть его, то делается оно горячим и приносит вред.

Войдя в дружбу со львом, Димна сказал ему раз наедине: — Я вижу, что лев остается уже долго на этом месте, не трогаясь с него. Почему это? — Лев сказал (а он не желал, чтобы Димна проводил про его трусость): — Тут нет какой-нибудь особой причины.

Во время их беседы вдруг заревел бык сильным ревом. Лев заволновался и поведал Димне то, что было у него на душе. Он сказал: — Я не знаю, что это за голос, который я слышу. Во всяком случае, думаю я, тело обладателя его соответствует его голосу, а сила соразмерна его величине. Если это все так, то здесь нам не место.

Димна сказал: — Не тревожит ли царя еще что-нибудь кроме этого голоса?

Лев сказал: — Кроме него меня ничто не тревожит.

Димна сказал: — Недостойно, чтобы заставлял царя покинуть его место этот голос. Сказано: разъедает плохую плотину вода, а ум — тщеславие; вредит доблести сплетня, а слабому сердцу — громкий голос и крик. В одной притче разъяснено, что не след бояться каждого голоса.

Лев сказал: — Что это за притча?

Причая. Димна сказал: — Говорят, что забралась одна голодная лисица на холм, а на нем был барабан, оставленный рядом с деревом. Когда дул ветер, приходили в движение ветви дерева, били в барабан, и он звучал сильным звуком. Лисица услышала этот звук, пошла на него и дошла до барабана. Увидев, какой он толстый, она сказала сама себе: — Конечно, это соответствует обилию в нем жира и мяса, — и принялась с ним возиться, пока его не разорвала. Но, обнаружив его пустоту, она сказала: — Видно, наиболее ничтожные вещи обладают и наибольшим телом и громким голосом.

Я рассказал тебе эту притчу потому, что надеюсь, что если мы достигнем до этого устрашившего нас голоса, то найдем его менее значительным, чем предполагаем. И если царю угодно, то пусть он пошлет меня к этому голосу, а сам останется на своем месте, пока я не возвращусь к нему и не сообщу вести о

нем. Лев согласился с этими словами и дал ему разрешение.

И пошел Димна туда, где был бык. Когда он удалился, лев задумался о деле своем и раскаялся, что послал Димну туда, куда послал. Он сказал в душе своей: — Промахнулся я, доверив Димне то, что доверил. Человек, находившийся у ворот царских и долго выносивший грубое обращение без греха, который бы он совершил, или подозреваемый в дурном, или известный алчностью и жадностью; человек, пораженный нуждой и стеснением, от которого он не оправился, либо лишенный власти или богатства, бывшего в руке его, либо устранный и удаленный от дела, которым он занимался и которое поделено между ним и другим, либо совершивший грех и боящийся наказания, либо злой, не любящий добра, либо погрязший в позорных поступках; человек, совершивший грех против подобных себе, либо выдержавший хорошее испытание вместе с подобными себе, отличенными, однако, пред ним наградой, либо имеющий злого врага, превосходящего его саном и достоинством, или недостойный доверия в вере и порывах души, либо видящий вред в том, в чем на самом деле для него польза, либо приспешник царскому врагу, — на всякого такого человека не след спешить полагаться царю, доверять и верить ему. Димна проницателен и хитер и был в отдалении, заброшен. Может быть, он обуреваем чрез это враждой, побуждающей его причинить мне горе и муку? Может быть, он найдет кричавшего более сильным, чем я, и превосходящим меня властью, соблазнится преимуществами его и обернется вместе с ним против меня и укажет ему на слабые места мои.

И не переставал лев размышлять об этом и от волнения не мог остаться на месте и стал ходить, то присаживаясь, то всматриваясь в дорогу, пока не показался пред ним приближавшийся Димна. Увидев, что с ним никого нет, лев успокоился душой и вернулся к себе, не желая, чтобы подумал Димна, что какая-нибудь тревога побудила его покинуть свое место.

Когда Димна вошел ко льву, тот сказал ему:—Что ты делал?—Он сказал:—Я видел быка, это он обладатель того голоса, который ты слышал.—Лев сказал:—Какова сила его?—Димна сказал:—У него нет мочи. Я приблизился к нему, разговаривал с ним так, как беседуют равные, и он не мог мне ничего сделать.—Лев сказал:—Не обманывайся этим и не приписывай это его слабости: сильный вихрь не ломает слабой травы, но он же сокрушает громадные деревья и замки. Так же и герои состязаются лишь с равными себе.—Димна сказал:—Пусть царь нисколько не страшится его, и пусть не тяготит его душу это дело. Если царю угодно, чтобы я привел быка и он стал бы ему послушным и повинующимся рабом,—я сделаю это.

Лев обрадовался этим словам и сказал:—Ступай, я желаю этого.—Димна пошел к быку и сказал ему без страха и трепета:—Лев послал меня к тебе, чтобы привести тебя, и приказал обещать тебе, если ты поспешишь прибыть к нему добровольно, безопасность за прошлые твои грехи, когда ты сторонился от него и избегал встречи с ним. А если ты откажешься, то он приказал мне поскорее вернуться и рассказать ему про это.

Бык сказал:—Кто этот лев, что послал тебя ко мне, и где он?

Димна сказал:—Он царь над животными и находится в таком-то месте со своим войском из зверей.

Бык испугался при упоминании о льве и зверях и сказал Димне:—Если ты обещаешь безопасность, я пойду с тобой.—Димна поручился ему и дал надежное обещание.

Тогда выступили они вместе и предстали перед львом. Лев стал искусно расспрашивать быка и сказал ему:—Когда ты прибыл в страну и что побудило тебя вступить в нее?—Бык рассказал ему свою историю.

Лев сказал:—Я буду с уважением и почетом обходиться с тобой.—Бык призвал на него благословение, воздал ему хвалу и остался у него. Лев приблизил его и с почтением и лаской относился к нему. Испытав

его и обнаружив в нём рассудительность и ум, он доверил ему тайны свои и советовался с ним о делах своих. И чем дольше жил у него бык, тем больше проникался лев к нему восхищением и любовью и приближал его, так что стал бык отличенным у него по сану перед всеми друзьями его.

Когда Димна увидел, что лев наделяет вниманием своим быка больше, чем друзей, что бык стал другом льва в его одиночестве, беседах и развлечениях, воспыпал он к нему завистью, дошедшей у него до высшей степени. Он пожаловался на это брату своему Калиле, говоря: — Разве не удивляет тебя, о брат мой, мое слабоумие и то, что сделал я сам с собой, взирая лишь на пользу для льва и пренебрегая собственными выгодами и вредом, так что привел к нему того, кто превзошел ныне меня саном?

Калила сказал: — Тебя постигло то же, что одного отшельника.

Димна сказал: — А как это было?

Притча. Калила сказал: — Говорят, что один отшельник получил от царя роскошную одежду. Некий разбойник увидел его и проникся сильным желанием овладеть одеждой, бывшей на отшельнике. Он отправился к нему и сказал: — Я хочу подружиться с тобой, поучиться у тебя и усвоить образованность твою. — И вошел он с ним в дружбу, подражая благочестивым людям. Он был кроток с отшельником и ласково оказывал ему услуги и почитал его, пока не улучил с его стороны оплошность, взял его одежду и ушел с ней. Когда отшельник не нашел ни одежды, ни того человека, он понял, что это он совершил это, и искал его по всем возможным местам, пока не направился в поисках своих в один город. По дороге он проходил мимо двух бодавшихся коз. Они бодались так долго, что из обеих текла кровь. Пришла лисица и лакала их кровь. Но в то время, как лисица нагнулась над кровью, козы повернулись к ней, продолжая бодаться, а она не заметила их, и они убили ее.

А отшельник все шел и достиг города. Он вошел в него уже вечером и не нашел ни пристанища, ни ночлега, кроме дома одной блудницы, промышлявшей

распутством, и остановился в нем. У той женщины была рабыня, котою она торговала, а эта рабыня страстно любила одного человека и никого не желала кроме него. Но это наносило ущерб выгодам, которые та женщина получала с нее, и злобствовала она на человека, любимого ее рабыней, и вознамерилась его убить как раз в ту ночь, когда приютила отшельника. Она напоила того человека чистым вином, так что он опьянял и заснул, а с ним уснула и ее рабыня. Когда отяжелели они оба от сна, направилась женщина к яду, уже приготовленному ѿ, и положила его в тростинку, чтобы вдуть в задний проход того человека. Один конец тростинки она вложила туда, а другой себе в рот. Но прежде чем она дунула, вышел воздух из заднего прохода того человека, и влетел яд женщине в горло, и пала она мертвой. И все это произошло на глазах отшельника.

На другой день утром он снова принялся за поиски этого разбойника. Башмачник дал ему у себя приют и сказал своей жене: — Присмотри за этим отшельником, почти его и ухаживай за ним. Меня же один друг пригласил на пирушку. — И он ушел. А жена его любила некоего человека, и была на посылках в их делах жена одного цирюльника. Башмачница послала жене цирюльника сказать, чтобы та сходила к ее другу и сообщила ему, что муж у своих приятелей и придет лишь вечером и выпивши. В сумерки отправился тот человек и сел у ворот, поджиная женщину. Вечером же вернулся башмачник, и был он пьян. Увидев человека у ворот своего дома, — а он уж подозревал его прежде, — башмачник разгневался, вошел в дом, схватил жену, избил ее тяжким боем и потом привязал к столбу внутри дома. Лишь только у всех заснули глаза, пришла жена цирюльника и сказала: — Он уже давно сидит у ворот, чего же ты ждешь? — Башмачница сказала: — Если ты хочешь оказать мне добро, то развязи меня и привяжи себя на мое место, пока я схожу к своему другу.

Жена цирюльника так и сделала. Башмачник проснулся до возвращения жены и позвал ее несколько раз по имени, но жена цирюльника не ответила ему из

страха, что он признает ее голос. Он еще позвал ее и назвал несколько раз по имени, но все-таки не ответила ему жена цирюльника. Тогда увеличился его гнев, он поднялся к ней с ножом, отрезал ей нос и сказал: — Возьми, снеси его в подарок своему другу.

Когда башмачница вернулась домой, она нашла жену цирюльника изувеченной, а мужа спящим. Она освободила ее и привязала себя на ее место, а та взяла свой нос и пошла домой одурченной. И все это слышал и видел отшельник.

Затем башмачница возвысила свой голос, воззвала к господу своему, принесла ему мольбу и начала молиться и говорить: — О боже! Если несправедливо наказал меня муж мой, то верни мне невредимым мой нос. — Муж сказал ей: — Что это за речи, колдунья? — Она сказала: — Встань, злодей, взгляни на дело свое и на то, как бог изменил тебе его и смилился надо мной, оправдав меня от твоих подозрений. Бог возвратил мне мой нос невредимым! — Он встал, зажег огонь, взглянул на жену и нашел ее нос неповрежденным. Тогда он раскаялся перед господом в своем грехе и попросил жену простить его и быть снискходительной к нему.

А жена цирюльника, придя домой, перебрала мысленно все хитрости так и этак и сказала: — Как оправдаться мне пред мужем и людьми вувечье носа? — На рассвете ее муж проснулся и позвал ее, говоря: — Поздай мне мои инструменты, я хочу побрить одного знатного горожанина. — Но она подала ему из инструментов только бритву. Цирюльник рассердился и бросил в нее бритвой в темноте. Она упала тогда на землю, закричала и заголосила, приговаривая: — Нос мой! Нос мой! — Она не перестала кричать, пока не пришли к ней ее близкие и родные, и отправилась она с ними к судье. Судья сказал цирюльнику: — Что побудило тебя изувечить нос твоей жены? — И не было у него доводов, которые можно было бы привести, и приговорил судья цирюльнику к наказанию.

Когда приступили к наказанию, встал отшельник, подошел к судье и сказал: — Да не будет у тебя ничего неясного, о судья. То не разбойник обворовал меня,

и не козы убили лисицу, не яд поразил развратницу, и не цирюльник изувечил свою жену — то мы все сами сделали это. — Судья попросил его разъяснить это, и он ему рассказал. Так же и ты, — сказал Калила Димне, — случилось это благодаря тебе самому.

Димна сказал: — Я выслушал эту притчу, она похожа на мое дело. И, клянусь жизнью своей, никто не повредил мне, кроме меня самого. Однако что же придумать теперь?

Калила сказал: — Сообщи мне мнение об этом.

Димна сказал: — Что до меня, то я теперь не ищу ничего, как только вернуться в свое положение. Ведь качества умного человека, в которых следует разбираться ему и их выполнять, таковы: размышление о прошедших полезных и вредных делах, чтобы уберечь себя от возврата постигшего ущерба и чтобы совершать хорошие поступки по образцу тех полезных, кои уже совершены, и стремиться навстречу им; исследование того полезного или вредного состояния, в котором находятся в данный момент, чтобы закрепить полезное и извлечь из него пользу, пока оно не исчезло, и стараться выйти из вредного; размышление о том полезном, на что надеются в будущем, и о том вредном, чего страшатся, подготовление себя к тому, что ожидают, и оберегание от того, чего боятся. Я только и думаю о способах вернуть себе тот сан мой, который он занял, и не нахожу иного средства, как устроить козни против быка так, чтобы он расстался с жизнью. Это будет хорошо для меня, и, может быть, вместе с тем я стану дороже для льва, чем бык. Он перешел все граници в своих отношениях к быку, помутил свой ум и возбудил против себя всех своих близких.

Калила сказал: — Я не вижу никакого порока и вреда в том сане и хорошем положении, которое бык у него занимает.

Димна сказал: — Но ведь лев чувствует к быку такую сильную любовь, что пренебрег другими доброжелателями своими и лишил их его благ. Ведь власть разрушается от шести вещей: лишения, мятежа, страсти, грубости, рока и неуравновешенности. Что касается до лишения, то тут лишается царь добрых помощников,

советчиков и правителей из людей умных, храбрых и надежных и остается без подобных им. Мятеж — испытание людей на случающихся среди них усобицах и бранях. Страсть — это влечение к женщинам, к беседам, напиткам, охоте и другому в этом роде. Грубость — излишняя пылкость, когда спешит язык к брани, а рука к насилию там, где им не место. Рок — это постигающие человека бедствия, чума, наводнение, бесплодие и тому подобное, а неуравновешенность — выказывание суповости вместо кротости и кротости вместо суповости.

Калила сказал: — Как же ты одолеешь быка, ведь он более силен и стоек, чем ты?

Димна сказал: — Не смотри на мою ничтожность и слабость. Дела совершаются вовсе не в соответствии с крепостью, силой или слабостью.. Сколько ничтожных и слабых уже добрались до льва? Разве не дошло до тебя, как ворон устроил козни змее, так что сразил ее своею хитростью и обманом?

Калила сказал: — Как это было?

Прич. Димна сказал: — Говорят, что у одного ворона было гнездо на дереве, стоявшем на горе, а недалеко была нора змеи. И, бывало, каждый год, когда ворон выводил птенцов, приползала к гнезду змея и поедала его детенышей. Когда она проделала это несколько раз, ворон дошел до крайности и пожаловался на это другу своему шакалу, говоря: — Я хочу посоветоваться с тобой об одном деле, задуманном мною. Не согласишься ли ты со мной и не поможешь ли мне? — Тот сказал: — Что же это такое? — Ворон сказал: — Я хочу пойти к змее и вырвать глаза у нее. — Шакал сказал: — Дурную ты задумал хитрость. Поищи такого средства, которым ты победил бы змею без собственной гибели и опасности. Смотри, не уподобься цапле, которая думала убить рака, а поразила сама себя.

Ворон сказал: — Как это произошло?

Прич. Шакал сказал: — Устроила себе эта цапля, задумавшая убить рака, гнездо на болоте, обильном рыбой и густо поросшем травой. Прожила она там, сколько прожила, потом состарилась и не могла больше охотиться. Охватил ее тогда сильный и

мучительный голод, и сидела она опечаленная, придумывая хитрость. Рак увидел ее издали, приблизился к ней и сказал: — Что я вижу! Томит тебя печаль! — Цапля сказала: — Как же мне не быть такой? Ведь жизнь моя до сего дня заключалась в том, что ловила я здешних рыб, каждый день то одну, то две, и я этим жила, и рыб это не убавляло значительно. Но сегодня увидела я двух рыбаков, пришли они на это место, и один из них сказал другому: «Я вижу здесь много рыбы, половим-ка ее некоторое время». Товарищ его сказал: «А я знаю одно место впереди нас, где рыбы еще больше, и я хочу начать с него, а когда мы там освободимся, то отправимся сюда и останемся здесь, пока не покончим». Я знаю, что если они вернутся оттуда, куда отправились, и придут к нам, то не оставят в этом болоте ни одной рыбы не пойманной. А раз это случится, то это — смерть для меня.

Рак отправился на собрание рыб и сообщил им об этом. Тогда обратились рыбы к цапле, ища совета ее, и сказали ей: — Мы пришли к тебе за твоими указаниями. Дай нам совет. Ведь одаренный умом не пренебрежет советом врага своего, раз последний обладает разумением того, что советует, все равно, полезно ли то ему или вредно. Ты владеешь разумом, и для тебя в нашей целости польза; дай же нам совет. — Цапля сказала: — За битву с рыбаком и борьбу с ним нет у меня доводов, и я не знаю другого средства, кроме следующего: мне известно одно место, в котором есть пруд, обильный чистой водой и поросший камышом. Если бы вы сумели переправиться туда, то было бы вам там привольно и хорошо. — Они сказали: — Как же нам переправиться иначе, как с твоей помощью? — Она сказала: — Я сделаю вам это, хотя дело это мешкотное, но, может быть, рыбаки не захватят меня, пока я не кончу. — И принялась цапля уносить каждый день по две рыбы. Она отправлялась с ними на один холм и там поедала их, а оставшиеся и не знали про это. Но вот однажды сказал ей рак: — Я боюсь этого места, перенеси меня на тот пруд. — Цапля понесла рака и полетела с ним над одним из тех мест, где она поедала рыб. Рак увидел множество рыбьих костей и понял, что

виновница этого цапля и что с ним она хочет поступить так же. Он сказал в душе своей: — Когда встречный встречает врага своего в месте, про которое он знает, что будет там убит, все равно, станет ли биться или нет, то недостойно ему опускать руки свои, но следует биться, благородно защищаясь. — И протянул рак свои клешни к шее цапли и так сдавил ее, что упала она на землю, а с нею упал и рак. Цапля околела, а рак освободился, ползком вернулся к рыбам и сообщил им весть.

Шакал сказал ворону: — Я привел тебе эту притчу лишь для того, чтобы ты знал, что иные уловки губительны для тех, кто на них пускается. Но вот я укажу тебе нечто, и если ты сможешь сделать это, то будет в этом гибель для змеи, а для тебя от нее — покой.

Ворон сказал: — Что это такое?

Шакал сказал: — Лети и смотри, не найдешь ли ты какого-нибудь драгоценного женского украшения, дорогое для обладательницы его. Тогда схвати его и леши с ним невысоко и все взмывай и кружи, чтобы не скрыться из глаз. Люди будут следовать за тобой, а ты принесешь украшение к норе змеи и бросишь там на нее. Когда люди дойдут до своего украшения, то отнимут его и избавят тебя от змеи. — Ворон отправился и увидел одну женщину, которая мылась в своей комнате, сняв свои одежды и украшения. Он выхватил из украшений ее ожерелье и все взлетал и опускался так, что видели его люди, и таким образом он достиг норы змеи. Он бросил на нее ожерелье, и люди напали на змею, убили ее и взяли ожерелье.

Димна сказал Калиле: — Я рассказал тебе эту притчу лишь для того, чтобы ты понял, что хитрость приводит к тому, к чему не приводит и сила.

Калила сказал: — Если бы бык не соединял с крепостью своей еще рассудка, так и было бы, но он вместе с храбростью обладает еще опытностью и умом, а что ты с этим сделаешь?

Димна сказал: — Действительно, бык крепок силой и опытностью, но он обманут мной и доверяет мне, и я смогу повергнуть его так же, как заяц поверг льва.

Калила сказал: — Как же это было?

Причина. Димна сказал: — Говорят, что жил лев в одной области, богатой растительностью и водой. Приволье было бы в питье и пастище обитавшим в той стране диким зверям, если бы не страх их перед львом, делавший все это для них бесполезным. Посоветовавшись между собой, эти звери собрались ко льву и сказали: — Ты захватываешь какое-нибудь животное из нас лишь после утомительного и изнурительного труда в течение дня. И вот мы составили свой план, в котором будет для тебя облегчение. Если ты обещаешь нам безопасность и не станешь нас пугать, то мы будем посыпать тебе каждый день какое-нибудь животное к твоему обеду. — Лев согласился с этим, заключил с ними на этом мир, а они подтвердили это ему. Както дошла очередь до зайца, и он сказал им: — Если вы будете благосклонны ко мне в том, что вам не повредит, то я, может быть, освобожу вас ото льва. Они сказали: — На какую благосклонность ты нам указываешь? — Он сказал: — Прикажите тому, кто отправится со мной, не утомлять меня; может случиться, что я немного замешкаюсь явиться ко льву, так что запаздывает его обед. — Они сказали: — Пусть будет так. — И отправился заяц не спеша, и уже миновал час, в который обычно ел лев, когда он медленным шагом приблизился к нему. А лев уже проголодался, пока задержался его обед, был гневен и, встав с ложа своего, прохаживался, как вдруг увидел зайца. Он сказал ему: — Ты откуда пришел и где звери? — Заяц сказал: — Я посланец зверей, которого они выслали к тебе. Они послали со мной зайца, но когда я был уже здесь недалеко от тебя, попался мне навстречу лев, выхватил его от меня и сказал: — Мне принадлежат права над этой землей и зверями ее. — Я сказал ему: — Это обед царя, который послали ему звери, не вводи его в гнев. — Но он рассердился и выбранил тебя, а я поспешил к тебе, чтобы сообщить про это. — Лев разгневался и сказал: — Иди со мной и покажи мне этого льва. Заяц привел его к глубокому колодцу с прозрачной водой и сказал: — Вот место льва, но я боюсь его; не возьмешь ли ты меня на грудь, тогда мне не будет страшно, и я покажу тебе его. — Лев взял его на грудь,

а заяц приблизил его к чистой воде и сказал: — Вот лев, а вот заяц. — Лев спустил тогда зайца и прыгнул в колодец на битву, а заяц убежал.

Калила сказал: — Если ты можешь погубить быка так, что не будет в этом ущерба для льва, тогда — твоё дело. Действительно, положение быка вредит и тебе, и мне, и другим царским воинам. Но если ты не сумеешь сделать этого иначе, как расстроив льва и ничем этого не возместив, то это будет вероломство с твоей стороны и низость.

Затем Димна прекратил на несколько дней посещать льва, а потом пришел к нему с опечаленным видом, когда он был в уединении и ничем не занят. Лев сказал ему: — Почему я вижу тебя сегодня с печальной душой? Сколько дней я не видел тебя! — Он сказал: — Это не будет скрыто от тебя. — Лев сказал: — Добро? — Он сказал: — Кабы было добро! — Лев сказал: — Разве что-нибудь случилось? — Димна сказал: — Случилось то, чего не желал ни лев, ни я. — Он сказал: — Что же такое? — Димна сказал: — Это тяжелая и жестокая речь, которую хорошо вести лишь на досуге. — Лев сказал: — Сейчас и есть уединение и досуг. Расскажи же мне, что у тебя.

Димна сказал: — На речь, неприятную для слушающего, не отважится рассказчик. Но если она доброжелательна, то хотя бы это было дерзостью с его стороны, он доверит ее своему господину, с кем говорит. И если мудр тот, к кому он обращается, то он перенесет это и выслушает его, ибо ведь польза от этого будет для слушающего, а для говорящего нет иной выгоды, как выполнить долг и искреннюю любовь. Ты, о царь, совершенен разумом и умом, и вот отважился я доверить тебе то, что сообщу, хотя и не понравится это царю. Отважился потому, что тебе известна моя искренняя любовь и то, что ты мне дороже собственной души. У меня являлась мысль, что не поверишь ты тому, что я тебе расскажу, но когда я вспомнил, что мы, общество зверей, связаны тесными узами с тобой, я не нашел возможным уклониться от выполнения долга, обязательного для меня, хотя бы ты меня просил, и несмотря на боязнь, что ты не поверишь. Ведь сказано:

кто скрыл совет пред царем, или болезнь пред врачом, или нужду пред братьями, тот обманул самого себя.

Лев сказал: — В чем дело?

Димна сказал: — Сообщил мне один верный в моих глазах друг, что Шатраба свиделся наедине с начальниками войска твоего и сказал им: «Я испытал льва, испробовал его разум, силу и хитрость, и выяснилась для меня во всем этом его слабость. У меня с ним будет история». И вот, когда дошло это до меня, я понял, что Шатраба обманщик, неблагодарный, изменник тебе. Ты почтил его полным почетом, поставил его наравне с собой, но его душа зарится получить сан, подобный твоему, и в случае, если ты оставишь свое место, то достанется наше царство ему. И добиваться этого он не перестанет. Сказано ведь: когда царь знает, что кто-либо почти сравнялся с ним в сане, уме, положении, богатстве и недосягаемости, то пусть он свергнет его, ибо если он не сделает этого, то будет свергнут сам. Ты, о царь, наиболее сведущ и знающ в делах, и я думаю, что ты приступишь к этому делу, пока оно еще не серьезно, и не будешь ждать, пока оно произойдет, так как я не знаю, сможешь ли ты потом исправить его или нет. Говорят, что есть три вида людей: два благоразумных и один слабоумный. Один из благоразумных таков, что, когда постигнет его испытание, он не растеряется и не запнется отыскать средство, план и хитрость, которыми он надеется выйти из постигшего затруднения; не разорвется сердце его в куски. Но еще более благоразумен, чем упомянутый, тот, кто дальновиден, кто знает дело вперед, прежде чем оно случится; преувеличивает значение его и готовит средство, как будто оно уже показалось перед глазами; он вырывает болезнь прежде, чем ее испытать, и отдаляет несчастье прежде, чем ему случиться. Что же касается до слабоумного, то он бывает нерешителен в делах, противоречив в решениях и обуреваем различными намерениями, пока не постигнет его, беспомощного и растерянного, что либо и не погубит. Это похоже на притчу о трех рыбых.

Лев сказал: — А как это было?

Причта. Димна сказал: — Говорят, что жили в одном пруду три большие рыбы, а пруд этот находил-

ся в обширном, никем не обитаемом месте земли. Однажды проходили там мимоходом два рыболова и говорились прийти еще раз с сетью и поймать этих трех рыб, которых они заметили. Тогда одна рыба, самая умная из них, встревожилась и испугалась. Она приняла меры предосторожности, вышла через проток воды, вытекавший из пруда в реку, и перешла в другое место. Что касается второй, менее умной рыбы, то она запоздала принять благоразумные меры, пока не пришли рыболовы. Она сказала: — Упустила я время, и вот последствия нерадения. — Увидев рыбаков, она поняла их замысел и обнаружила, что выход уже прегражден. Она сказала: — Я совершила ошибку; как ухитриться спасти себя в таком положении? Попытки спешить и суетиться помогут мало. Но не отчайвайся и не оставляй возможных поисков. — Затем она притворилась из хитрости мертвой и выплыла на поверхность воды, перевернувшись на спину. Рыболовы схватили ее и, считая мертвой, положили на берегу реки, вытекавшей из пруда, а она бросилась в реку и спаслась от них. Рыба же слабоумная не переставала метаться туда и сюда, пока ее не поймали. Я советую, о царь, поспешить с мерами предосторожности, как если бы ты уже видел беду пред глазами. Вырви недуг прежде, чем он коснется тебя, и отдали несчастье раньше, чем оно случилось.

Лев сказал: — Я уразумел притчу твою. Но я не думаю, чтобы бык обманывал меня и замышлял против меня зло после тех милостей и благодеяний моих по отношению к нему. Он не сможет напомнить никакого зла, которое я бы ему причинил, и никакого добра, которым бы я его не напоил.

Димна сказал: — Не ум, но твое чрезмерное почитание его повредило тебе, так что дошел он в душе своей до помыслов получить твой сан. Наглец незначительный остается доброжелательным и полезным, пока не возвысится до степени, коей он не достоин. Но раз он достиг ее, теряет она для него интерес, и побуждает его душа добыть обманом и изменой нечто высшее. Наглец же отъявленный вообще служит царю и выказывает любовь лишь из страха и необходимости, и

когда перестает нуждаться в царе и опасаться его, тогда возвращается он к настоящей своей сущности и природе, как кривой хвост собаки: когда его подвяжут, чтобы он был прям, он остается таким все время, пока связан, но едва развязут его, как делается он снова кривым и изогнутым.

Знай, о царь, что кто не принимает от своих друзей тех тяжких для него советов, которые они подают, не заслужит похвалы его разум. Он будет подобенльному, отвергающему то, что приписывают ему врачи, и обращающемуся к тому, что нравится ему самому. Долг везира по отношению к царю — побуждать царя к тому, что его усиливает и украшает, и удерживать от того, что для него вред и поношение. Лучший из братьев и помощников тот, кто меньше всего потворствует в советах, а наиболее прекрасное дело то, которое наиболее благотельно по результатам. Лучшая из женщин та, которая сговорчива, а высшая похвала — из уст людей наилучших. Самый хороший друг тот, кто не спорит, и самый хороший богач тот, кто не пленен алчностью. Если бы человек сделал себе подушку из змей, а ложе из огня, то все-таки сон ему был бы приятнее, чем если бы он заметил вражду, замышляемую против него другом, и утром и вечером злобствующим против него. Самый слабый из царей тот, кто медлен в начинаниях, наименее проницателен и более всех похож на разъяренного слона, который ни на что не обращает внимания, и если случится что-либо с ним; то не придает важности этому.

Лев сказал: — Сурова речь твоя, но слова искреннего друга приемлемы, хотя и жестоки. Однако, если Шатраба и враг мне, как ты говоришь, он не сможет принести мне вреда; да и как же иначе? Ведь он питается травой, а я мясом, и таким образом он для меня пища. Я не думаю, чтобы мне нужно было его бояться, и не нахожу поводов к изменению с ним отношений после того доверия, которое я ему оказал, и той нерушимой дружбы, того почитания и прославления его с моей стороны на глазах всего моего войска, которое я ему выказал. Поступив так, я обнаружу собственное безрассудство и нарушу свой договор.

Димна сказал: — Не обманывай себя словами: «он для меня пища». Если бык бессилен против тебя сам, то он доймет тебя через другого. Сказано: когда приютится у тебя случайный гость, характера коего ты не знаешь, не мни себя безопасным от зла, которое может случиться с тобой от него или через посредство его, как случилось это с вошью, давшей приют блохе.

Лев сказал: — Что же случилось с вошью?

Причта. Димна сказал: — Говорят, что вошь пристала одно время к постели некоего вельможи; она пила во время сна у него кровь и ползала по нему медленно и неслышно. Однажды ночью приютилась у нее блоха на постели этого вельможи и так укусила его, что разбудила. Человек распорядился о постели, и ее осмотрели. Блоха прыгнула и убежала, а вошь схватили и убили.

Я рассказал тебе эту притчу для того, чтобы показать, что не спастишься от зла дурного человека: если он сам не может совершить его, то проявится затруднение через посредство его. Раз ты не боишься быка, то страшись козней для себя со стороны других воинов, помимо него, которых он возбудил на вражду с тобой и подстрекнул против тебя. Но я знаю, что ссора у тебя с ним неизбежна и что он не доверит другому своего дела.

И запали в душу льва слова Димны, и он сказал: — Что же ты укажешь мне?

Димна сказал: — Зуб обломанный и объеденный не перестанет причинять страдание и боль обладателю, пока не будет удален. Успокоение от пищи, отвратительной для души и противной, даст извержение ее, а средство от страшного врага — избавление от него.

Лев сказал: — Ты оставил меня в таком состоянии, что я не хочу беседовать с Шатрабой. Я пошлю ему сообщить то, что запало в мою душу про него, а потом прикажу убираться, куда хочет.

Это не понравилось Димне, ибо он понял, что если вступит лев в переговоры с быком и услышит его ответ и оправдание, то узнает про ложь его и не утаится от него его дело.

Он сказал льву: — Я не думаю, чтобы было благоразумно посыпать к быку и сообщать ему о его про-

ступке. Вдумайся в это, о царь, ведь у тебя останется свобода действий, пока ты не откроешь ему того, что запало в твою душу. Я боюсь, что, если ты откроешь это ему, он ускорит козни свои против тебя, и если будет биться, то приготовленным. А если он и покинет тебя, то ведь он слишком вероломен по сравнению с тобой. Кроме того, благоразумные цари вообще не открывают наказания тем, чье преступление не открылось; за каждый грех — свое наказание: за грех тайный — наказание тайное, за грех же явный — наказание явное.

Лев сказал: — Когда царь наказывает и унижает кого-нибудь лишь на основании явившегося ему подозрения, без достоверного знания, то себя самого он наказывает и себя самого унижает.

Димна сказал: — Да. Пусть же ни в коем случае он не войдет к тебе неприготовленному и не уличит тебя в оплошности. Я полагаю, что если ты взглянешься в него тогда, когда он войдет, то непременно узнаешь, что он замыслил великое дело. Знаки этого таковы: ты увидишь цвет его изменившимся, ты увидишь члены его трепещущими, ты увидишь его озирающимся направо и налево и ты увидишь рога его направленные как бы с целью забодать.

Лев сказал: — Я буду осторожен с ним, и если увижу у него эти знаки, о которых ты говоришь, не останется у меня относительно него сомнений.

Когда Димна ушел от льва, убежденный, что закинул в душу его то, что хотел, и что лев будет всячески опасаться и остерегаться быка, он решил пойти к быку и наговорить ему на льва. Но потом он пожелал, чтобы это посещение произошло по указанию льва, из боязни, чтобы не дошло это до него стороной и не заподозрил бы он его. Он сказал льву: — Не пойти ли мне к быку, подсмотреть за ним, разведать дела и подслушать речи его; может быть, я выпытаю что-нибудь у него и сообщу тебе? — Лев разрешил ему это.

Димна отправился и вошел к быку с видом удрученного печалью. Бык, увидев его, приветствовал и сказал: — Не видел я тебя уже несколько дней. Что задерживало тебя? Здоров ли?

Димна сказал: — Когда бывает здоров тот, кто не властен над самим собой, чья участь в руке другого, того, на которого нельзя положиться, кто постоянно в страхе и опасности? Тот, кто ежечасно страшится за свою душу и кровь?

Бык сказал: — Что случилось?

Димна сказал: — Случилось то, что было предрешено. А кто борется с роком? Кто достиг великого и не стал кичливым и не опьянел? Кто следовал страстям своим и не погиб? Кто приближался к женщинам и не был прельщен? Кто заискивал у человека и не был унижен? Кто заводил дружбу с дурными людьми и сохранил себя? И кто дружил с царем и не был оклеветан? Верно сказано: царь в малой верности своей к находящимся при нем и низости души по отношению к утраченным подобен блуднице с гостем: когда уходит один, приходит другой.

Шатраба сказал: — Я выслушал речь твою и боюсь, что явилось у тебя на льва какое-то подозрение.

Димна сказал: — Он мне подозрителен, но не по отношению ко мне самому. Ты знаешь, чём ты мне обязан, тебе известна наша взаимная любовь и то, что я сделал некогда для тебя от души из побуждений долга, когда послал меня лев за тобой. И я не могу не выполнить должного и не сообщить тебе того, что заметил и что внушил мне за тебя страх.

Шатраба сказал: — Что такое?

Димна сказал: — Сообщил мне один надежный друг, что лев сказал некоторым друзьям своим и приятелям: — Я в восхищении от тучности быка, и он мне не нужен. Нечего с ним делать, думается мне, как растерзать его, и поедим мы тогда его мяса. — Когда дошли эти слова до меня, я понял его неблагодарность и злонамеренность и поспешил сообщить тебе это и исполнить свой долг перед тобой. Прими же разумные меры для своего спасения.

Когда Шатраба выслушал речь Димны, вспомнил ту защиту и верность, которые он некогда ему оказал, и раздумал о льве; он подумал, что Димна поступил искренне и правдиво.

Он сказал ему: — Не годится льву изменять мне. Ведь я не совершил проступка ни против него, ни против кого-нибудь из его войска, но его должно настроили против меня и внущили подозрения. Друзья льва — люди дурные, и от них происходят все уловки, заставляющие его верить тому, что доходит до него про других. Ведь так же и дружба со скверными людьми оставляет часто в наследство великую и длительную печаль и злые мысли о наилучших людях, пока опыт не откроет ошибки. Это похоже на ошибку утки, которая увидела в воде свет звезды и, подумав, что это рыба, пытаясь поймать ее. Промахнувшись так несколько раз, она поняла, что там ничего нет, а когда в ту же ночь она, увидев проток воды, заметила в нем рыбу, то решила, что тут происходит то же, что и прежде, и не стала ловить и преследовать ее.

Если до льва дошло что-нибудь про меня и он поверили, то отчего бы ему не проверить и не испытать втайне от меня. А тем более, если никакие слухи не дошли до него про меня, и он замыслил зло против меня без причины, то это — странно. Сказано: удивительно, когда ты стремишься удовлетворить друга и жаждешь довольства его, а он не удовлетворяется. Но еще удивительнее, когда ты добился полного довольства его, а он потом становится недовольным. Ибо когда гнев случается по какой-нибудь причине, то удовлетворение осуществимо и на прощение можно надеяться; но когда он происходит без нее, отрезана тогда надежда, ибо если гнев возникает при появлении причины, то при исчезновении ее можно надеяться на успокоение. Вот я припоминаю, но не знаю, какой проступок случился между мной и львом, разве какой-нибудь самый маленький. Клянусь жизнью своей, никто не сможет продолжать дружбу с товарищем, если он опасается и осторегается всегда, как бы не вышло у него чего-либо лишнего, малого или большого, что не понравилось бы товарищу. Когда допустит какую-нибудь ошибку и грех друг человека умного и зрелого, тот исследует его проступок и вину сообразно их важности и значительности: намеренно ли произошло это или по ошибке? И несет ли прощение их в себе вред и позор, внушающие страх, или

нет? Он не наказывает друга своего за то, что ему возможно простить. Если лев усмотрел во мне какой-нибудь грех, то я не знаю ничего другого, кроме того, что иногда противоречил ему в некоторых взглядах из осторожности и искренней к нему любви. Может быть, вот что навело его на мысль о дерзости с моей стороны и противоборстве ему: если он говорил «нет», я говорил «да», и если он говорил «да», я говорил «нет». Но я не вижу в этих словах чего-либо особенного, ибо никогда ни в чем не противоречил я ему перед войском, если это не приносило пользы и добра. И никогда я не говорил ничего этого открыто в присутствии его войска, вельмож или друзей, но уединялся с ним и старался говорить с ним об этом языком обращающегося к господину своему, языком для него убедительным. Я знал, что кто ищет уступок у доброжелателей на совете, у врачей в болезни и у законоведов в сомнительных вопросах, не найдет тот полезного решения, увеличится его болезнь и совершил он грех в вере. Если же все это не то, тогда, может быть, это один из приступов опьянения властителя, когда доволен он бывает тем, кто заслуживает негодования, и не одобряет того, кто стоит благорасположения, без видимой причины. Так сказали мудрые: рискует тот, кто погружается в морскую пучину, но еще больше рискует друг властителя; если он дружит с ним верно, прямо, любовно и искренне, все равно споткнется так, что не поднимется и не выправится, а если и поднимется — близок будет к гибели. Если же все это не то, так, может быть, в тех достоинствах, коими я обладаю, таится гибель моя. Ведь иногда прекрасное дерево погибает от своих хороших плодов, когда опускаются ветви его и их притягивают, так что ломают и губят. И бывает, что хвост павлина, его прелесть и красота, является наказанием для него: пытается он взлететь и спастись от преследователей своих, но мешает ему в этом хвост его. А иногда быстроходного сильного скакуна губят эти свойства его: на нем гоняются, утомляют его и расходуют его прекрасные качества, так что он гибнет. Так и у человека совершенного бывает иногда совершенство причиной гибели его от множества завистников и ненавистников из людей

злых, — а таких везде больше, чем добрых; они нападают на него и злословят и доводят почти до гибели. Если же и это все не то, тогда — это неотвратимый рок. Рок, лишающий крепости и силы льва, так что вводят его в клетку, рок, возносящий слабого на спину слона, дающий власть укротителю над змеей и отнимающий от нее жало, так что играет он с ней, как хочет. Тогда это рок, лишающий благоразумия хитреца и делающий слабого благоразумным, задерживающий храбреца и делающий храбрым медлительного. Рок, обогащающий бедняка и делающий бедным богатого, превращающий робкого в храбреца и храброго в труса, когда его волей судьбы постигают разные обстоятельства, исход коих предрешен.

Димна сказал: — Намерения, которые питает лев, не являются ни следствием наущений злых, ни чем-либо другим, упомянутым тобой, но это плод вероломства и порочности. Ведь начало угощений вероломного тирана — сладость, а конец — горечь, а чаще всего оно смертоносный, губительный яд.

Шатраба сказал: — Ты прав, клянусь жизнью! Я уже отведал и вкусили и, кажется мне, дошел туда, где смерть. А если и не смерть, то что хорошего было бы в совместной жизни моей со львом: он ест мясо, а я траву? Проклятье алчности, проклятье надежде, это они ввергли меня в эту пропасть и проградили пути мои, подобно тому, как захвачена была пчела горльшком кувшинчика: она услышала запах его и наслаждалась им, не думая о способе, как вылететь, прежде чем сожмется кувшинчик; она забралась внутрь и погибла. Кто не удовлетворяется насущными дарами сей жизни, чья душа устремляется к благам избыточным и обильным и кто не смотрит на опасность, угрожающую ему, — тот подобен мухе, которая не удовольствовалась деревьями и душистыми травами, а искала влаги, текущей из ушей возбужденного слона, но ударил ее слон ушами и убил. Кто расточает всю любовь и все рвение свое для тех, кто неблагодарен, подобен сеющему семена на солончаках или советующему что-либо мертвцу.

Димна сказал: — Оставь эти речи и позабочься о самом себе.

Шатраба сказал: — Что придумать мне самому себе, раз лев замыслил убить меня? Как хорошо я знаю его намерения и его скверный нрав! Как хорошо я знаю, что если бы он и не желал мне ничего, кроме добра, но раз замыслили друзья его путем хитрости и обмана погубить меня в глазах его, — они успеют в этом, ибо если говорятся беззаконные обманщики против чистого праведника, то они сумеют погубить его, хотя бы и были они слабыми, а он сильным. Подобно этому погубили вол, ворон и шакал одного верблюда, соединившись против него путем хитрости и обмана.

Димна сказал: — Как же это было?

Притча. Бык сказал: — Говорят, что жил некий лев в лесной чаще по соседству с одной из человеческих дорог. Были у него три товарища: волк, шакал и ворон. Проходили раз той дорогой торговые люди, и отстал от них верблюд. Он вошел в чащу и дошел до льва. Лев сказал ему: — Откуда пожаловал? — Верблюд рассказал, что с ним произошло. Лев сказал: — Что же ты хочешь? — Он сказал: — Хочу дружить с царем. — Лев сказал: — Если ты хочешь быть другом моим, то будь им в безопасности, довольстве и приволье. — И остался верблюд у льва.

Однажды отправился лев на охоту и встретил слона. Он бился с ним сильным боем, и когда вернулся, то лилась у него кровь из ран, нанесенных клыками слона, и пал он обессиленным, не в состоянии более охотиться. Тогда остались волк, шакал и ворон несколько дней без пищи из объедков льва, которыми они питались. И постиг их голод и великая худоба. Лев узнал про это и сказал: — Вы страдаете и нуждаетесь в еде. — Они сказали: — Наши заботы не об нас. Мы видим, что произошло с царем, но не находим никакого средства для спасения его.

Лев сказал: — Я не сомневаюсь в вашей любви и дружбе, но все-таки, если можете, то пойдите в разные стороны, может быть, вы захватите добычу и принесете ко мне, так что напитаемся вдоволь и вы и я. — Тогда

волк, ворон и шакал вышли ото льва, удалились в сторону и стали совещаться между собой, говоря: — Что общего у нас с этим верблюдом, пожирающим траву? У нас с ним разные привычки, разные взгляды. Не внушишь ли нам льву, чтобы он съел его; и не напитать ли нам льва его мясом? — Шакал сказал: — Вы не сможете и напомнить об этом льву, ибо он обещал верблюду безопасность и заключил с ним договор. — Ворон сказал: — Оставайтесь на своих местах и поручите мне устроиться со львом. — Он отправился ко льву. Когда лев увидел его, то сказал: — Разве вы уже добыли что-нибудь? — Ворон сказал: — Находит лишь тот, у кого есть зрение. Но мы уже утратили глаза и зрение от постигшего нас голода. Все-таки мы надумали одно дело и сошлись на нем в мнениях, и если ты согласишься с ним, то мы будем в достатке.

Лев сказал: — Что это за дело? — Ворон сказал: — Этот верблюд, пожирающий траву, шатается между нами без дела. — Лев разгневался и сказал: — Увы тебе! Как ошибочна твоя речь, слаб ум твой и как далек ты от верности слову и милосердия! Ты не имел права обращаться ко мне с такими словами. Разве ты не знаешь, что я обещал верблюду безопасность и заключил с ним договор? Разве ты не слышал, что не может благодетельствовать податель милостыни милостыней, как бы она ни была велика, которая оказалась бы дороже, чем защитить устрашенную душу и сберечь кровь ее? Я защитил верблюда и не буду вероломен.

Ворон сказал: — Я хорошо знаю то, что сказал царь. Но жертвой одной души сохраняется семья, жертвой семьи — племя и жертвой племени — города, а города спасают царя, когда постигает его нужда. Я устрою выход царю из его договора. Пусть не утруждается он взять на себя вероломный поступок или приказание его, но мы найдем какую-нибудь хитрость, в которой будет сохранено обязательство царя и достигнуто то, что нам нужно.

Лев умолк. Ворон прилетел к своим товарищам и сказал: — Я говорил со львом, и он решил то-то и то-то. Что же придумать против верблюда, раз отказывается лев взяться сам или приказать убить его? — Товарищи

его сказали: — Мы надеемся в этом на твоё хитроумие и опыт.

Ворон сказал: — План таков: мы соберемся вместе со львом и верблюдом, упомянем о состоянии льва и голоде и страданиях, постигших его, выказывая заботу о нем и желание его спасти, и скажем: «Он был для нас благодетелем, великодушным. Но ныне, если он не увидит от нас добра, то его постигнет то, что постигает, и он отнесет это к нашему низкому характеру и неблагодарности. Давайте же приступим ко льву, напомним ему про его дорогие милости к нам и дары, которыми жили мы, когда был он в сане своем, и скажем, что вот он нуждается в благодарности и уплате нашей и что если мы в состоянии дать ему хоть что-нибудь полезное, мы не утаим этого от него; а если нет у нас сил на это, то мы сами отдаем себя в жертву ему». Затем будем каждый из нас предлагать себя ему и говорить: «Съешь меня, о царь, но не помирай с голоду». А остальные ответят ему и возразят, приводя какой-нибудь уважительный довод, чтобы его спасти. Таким образом будет спасен и он и все мы, и в то же время мы покончим с обязательствами льву.

Они так и сделали, и на этом согласился с ними и верблюд. Затем они приступили ко льву, и первым начал ворон. Он сказал: — Тебе, о царь, нужно жить, а нам подобает пожертвовать собой ради тебя. Ведь мы тобой живем, и тобой будет жить, надеемся мы, тот, кто придет после нас. А если ты погибнешь, то никто не уцелеет из нас после тебя и не будет нам в жизни ничего хорошего. Я хочу, чтобы ты съел меня: Как счастлив я предоставить тебе это! — Волк, верблюд и шакал ответили ему: — Замолчи! Что такое ты? Какая сътость в тебе для царя? — Тогда шакал сказал: — Я насыщу царя. — Волк, верблюд и ворон сказали: — У тебя дурно пахнут внутренности и вонью отзывает мясо. Мы боимся, как бы не убило царя зловоние твоего мяса, если он его поест. — Волк сказал: — Вот я так не таков! Пусть же ест меня царь. — Но ворон, шакал и верблюд сказали: — Пусть ест волка тот, кто хочет покончить с собой, ведь он заболеет от него удушьем. — Верблюд подумал, что если он скажет то

же самое от себя, то они найдут выход и для него, как сделали это сами с собой, и он будет спасен и угодит льву. Он сказал: — О царь! Мое мясо вкусно и здорово, и оно напитает царя. — Волк, ворон и шакал сказали: — Ты правдив и великодушен и сказал то, что нам известно. — И бросились они и растерзали его.

— Я рассказал тебе эту притчу про льва и друзей его лишь потому, что знаю, что, раз сговорились они погубить меня, — мне не отделаться от них, хотя бы намерения льва относительно меня были совсем не те, каковы они на самом деле, и хотя бы в душе его было только добро. Сказано: лучший из владельцев подобен орлу, окруженному падалью, а не падали, окруженнной орлами. И хотя бы в душе льва было одно милосердие и любовь, все-таки смущили бы его эти наветы, ибо когда многократно повторяются они, то не замедлят удаляться нежность и сострадание, заменяясь злобой и грубостью. Разве ты не замечал, что вода мягче слов и камень тверже сердца, однако, когда вода каплет долго на твердый камень, она не замедлит оставить на нем следы.

Димна сказал: — Что же ты думаешь делать?

Шатраба сказал: — Ничего другого, как биться с ним. Не существует для молящегося за постоянную молитву его, ни для подателя за милостыню его, ни для благочестивца за воздержание его такой награды, как борцу за душу свою, хотя бы в течение часа, если он прав. Кто борется за душу свою и защищает ее, награда того велика и слава его громка, все равно, побеждет ли он или будет побежден.

Димна сказал: — Не думаю, чтобы это было так. С врагами следует вступать в бой лишь тогда, когда исчерпаны будут и истощены средства. Попспешность в битве без приготовления — безрассудство и легкомыслие. В особенности же, если одерживает над таким торопливым верх противник его; и приняв все оправдания его, все-таки назовут его глупцом. А если его убьет противник, то совершил грех, и наказание возвратится ему в будущей жизни. Сказано: не презирай врага, хотя бы и был он презрен, слаб и ничтожен, не говоря уж о хитреце, который совладает всегда с противником.

А что же тогда делать со львом при его мужестве и силе? Презирающего слабого за слабость его постигает то, что постигло Стража моря со стороны птицы Тытава.

Шатраба сказал: — Как же это было?

Причта. Димна сказал: — Говорят, что одна из морских птиц, называемых Тытава, жила на берегу моря вместе со своей самкой. Когда наступило время выводить птенцов, сказала самка самцу: — Пришло время мне класть яйца. Поищи укромное место, где бы я могла снести их. — Самец сказал: — Пусть это будет здесь. В этом месте близка к нам и вода и пища, от него недалеко все, что нам нужно; оно наиболее удобно для нас. — Самка сказала: — Пусть оправдается мнение твое, но я отношусь подозрительно к этому месту: если выступит море, оно унесет наших птенцов. — Самец сказал: — Не думаю, чтобы море, боящееся храброго Стража своего, совершило безрассудство против нас.

Самка сказала: — Что безрассуднее этих речей! Ты не стыдишься угрожать морю? Ведь ты знаешь самого себя, и ты говоришь верно, что никто не знает себя хуже, чем человек. Послушайся моих слов, перейдем отсюда, пока не случилось то, что нам нежелательно. — Но самец отказался послушаться ее, и, когда после долгих убеждений ее он все-таки не послушал, она сказала: — Кто не слушает товарищей своих и друзей, того постигает то, что постигло черепаху, не внявшую словам своих друзей.

Самец сказал: — Это что за история?

Причта. Самка сказала: — Говорят, что жили у одного источника две утки и черепаха, и были они через это соседство друзьями. Однажды иссякла чрезмерно вода этого источника. Когда утки заметили убыль воды, они сказали: — Нам надо оставить это место и уйти отсюда. — Они простились с черепахой, сказав: — Мир тебе, мы уходим. — Черепаха сказала: — Убыль воды — неотразимое бедствие лишь для меня, несчастной, которая не может жить без нее. Что же до вас, то вы проживете везде, куда бы вы ни отправились. Выручите меня, возьмите меня с собой. — Утки сказали: — Мы не можем взять тебя с собой иначе, как при условии, чтобы ты, когда мы поднимем тебя на воздух и увидят

тебя люди и окликнут, не отвечала бы им. — Она обещала и условилась никому не отвечать. — Однако, — сказала она, — как же вы отнесете меня? — Они сказали: — Ты ухватишься зубами за середину прута, а мы возьмем его за концы и поднимем на воздух. — Черепаха согласилась, и понесли ее утки, летя высоко. Люди, увидя их, закричали друг другу, говоря: — Смотрите на диво: черепаха между двумя утками в воздухе! — Когда черепаха услышала их слова и удивление, она крикнула: — Пусть бог вырвет ваши глаза! — Но едва она открыла свой рот для речи, как упала на землю и убилась.

Тытава сказал: — Я выслушал твои слова, но не бойся моря. — И вывела самка птенцов в том месте. Когда Страж моря услышал речи Тытава-самца, он поднял море и унес птенцов вместе с гнездом и скрыл их. Самка, когда исчезли ее птенцы, сказала самцу: — Я вперед знала, что это будет и что обратится против нас твое незнание самого себя. Смотри, какая беда постигла нас.

Тытава-самец сказал: — Не говорил ли я тебе в начале и еще скажу в конце: если совершил безрассудство против нас море, то оно увидит, как я поступлю в этом случае. — И расхрабрился он и отправился к своим друзьям, пожаловался им на то, что потерпел от Стража моря и что поразило его, и сказал: — Вы мои братья и моя родня и моя опора в преследовании моих обидчиков. Помогите же и выручите меня. Ведь и с вами завтра может случиться то, что произошло сегодня со мной. — Они сказали: — Мы помощники твои в том, что ты просишь, но что можешь ты ждать от нас против моря?

Тытава сказал: — Соберитесь, пойдем на сборище птиц, пожалуемся им на то, что мы вытерпели от моря и какой вред оно нанесло нам, и скажем: «Вы такие же птицы, как и мы. Помогите же нам. Ведь то, что случилось с нами сегодня, может произойти с вами завтра». — И собрал Тытава-самец всех птиц в одном месте и пожаловался им на то, что произошло. Птицы сказали: — Мы твои помощники, но что ты можешь ждать от нас против моря? — Тытава сказал: — О со-

брание птиц! Наша госпожа — орлица Анка *. Не прекратим же к ней наших молений и взвываний самым громким голосом, пока не увидит она нас и не отомстит Стражу моря. — И вняла им Анка, явилась и сказала: — Что собрало вас и зачем вы позвали меня? — Они принесли ей жалобы на то, что вынесли от Стража моря, и сказали: — Ты — госпожа наша, и царь, посадивший тебя на трон, сильнее Стража моря. Попроси его. — Анка исполнила это. И вышел тот, кто посадил ее на трон, к Стражу моря на битву. Но когда понял Страж моря свою слабость по сравнению с силой царя, возведшего Анку на трон, он поспешил вернуть птенцов.

— Я привел тебе эту притчу, — сказал Димна, — лишь для того, чтобы ты знал, что никому не следует рисковать собой, хотя бы и был он в силах, ибо если он будет убит, то скажут: он сам погубил себя; а если он победит, скажут: судьба. Умный человек нетороплив на бой и проворен в применении хитростей и прежде всего пускает в ход все доступные ему тонкие и коварные средства.

Бык сказал: — Я не буду биться со львом, не вступлю ни явно, ни тайно с ним во вражду, и не изменю моих лучших к нему отношений до тех пор, пока не обнаружится с его стороны что-либо для меня опасное.

Димна сказал (а ему не понравились слова быка: «и не изменю моих лучших к нему отношений»), и он подумал, что если лев не увидит у быка тех упомянутых им признаков, то явится у него подозрение против Димны): — Если бы ты всмотрелся в льва, то открылось бы тебе то, что ты ищешь.

Бык сказал: — Как мне узнать это?

Димна сказал: — Если ты увидишь льва, когда он будет смотреть на тебя, выпрямившимся, сидящим на задних лапах, с поднятой грудью, установленным на тебя взором, с насторожившимися ушами, открытой пастью и бьющим о землю хвостом, — то знай, что он хочет тебя убить.

* *Анка* — излюбленное в арабских сказках название баснословной птицы вроде грифа.

Бык сказал: — Если я увижу у него эти признаки, то не будет относительно него сомнений.

Затем, покончив возбуждать льва против Шатрабы и Шатрабу против льва, Димна отправился к Калиле. Когда он пришел к нему, тот сказал: — Как идут твои дела?

Димна сказал: — Близка развязка тому, что желаем и я и ты. Не сомневайся в том и не думай, что любовь продержится между двумя братьями, когда тонкий хитрец задумает разорвать ее.

Затем Калила и Димна вместе отправились на прием ко льву и столкнулись с Шатрабой, также входившим к нему. Когда лев увидел его, он выпрямился, встав на задние лапы, насторожил уши, раскрыл пасть и стал бить хвостом по земле. Бык не усомнился, что лев бросится на него, и сказал сам себе: — Друг правителя, мало доверяющий ему, всегда опасающийся гневной вспышки и перемены настроений его к нему, в силу той низости, клеветы и лжи, которые ему преподносятся, — такой друг не что иное, как сосед змеи, поселившийся рядом с ней, в месте ее ночного или полуденного отдыха, не зная, когда разъярится она, или присоседившийся ко льву в логовице его, или плавущий в воде, не ведая, когда бросится на него крокодил, находящийся в ней. — Бык обдумал это и подготовился к битве со львом, если тот пожелает.

А лев, когда взглянул на него сквозь свой ужас пред ним и проникшие в него злые мысли, увидел у него некоторые упомянутые Димной признаки, и не осталось у него никакого сомнения, что пришел бык к нему на битву. Прыгнул тогда лев на него, и завязалася меж ними бой. Крепок был бой с быком, так что затянулась битва и текла кровь из обоих.

Когда Калила увидел, что переносил лев и как текла кровь, он сказал Димне: — Взгляни на козни твои: как тяжко и гадко следствие их!

Димна сказал: — В чем гадкое следствие ты видишь?

Калила сказал: — Позор льва и гибель быка, и соразмерн, и внедрение воинам нехороших мыслей о царе

со всем остальным, что вышло из грубой выходки твоей, которую ты выдавал за тонкую хитрость. Разве ты не знаешь, что наиболее грубо безрассудство того, кто втягивает друга своего в борьбу, в которой тот не нуждается, и что нет человека, которому представился случай успешной борьбы, а он не воспользовался бы им из страха подвергнуться риску и беде и в надежде, что одолеет противника без борьбы. Когда везир властителя побуждает воевать там, где можно прибегнуть к мягкости, и добивается искомого, он больший враг его, чем язык. Как язык постигает болезнь от слабости сердца, так и отвагу постигает болезнь от ошибок ума. Ведь когда отвага и ум утрачивают друг друга, то не может оставшийся обойтись без второго в борьбе и для ума в этом преимущество над отвагой. Во многих делах можно обойтись одним умом, без храбрости, но ни в чем нельзя ограничиться одной храбростью, обойдясь без ума. Кто задумал какое-нибудь хитрое дело и не знает, что выйдет из него, тот поступит так, как поступил ты. Я знал о твоем безрассудстве и восхищении своим умом и все время, пока наблюдал и слушал речь твою, не переставал опасаться вреда, который ты нанесешь мне и самому себе. Ведь мудрый начинает исследовать дела и события прежде, чем они коснутся его. Он идет навстречу тем из них, на исполнение коих, согласно твоему желанию, он надеется, и удаляется и не запутывается в те из них, исполнения коих он боится. И только то удерживало меня от упреков тебе и открытия недостатков твоих в начале твоего дела, что это было такое дело, которое я не мог открыть, не добыв против тебя свидетелей и помощников. И я знал, что слово мое не увеличит в тебе добра и не отвернет тебя от злого дела. Но теперь, когда ясно стало мне слабоумие твое и безрассудство твоего поступка и когда я увидел скверные последствия твоего дела, я буду говорить тебе о тебе самом и открою пороки твои. Так, украшаешь ты речь свою, но сквернишь действия, а сказано: для властителя нет ничего губительнее, чем приятель, охрашающий слова свои и не украшающий действия. Лишь только введен был лев в заблуждение твоими хорошими речами, как ты погубил его, ибо ты

не творишь добрых деяний. А ведь нет ничего хорошего в слове, если оно не соединено с действием, ни в исследовании без опыта, ни в богатстве без щедрости, ни в друге без верности, ни в целомудрии без благочестия, ни в милостыне без доброго намерения, ни в жизни без здоровья, спокойствия и радости. Ты впутался в дело, которое сможет исправить лишь тонкий, умный человек, подобно тому, как вокруг больного накапляются разного рода снадобья и лекарства, но излечить его в состоянии лишь умный врач.

Знай, что в умном человеке образованность уничтожает опьянение, а в глупце — увеличивает. Это похоже на то, как день улучшает зрение обладающего им, а у летучих мышей уменьшает; как умному человеку не вредит ни сан, приобретенный им, ни достигнутая почесть; как не сотрясается гора, хотя и усилился ветер, в то время как человека ничтожного делает кичливым самое малое положение, подобно траве, трепещущей от малейшего ветерка. Я вспомнил одну вещь, которую, слышал я, говорят про властителя: когда хорош он сам, но везиры его злы, недоступна тогда его доброта для людей, и никто не может воспользоваться какой-нибудь выгодой или добром. Его можно сравнить в этом с чистой, приятной водой, в которой крокодил, так что никто не может войти в нее, хотя и был бы он пловец и войти в нее было ему необходимо. Ведь украшение и красота царей заключается в их способности на щедроты и благодеяния, ты же домогался, чтобы никто не сделался правителем у льва, кроме тебя, но властитель с друзьями своими подобен морю и волнам его. Глупость — это искание человеком братьев путем неверности, приобретение чего-либо лицемерием и домогательство любви женщины жестокостью; стремление к благу людей со вредом для себя, искание мудрости и превосходства спокойствием и осторожностью. Но какая польза в этих словах и какой результат увещаний, раз я знаю, что происходит это так, как в словах, сказанных человеком птице: не стремись выпрямить то, что не стоит прямо, и не страйся наставить того, кто недоступен наставлению.

Димна сказал: — А как это было?

П р и т ч а. Калила сказал: — Говорят, что сбороище обезьян жило на одной из гор. Однажды ночью увидели они летевшего светлячка и подумали, что это искра. Они набрали дров, положили их на него и принялись раздувать. Недалеко от них было дерево и на нем — птица. Она стала кричать обезьянам, что то, что они видят, не огонь. Но они отказались послушать ее. Тогда она спустилась к ним, чтобы объяснить. Человек проходил мимо и сказал: — О птица! Не стремись исправить то, что не стоит прямо, и не старайся наставить того, кто недоступен наставлению. Стремящийся исправить то, что не стоит прямо, раскается в попытке своей. На камне, который не колется, не пробуют мечей, и дерево несгибающееся не пытаются согнуть. Кто пытается исправить то, что не прямо, — раскается. — Однако птица не послушалась этого человека и не воспользовалась его словами. Она приблизилась к обезьянам, чтобы вразумить их, что светлячок не огонь, но схватила ее одна обезьяна и оторвала ей голову.

— Вот пример того, как мало воспользовался ты наставлениями и поучениями. Овладело тобой, о Димна, коварство и легкомыслie, — а это свойства зла, — и последствия коварства наиболее сильны. Ближе всего здесь подходит случай, происшедший с коварным, товарищем простодушного.

Димна сказал: — Как это было?

П р и т ч а. Калила сказал: — Говорят, что коварный и простодушный нашли на дороге кошелек с тысячью динаров, а были они товарищами по торговому делу. И явилась им мысль вернуться по своим домам. Приблизившись к городу, они присели, чтобы разделить динары. Простодушный сказал коварному: — Возьми себе половину и дай мне другую. — Но коварный, приготовившийся уже захватить все деньги, сказал: — Не будем делить их. Конечно, товарищество и равенство более всего соответствуют искренности и чистоте, но возьми ты себе из них на расходы, столько же возьму и я, а остальное мы скроем в сохранном месте, и, когда понадобятся нам деньги на издержки, мы пойдем вместе и возьмем сколько нужно.

Простодушный сказал: — Хорошо. — Они взяли из денег незначительную часть, а остальное скрыли у корня одного огромного и ветвистого дерева. Затем коварный пробрался тайком от товарища к динарам, взял их и сравнял землю на том месте. Через несколько месяцев простодушный сказал коварному: — У нас есть расходы, пойдем к деньгам и возьмем из них на издержки. — Они пошли вдвоем, пришли к дереву, взрыли место, в котором были деньги, но не нашли там ничего. И принялся коварный рвать волосы и бить себя в грудь и кричать, говоря: — Никогда не следует доверять другому, никогда не следует выказывать беспечности ни к брату, ни к товарищу. Ты прокрался к динарам и похитил их. — Простодушный стал отрицать и клялся в этом, но коварный только сильнее нападал на него и говорил: — Кто же другой взял их, как не ты? Разве знал про наше дело кто-либо, кроме нас?

Затем коварный взял простодушного и отправился с ним к судье. Он рассказал ему о случившемся и утверждал, якобы простодушный и есть тот, кто похитил динары. Судья сказал: — Есть ли у тебя доказательства? — Коварный сказал: — Да. Свидетелем моим является дерево, у корня которого были деньги. — Судья изумился его заявлению о свидетельстве дерева и не поверил его словам. Он приказал ему найти поручителя за себя и сказал поручителю: — Ты придешь с ним завтра, и пусть тогда он покажет свидетельство дерева, на которое сослался.

Коварный отправился домой, рассказал своему отцу эту историю и сказал: — О отец мой! Я только потому выбрал в свидетели дерево, что подметил кое-что в нем и надеялся на твою помощь в своей выдумке. Если хочешь, то мы сохраним деньги и получим еще столько же от простодушного. — Отец коварного сказал: — Что же ты мне прикажешь делать? — Коварный сказал: — Я тогда высмотрел для денег одно огромное и ветвистое дерево с дуплом, в котором есть незаметный вход. Я склонил деньги у корня его, а потом прокрался тайком, похитил их и наговорил на простодушного. Я хочу, чтобы ты отправился ночью, вошел бы ту-

да, и когда придет судья и спросит у дерева его свидетельство, то ты заговоришь из дупла его так: — Простодушный взял деньги. — Отец коварного сказал: — О сын мой! Иногда хитрость ввергает хитреца в беду. Как бы не оказались козни твои подобными козням дикой утки.

Коварный сказал: — Как же было это, о отец мой?

П р и т ч а. Отец коварного сказал: — Говорят, что жила по соседству с уткой змея. И бывало, как выведет утка птенцов, приходит змея к ее гнезду и поедает их. А утка очень привыкла к своему месту и не могла оставить его и печалилась от того, что переносила со стороны змеи. Проведал про это рак, он приблизился к ней и спросил: — Что печалит тебя? — Она рассказала ему то, что потерпела. Рак сказал ей: — Не указать ли тебе средство избавиться от змеи? — Она сказала: — Что же это такое? — Рак указал ей нору, находившуюся против нее, и сказал: — Видишь эту нору? В ней живет ласка, а она враг змеям. Набери побольше рыбы и разложи ее понемногу от норы змеи до норы ласки. Ласка будет есть рыбу одну за другой и так доберется до норы змеи и убьет ее. — Утка так и поступила. И вот ласка добралась до змеи и убила ее. Потом стала она приходить на это место, по привычке, на поиски и както напала на гнездо утки, так как та жила недалеко по соседству, и съела она утку и птенцов ее.

— Я рассказал тебе эту притчу лишь для того, чтобы показать, что нерасчетливого в хитростях своих поражают они сильнее его замыслов против другого. — Коварный сказал: — Я выслушал эту притчу. Но не бойся этого дела, оно легче, чем ты думаешь. — Тогда старик последовал за сыном, пришел к дереву и влез в него. А на другой день собрались у дерева судья, коварный и простодушный. Судья спросил у дерева: — Есть ли у тебя свидетельство? — Старик ответил из дупла дерева: — Да. Простодушный похитил деньги. — Еще сильнее изумился судья и не мог согласиться с этим и начал думать и размышлять, не забрался ли в дерево кто-нибудь, и увидел дупло. Он исследовал его, но не нашел ничего, так как человек тот поднялся на место, недоступное для глаза. Судья распорядился от-

носительно дров, которые и были собраны. Затем он велел развести огонь и направил дым в дупло. Отец коварного вытерпел час, но потом покинули его силы, и он заголосил, закричал и стал звать на помощь. Судья отдал приказ, и его вынули близким к смерти. Тогда наказали коварного и заставили его уплатить. И вернулся коварный со своим мертвым отцом на спине, а простодушный ушел с деньгами.

— Я рассказал тебе эту притчу лишь для того, чтобы показать, что кознодей и обманщик часто бывает обманутым сам. А ты, о Димна, соединение коварства, обмана и легкомыслия вместе. И несмотря на эти сорванные тобой плоды твоей хитрости, которые ты созерцаешь, ты не спасешься от того, что случится, и такой же конец будет у всякого подобного тебе. Ведь ты двуличен и двуязычен. Но сладка вода реки лишь там, где она достигает моря, крепка семья лишь тогда, когда не расстраивает ее какой-нибудь губитель, и длится братство братьев лишь до той поры, пока не проникнет в их среду двуязычие. Ничто более не походит на двуязычного, как змея, ибо у нее два языка, а от твоего языка получается тот же результат среди людей, что и от ее яда. Я все время боялся, как бы не осквернил меня этот яд твоего языка, и не желал сближаться с тобой, памятуя увещания мудрых — избегать близости с людьми порока, хотя бы они были родными, товарищами или друзьями. Нечестивый друг подобен змее, которую питал и ласкал хозяин ее, но которая отплатила ему только укусом. Сказано: следуй за умным и благородным и доверяй ему; смотри, не разлучайся с ним и не бойся дружить, хотя бы и был непохвален его характер; ты остерегайся в таком случае его скверных качеств, но пользуйся его умом; не оставляй дружбу с благородным, хотя бы не заслуживал похвалы ум его; извлекай пользу из его благородства и давай ему пользоваться твоим умом, но из всех сил беги от низкого глупца. И мне следует бежать и сторониться тебя, ибо как ждать верности и благородства от тебя другим, если ты сделал царю твоему, наградившему и почтившему тебя, то, что сделал? Да, ты похож в этом на то, что выразил один купец такими словами: «Про землю,

крысы которой съедают сто маннов* железа, нельзя отрицать, что соколы ее похищают слонов».

Димна сказал: — А как это было?

Причина Калила сказал: — Говорят, что жил в такой-то земле один небогатый купец, который задумал как-то отправиться в одну страну поискать достатка. У него было сто маннов железа, которые он отдал на хранение своему знакомому, и потом отправился. Возвратившись через некоторое время, он потребовал железо, отданное этому знакомому на хранение, но обнаружил, что тот продал его и деньги истратил на себя. Тот сказал: — Я сложил твое железо недалеко от дома, и крысы съели его. — Купец сказал: — Я уже слышал, что ничего нет губительнее для железа, чем их зубы. Но беда невелика, слава богу, что ты цел. — Человек тот обрадовался слышанному от купца и сказал: — Выпьем сегодня у меня. — Купец пообещал к нему вернуться. Выйдя от него, купец встретил его маленького сына, взял и унес к себе домой. Там он спрятал его, а потом отправился к тому человеку. А тот уже хватился мальчика и плакал и кричал. Он спросил купца: — Не видел ли ты моего сына? — Купец сказал: — Подходя к вам, я видел, как сокол унес какого-то мальчика, может быть, это и был он. — И закричал человек, говоря: — Вот диво! Кто видел или слышал, что соколы похищают мальчиков? — Купец сказал: — Про землю, в которой крысы съедают сто маннов железа, нельзя отрицать, что соколы похищают мальчика или даже слона. Да и что такое мальчик? — Человек сказал: — Я съел железо, я проглотил яд. Верни мне сына и возьми свое железо.

— Я рассказал тебе эту притчу лишь для того, чтобы ты знал, что раз ты поступил вероломно с твоим царем, твоим благодетелем, то, я не сомневаюсь, поступишь ты так же и с другими. Нечего ждать умному человеку верности от тебя для кого бы то ни было. Я теперь понял, что нет у тебя места для благородства, а нет ничего более тщетного, чем любовь, даруемая

* Манн — мера веса, значение которой изменялось в различные эпохи, равная приблизительно двум килограммам.

неверному, или благодеяние, оказываемое неблагодарному, или благовоспитанность, внушаемая тому, кто не слушает, или тайна, доверенная тому, кто ненадежен. И для меня не может быть сомнений относительно перемены твоей природы, ибо я знаю, что, если даже вымазать горькое дерево медом и маслом, не принесет оно иных плодов, кроме горьких. Дружа с тобой, я боюсь за свой ум и характер, потому что после дружбы с хорошим остается добро, а дружба со злым порождает всякое зло. Это походит на ветер: когда он проносится над местом зловонным, то увлекает его вонь, а когда он веет над чем-нибудь благовонным, то уносит его аромат. Теперь ты узнал тяжесть моих слов. Слабоумные всегда считают глупцами мудрецов, подлецы порочат благородных, а кривым мешает кривизна их признать правоту своих друзей.

Когда речь Калилы дошла до этих слов, лев уже покончил с быком. После того как он его убил, вернулся к нему разум. Он раздумал о том, что совершил, когда успокоился его гнев, и тяжко стало ему, и он сказал своей душе: — Бык был умен и мужественен. Я не знаю, может быть, он был невинен, несправедливо обижен? Скорбит теперь глубоко душа моя о невознаграждимой утрате... — И печалился и каялся лев. Димна, заметив это настроение льва, оставил беседу с Калилой, подошел к нему и сказал: — Что печалит тебя, о царь! Бог дал одоление твоей руке и погубил твоего врага.

Лев сказал: — Я скорблю об уме быка и его благородстве; я вспомнил его дружбу и достоинство и проникся состраданием к нему:

Димна сказал: — Не жалей о нем, о царь! Умный человек не будет жалеть о том, зла которого он боялся. Рассудительный царь часто ненавидит и не любит человека, но потом преодолевает отвращение свое к нему, приближает его и делает управителем в делах за то старание и ум, которые он в нем обнаруживает, подобно тому, кто пересиливает отвращение к противному, гадкому лекарству в надежде получить пользу от него. А иногда он любит человека, почитает его, но потом отстраняет и удаляет, страшась его вреда. Так по-

ступает человек, которого змея жалит в палец: он отсекает его и бросает, боясь, что разойдется яд змеи по всему телу и погубит его.

Лев признал его слова. Но затем он произвел расследование дела быка и того, что наговорил и наклеветал Димна на него. Ясна стала льву тогда ложь Димны, его скверное дело и обман, и он убил его злой казнью. Такова история о двух братьях, любивших друг друга и разлученных вероломным лжецом.

ГЛАВА О РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛА ДИМНЫ,
ИЛИ ГЛАВА О ТОМ, КТО ХОТЕЛ ПОЛЬЗЫ СЕБЕ,
ПРИЧИНЯ ВРЕД ДРУГОМУ, И ЧЕМ
КОНЧИЛОСЬ ЕГО ДЕЛО

арь сказал филосо-
фу: — Я выслушал
твой рассказ о лжи
врага кознодея, о
том, как он расстро-
ил истину, затемнив
ее так, что уничтожил
любовь и внедрил
вражду. Расскажите-
перь, если тебе угод-
но, как проведал лев о
грехе Димны, так что
убил его, и как Дим-
на оправдывался и
отвергал это от себя.

Бейдеба-философ сказал: — В книгах, повествую-
щих о деяниях Димны, мы находим следующее. Когда
лев убил Шатрабу, то он раскаялся в своей поспешной
казни и вспомнил о договоре своем. Среди воинов льва
и его приближенных был некий леопард, который поль-
зовался наивысшим почетом у льва перед всеми друзья-
ми его, был наиболее отличен по сану и дольше всех де-
лил со львом одиночество днем и ночью. Лев после
убийства Шатрабы стал подолгу вести ночные беседы с
друзьями, чтобы отогнать от себя их рассказами тоску
и печаль, которая проникла в него после казни быка.

И вот на одной из ночных бесед присутствовал леопард. Когда прошла часть ночи, он вышел ото льва и направился к себе домой. А дом льва был недалеко от дома Калилы и Димны. Леопард подошел к их жилью, чтобы взять головню и развести себе огонь; были они приятелями.

И услышал леопард у них разговор и молча прослушал всю их беседу. Он обнаружил, что Калила нападал на Димну, укоряя его, позоря его намерения и дела, ужасаясь его грехам и выговаривая ему за вероломство. В подтверждение он говорил, между прочим, так: — Та вражда, отчужденность и ненависть, которую ты возбудил между львом и быком после бывшей среди них любви и мира низостью своего ума и своей неверностью, она же и раскроет дело твое и откроет глаза льву. И вслед постигнут тебя такие притеснения от него, исход коих будет тяжел и горько будет отведать их. Ибо хотя и мягко начало вероломства и сладок дальнейший рост его, но горек плод, глубока пропасть и скользок откос. Я должен сторониться тебя и оставить дружбу с тобой и руководство твое, так как не уверен, что и меня самого не коснется твоя зараза, злобность и вероломство. Мудрые сказали: сторонись людей подозрительных, дабы не сделаться подозрительным самому. И вот я оставляю нашу дружбу, удаляюсь от тебя и буду чуждаться тебя из-за твоего скверного нрава, который внушил тебе посеять вражду между царем и его надежным, доброжелательным везиром. Ты не прекращал затемнять дело и облекать его в ложь, пока не побудил его на жестокость, ввергнул в беду и убил его, невинного и чистого.

Димна сказал: — Дело свершилось, и его не отвратить. Перестань же еще более теснить и меня и себя и постайся затемнить случившееся в сердце льва, так как ненавистно мне то, что произошло. Зависть и жадность побудили меня на то, что я совершил.

Когда леопард услышал эти слова, он тихо и быстро отправился и пришел к матери льва. Он взял с нее слово не открывать его тайну льву или кому-либо другому. Она дала его, и он сообщил ей историю точно так, как говорил Калила и признавался Димна.

Утром мать льва отправилась и пошла ко льву. Она нашла его в тоске и печали. Она сказала: — Тоска твоя не вернет дела назад и не принесет тебе пользы. Не стоит тебе делать ее помощником своей беде, ослаблять ею свое сердце, изнурять тело и наносить вред своей душе. Ты, слава богу, научен в делах и проницателен и зорок в их ходах и выходах. Если ты знаешь, что печаль избавит от горя, то возложи столько же и на нас, а если тебе известно, что ею не вернешь дела назад и не принесешь выгоды, то брось ее и подумай о том, в чём может вернуться польза. Ведь проверить дошедшие до тебя слухи о Шатрабе так, чтобы разъяснилась тебе истина и ложь, очень легко.

Лев сказал: — Как же мне это сделать?

Мать льва сказала: — Мудрые говорили: тот, кто хочет распознать любящего и ненавистника, врага своего и друга, пусть проверит слышанное на своей душе, потому что люди относятся к нему приблизительно так же, как и он к ним. Ведь наиболее убедительный свидетель против человека — его душа. В твоих словах есть указание, что сердце твое говорит против тебя, именно, что ты совершил свой поступок без знания и ясного представления. А это, знай, главная ошибка, и если бы ты, когда дошло до тебя про быка то, что дошло, сдержал душу свою, совладал с гневом и приложил бы те слухи к своему сердцу, внимательно вдумываясь в них, то сердце дало бы тебе достаточное указание на лживость их, ибо все сердца обладают одинаковым даром проникать в тайны и открытые дела других сердец. Сопоставь же твои дела с быком с тем, как пережила их твоя душа, и сравни его преступление с тем, что происходит теперь после его смерти.

Лев сказал: — Я долго размышлял и искал обвинения против быка, после убийства его, дабы хотя одним грехом, который пробудил бы мой гнев против него, подкрепить мое подозрение, но мои размышления только увеличили его достоинства и любовь к нему. Я не мог припомнить никакого зла в его характере, про которое я мог бы сказать, что это оно побудило его выступить первым с завистью, ни одного дурного мнения, в котором я мог бы заподозрить желание борьбы со мной, и

я не помню ни одного злого поступка с моей стороны, в коем был бы виден вызов на его вражду со мной. Я хочу произвести розыск по делу его и постараюсь расследовать его, хотя и знаю, что это не исправит моей оторопетчивости; но я хочу, чтобы было известно то, что со мной произошло, со всем правильным и неправильным, что я там сделал. Скажи, не слышала ли ты о нем чего-либо, что могла бы рассказать?

Мать льва сказала: — Да. Дошло до меня нечто, о чем просил меня скрыть от тебя один из твоих людей. И если бы не слова мудрых о разглашении тайн и небрежном отношении к отданному на хранение, я рассказала бы тебе то, что знаю, и ты оставил бы то, в чем нет для тебя пользы, а только спасение для того, кого тебе следует опасаться.

Лев сказал: — Изречения мудрых многообразны, значения различны и положения изменчивы. Не в каждом из них указано скрывать. Всякое дело имеет свое место и свой смысл. Когда оно уместно, то хорошо и полезно выполнить его, а если оно не на своем месте, то выполнение его вредно и губительно. К таким вещам, вред которых велик, и к таким, воздержание от которых нельзя одобрить, относится скрывание того, что следует открыть, и обнаружение того, что следует скрыть. Я не нахожу поводов скрывать тебе это дело или оснований для его умолчания, и я вижу, что тот, кто тебе поведал про него, сбросил со своей души его проступок и нагрузил тебя его добром и злом. Ты должна его открыть. Твоей душе страшно скрывать это. Сбрось же то, что доверено тебе, раскрыв и рассказав это мне.

Мать льва сказала: — Я поняла твои слова; дело так и обстоит. Я была вынуждена на многословную речь, потому что знала, как запало это дело в твою душу. И я не думаю, раз уж в тебе таково намерение, какое я наблюдаю, чтобы у тебя нашлось препятствие к решительному и ревностному наказанию грешных и ве-роломных и признанию дружбы, доверия и правды. Скажи мне, нет ли в твоей душе относительно меня сомнения?

Лев сказал: — В моей душе нет тревоги, ты не внушаешь мне подозрений, в искренности твоей я не

сомневаюсь. И в открытии этом мне я невижу для тебя вреда.

Мать льва сказала: —Нет, вред от этого для меня трех видов. Во-первых, прекращение дружбы между мной и обладателем тайны вследствие того, что эта тайна его будет мной раскрыта. Во-вторых, нарушение той верности, блюсти которую меня просили, и, в-третьих, страх предо мной тех, кто доверялся мне раньше, и сокрытие ими в дальнейшем тайн своих от меня.

Лев сказал: —Дело таково, как ты сказала. Я не буду выспрашивать тебя о том, чего ты не желаешь, и в груди моей не возникнет сомнений в твоей искренности. Расскажи мне самую сущность дела, раз не хочешь ты ни сообщить имени обладателя тайны, ни открыть того, что он объявил тебе про себя втайне.

И она рассказала ему в общих словах эту историю, не назвав имени передавшего ее. А говорила она, между прочим, так: —Не след правителям и начальникам оставлять в живых нечестивых, обманщиков, вероломных, сплетников, лживых и сеющих порчу среди хороших людей через злых. Прежде всего должны изгонять из людской среды тех, что производят порчу, и привлекать оказывающих добро начальники, управляющие делами людей. Ты имеешь основание казнить Димну, ибо сказано: наибольший вред возникает от двух уловий: разглашения тайны и доверия вероломным. То, что сеяло вражду между тобой и Шатрабой, самым доброжелательным везиром и лучшим помощником тебе, так что ты его убил, —это вероломство Димны, его безрассудство, коварство и обман. Но вот ты узнал его тайное, открылись тебе его сокрытые планы, и ты узнал его таким, каким он был описан тебе прежде. Покой тебе и твоему войску даст обнаружение того, что в нем было скрыто, и раскрытие того, что таило его сердце. Казни же его казнью за его грех, предохранив тем войско свое от того зла, которое оно может претерпеть от него. Ведь такой, как он, если и поправится —не станет надежным. Но может быть, о царь, ты склонишься к уверениям, предписывающим прощать грешников; если ты задумаешься об этом, то знай, что это не касается того, чей грех достиг греха Димны, —ибо

грех его не может превышать того, что творил Димна явно и тайно, — все-таки нет в нем его лживости, ко-варства и наущения царя против неповинного везира с непорочной грудью и чистыми недрами, пока не скрутил царь его своей завистью и не убил по подозрению.

Потом она сказала: — Мне не безызвестны слова мудрых, прославляющих благость прощения грешникам. Однако благость заключается здесь только в прощении тех грехов, кои не касаются душ человеческих или не являются проступком по отношению ко всему обществу, от которого расходится вред на всех и которым пользуются часто как доказательством люди слабоумные в своих скверных делах, или же коими пользуется и царь в таких дела, опасность от коих, если они случатся, распространяется на всех.

Лев приказал матери удалиться. Утром он послал за своими воинами, и к нему явились их начальники. Затем он послал за матерью, она пришла в собрание, а потом позвал Димну, которого также привели. Когда он предстал перед ним, лев отвернул свою руку в знак его осуждения. Димна, увидев это, уверился в гибели и обратился к одному из стоявших рядом, сказав ему тихонько: — Разве случилось что-нибудь печальное для царя или произошло какое-нибудь событие, что собрались вы, как я вижу, к нему?

Мать льва сказала: — Величайшее событие — твоя история, и самое сильное вероломство — твое вероломство, твое презрение к царю и убийство самого чистого его везира.

Димна сказал: — Не вижу, чтобы первый оставил для последнего слово о случившемся здесь. Уже случилось некогда то, что выражают так: человек, больше всех старающийся отречься от зла, чаще всех в него попадает. Но да не будет про царя и воинов его дурных примеров. Я знаю, что это говорится лишь про дружбу со злыми, именно, кто дружит с ними, то хотя он и знает дела их, — не спасется он своей предосторожностью от их зла. Поэтому благочестивцы удаляются сами и предпочитают одиночество в горах общению с людьми и предпочитают дела для бога делам для тварей его, ибо только один бог вознаграждает

добром за добро. А что до людей, то их дела текут разными путями и в большинстве при этом неверно. И никто более не обязан оказывать справедливость, чем царь поспешествуемый, который никого не задаривает ради своей нужды в нем или боязни последствий его деяний. Но еще большее достоинство, чем эта великая жажда царей по прекрасным проявлениям справедливости, — награда их добрым благодетелям. А какое благодеяние более выразительно по своей красоте, чем искренний совет? Известно, и это знают и я, и все присутствующие, что между мной и быком не было чеголибо такого, за что я мог бы злобствовать против него злобой. Я не желал ему беды, и в этом не было бы ни вреда, ни пользы для меня. Но я вел себя честно с царем по отношению к быку и сообщил ему то, что у него подметил, так что он видел подтверждение моих слов и был в этом прекрасно осведомлен и хорошо предостережен и настроен. Но я знаю, что не один из плутов и врагов боится этой моей честности, и вот они подстроили мне беду и сговорились искать моей гибели. И я не боялся, что наградой за эту честность мою и хорошие поступки будет печаль царя о том, что он оставил меня в живых.

Когда лев услышал слова Димны, он сказал: — Удallите его отсюда и отведите к судьям. Пусть произведут розыск по его делу, ибо я не хочу присуждать ни хорошего ни дурного иначе, как обнаружив открыто лицо права и справедливости.

Димна поклонился царю и сказал: — О царь! Ничто лучше не прояснит слепоту, осветит смутное и развеет темное, чем усердие и рвение в таких случаях, как этот. Ты знаешь, царь, что огонь остается скрытым в дереве и камне и не выходит и не извлекается его польза иначе, как трудом и старанием. Если бы я согрешил, то я бы боялся раскрытия моего греха, а я, между тем, надеюсь, зная невиновность свою, что розыск и расследование откроют правоту моего дела. Так бывает и со всякой вещью с хорошим запахом или дурным: каждый день он распространяется и обнаруживается сильнее. Если бы я знал вместе с этим за своей душой какойнибудь проступок или грех, то я бы нашел себе на зем-

ле убежище и, конечно, не стал бы оставаться у врат царя, выжидая воздаяния за свое дело. Я хочу, чтобы царь приказал тому, кого он приставит к розыску моего дела, каждый день доводить до него те оправдания и ту мою невиновность, которые будут раскрываться. Это для того, чтобы царь мог составить мнение обо мне и сопоставить одни мои поступки с другими, а не выступать в моем деле с сомнительными средствами людей враждебных и несправедливых. Правда, уж одного укрывательства ими той очевидной враждебности быка, которую царь видел, достаточно, чтобы отвратить его от моей казни, после моей общеизвестной любви и заботы о нем. Кто усомнится в том, что царю известно то низкое положение и малое достоинство, в котором я нахожусь? Но я сам не могу исторгнуть себя из рабского происхождения, да и не желаю я того, чего желают люди, стоящие выше меня. Ведь если я и раб царя, то и для меня есть доля справедливого отношения его, которым, я знаю, он одарит меня при жизни моей и после смерти. А если царь совсем решил передать меня тому, кто будет разыскивать мое дело и исследовать мою невиновность, то я умоляю царя не выказывать в моем деле небрежности и велеть ему доносить ему каждый день мои доводы оправдания. Если же, по воле предопределенного мне несчастья и бессилия моего отвратить рок, царь не рассмотрит моего дела, и не расследует моих деяний, и не отдалит от меня наказания, последовав речам носителей зла и коварства, без совершенного мною греха, — тогда нету у меня иного помощника, у которого я бы мог найти защиту, кроме бога, ибо он снимает печаль. Мудрые сказали: кто считает истиной то, что ему самому представляется заслуживающим сомнения, и называет ложными те вещи, в какие следует верить, с тем случается то же, что с одной женщиной, расточавшей ласки своему рабу, так что он осрамил ее обманным путем.

Лев сказал Димне: — Как это было?

Притча. Димна сказал: — Говорят, что был в городе Тасирун *, в земле, называемой Кашмир, один

* Название города искажено и не может быть идентифицировано.

купец по имени Хабаль, а у него — красавица жена. Рядом с их домом жил один художник, искусный в области изображений, и был он в близких отношениях с женой купца. Однажды, когда он пришел к ней, она сказала: — Не можешь ли ты придумать что-нибудь такое, по чему я узнавала бы о твоем приходе, когда ты придешь ночью, без крика, бросанья камешков или чего-либо другого, возбуждающего подозрения? Это было бы удобно и тебе и мне. — Художник сказал: — Есть у меня по этой части нечто хитрое, что тебя порадует. У меня есть плащ, раскрашенный разными красками: одна сторона его белая-пребелая, подобная свету луны, а другая черным-черная, похожая по виду на темную ночь. Белая его сторона послужит тебе знаком благодаря своему свету в ночь темную, а черная будет видна тебе в лунную ночь. Когда ходят к женщине, то надевают этот плащ. — Он прибавил: — Когда ты его завидишь, то знай, что я твой приятель, и принимай меня без вопросов. — Во время их совещания вошел раб купца и услышал их слова. Чрез некоторое время он потребовал у рабыни художника, которой он был близким другом, чтобы та ссудила ему этот плащ; он покажет его своему приятелю и скоро вернет. Она дала ему плащ, и он надел его и встретил женщину так, как художник, когда тот к ней приходил. Увидев его, она не усомнилась ни в чем, сочла его своим другом и расточала ему ласки свои. Покончив с ней, он вернул плащ рабыне, и та положила его на место. А художник был тогда вне дома. По прошествии некоторой части ночи он вернулся домой, надел плащ и пошел к женщине. Завидев плащ, она подошла к художнику и сказала: — Что вызвало твое поспешное возвращение, ведь ты уже удовлетворил нужду в начале ночи? — Когда художник услышал это, упала у него душа, он вернулся домой, призвал девушку и стал грозить ей побоями. Тогда она сообщила ему, как было дело. Художник сжег плащ и раскаялся в том, что сделал его.

— Я привел тебе эту притчу, о царь, лишь для того, чтобы ты знал, что обманная хитрость — ложь, и что ложь приносит позор самому лжецу. Ты не в праве, о царь, убить неповинного друга за испорченного, вкрад-

чивого, убить того, от коего не видно греха, ни недостатка, разве только по клевете лжецов и наущению ве-роломных. Я не говорю этого, о царь, из боязни смерти, ибо, если бы я и боялся, от нее не спастись, и каждый живущий — смертен. И если бы у меня было сто душ и я знал, что царь решил погубить все их, я все равно охотно отдал бы их ему. А если ты думаешь, о царь, что найдешь в казни моей для себя покой и отраду, то ведь мудрецы сказали: кто допустил ошибку и грех и предал самого себя казни вместо праведников, тот вознагражден будет за это прощением и спасением от зла в будущей жизни. И хотя мне известно, что бог сделал царя далеким от насилия, вражды и губительства неповинной души по наговору злых и наущению порочных людей, — я все-таки хочу, чтобы не спешил царь с делом без расследования и розыска. Мудрые сказали: люди всегда пользуются советами хорошего человека, и тот, кто деятелен, но слаб умом, взирает на указания хороших людей, и удаляет его тогда от несчастий то, что не в силах сделать и опыт старости.

Во время этих оправданий Димны один из приближенных царя прервал его и сказал: — О царь! Слова Димны не клонятся к увеличению прав царя и не умножают его совершенства: Он хочет лишь отстранить от себя то, что постигло его за злодеяние.

Димна сказал: — А разве, о горе тебе, оправдывающий самого себя заслуживает порицания? Разве есть что-либо более близкое человеку, чем он сам? И если он не будет желать оправдать себя, то кто будет желать этого для него? Кто более обязан любить меня, чем я сам, или кого я должен больше любить, чем самого себя? Мудрые сказали: презирающий самого себя, ненавидящий себя, и других еще более ненавидит и становится и прочих наиболее склонен обманывать и отвергать. Слова твои могут указать присутствующим лишь на слабое понимание тобою того, что ты говоришь, и на неведение выводов, заключающихся в твоих словах. Ясны из речей твоих те ненависть и зависть, коими ты не в состоянии управлять, и поняли слышавшие речь твою, что не любишь ты никого и что ты враг и себе и другим. А таким подобает находиться только с

животными. Итак, перестань являться к царю и бывать у врат его, ибо тебе не быть выше греха и глупости.

Когда услышал это тот, к кому обращены были эти слова, он умолк, не дал ответа и вышел пристыженным. Мать льва сказала: — Удивительно развязны слова ответа твоего тому, с кем ты говорил. Ведь все-таки было с тобою то, что было.

Димна сказал: — Как ты это видишь одним глазом и слышишь одним ухом — на мое несчастье! Так ведь и всякая вещь может измениться и стать неизвестной, и никто не выскажет правды, не станет за нее, но выскажет только пристрастно. Кто находится у врат царя, доверяя и полагаясь на него и пользуясь благосклонностью его, не боится говорить пристрастно о том, что соответствует истине или противоречит ей, а царь не нападает на него и не удерживает от этого.

Мать льва сказала: — Взгляните на этого нечестивого обманщика, совершившего величайший проступок! Как он отводит глаза людей и обеляет самого себя!

Димна сказал: — Кого ты так описала — тот, кто разносит тайное, а не хранит его; будучи мужчиной, носит женское платье, и будучи женщиной — мужское; это гость, утверждающий якобы он хозяин дома, или тот, что говорит на собрании царском о том, про что его не спрашивают.

Мать льва сказала: — Или ты не знаешь о злодеянии своем? Недостаточны оправдания твои; остерелись их.

Димна сказал: — Тот, кто совершил злое дело, не желает ни для кого добра и не отстраняет ни от кого зла.

Мать льва сказала: — Эй, ты, вероломный обманщик! Ты отважился на такую речь в обольщении, что царь оставит тебя в живых.

Димна сказал: — Вероломный обманщик тот, от козней коего не обеспечен враг его и который убивает своего врага без вины, когда получает власть над ним.

Мать льва сказала: — Слушать твои поучения и притчи, по-моему, еще удивительнее, чем тот обман, ко-варство и ненависть, которые у тебя обнаружились.

Димна сказал: — Здесь-то и место поучениям, если их принимают, и притчам, если ими пользуются.

Мать льва сказала: — Эй, коварный изменник! Ведь злодеяние твое остановило бы тебя от приведения притч, если бы ты понимал.

Димна сказал: — Изменник тот, кто застрашивает тех, кто действует в его же интересах, и кто враждебен тем, кто раскрывает ему вражду его врагов.

Мать льва сказала: — Как будто ты, о лжец, на-деешься спастись, расписывая эти речи, от заслужен-ного тобой наказания.

Димна сказал: — Лжец тот, кто воздает за хорошие дела дурными, злом за добро и страхом за безопас-ность. Что же до меня, то я исполнил то, что обещал, и соблюл свой договор.

Мать льва сказала: — Что же это за обещание, ко-торое ты исполнил, и что за договор, который ты со-блюл?

Димна сказал: — Мой господин знает, что если бы я был лжецом, я не отважился бы перед ним на пустую речь и не занялся бы лганием.

Увидев, что речь Димны только увеличивает мягкость льва, его мать встревожилась, прониклась стра-хом и испугалась, что лев усвоит кое-что из того, что Димна говорил в свое очищение и оправдание, и ска-зала льву: — Молчание перед доводами противника равносильно подтверждению истинности его слов. Про это говорили мудрые: молчанием соглашается. — Потом она встала, разгневанная, и вышла.

Лев отдал приказ относительно Димны, и надели ему на шею цепь и заключили в тюрьму. И велел лев произвести розыск по его делу. Мать льва сказала ему: — Я не перестаю слышать с некоторого времени о вероломстве Димны. Потом подтвердилось это в моих глазах его клеветничеством и вероломными словами и обильными неправедными и неосновательными уверт-ками, которые я услышала. И если ты допустишь его произнести речь, то он смутит тебя своими лживыми доводами, а в казни его будет ведь и для тебя и для твоих воинов великое успокоение; поспеши же убить его, и пусть не овладеет тобой кротость и не остановит

сомнение. Ведь и стар и млад из твоих воинов знает про сплетни Димны и его пороки, и ни на один час ни ночи, ни дня не пробудили во мне сомнения его речи и те вероломные поступки его и отчужденность от злонравных, кои обнаружились перед тобой. В особенности таково его поведение по отношению к неповинному, искреннему другу, лучшему из везиров — Шатрабе. Не проходит дня, чтобы я не услышала снова каких-нибудь вестей и несомненных и достоверных слухов про злой характер его. Пусть не будет у тебя сомнений относительно него. А если ты позволишь ему расписывать свои речи и кормить пустыми словами, то его ложь и коварство и не ослабеют, и обман и разукрашивание своей болтовней не уменьшатся. Он уже привык ко лжи, и это стало его прочным свойством и неотвязной привычкой. И покой для тебя и воинов твоих будет лишь тогда, когда ты оставишь споры и казнишь его за его грехи.

Лев сказал: — Среди любимцев и приближенных царей существует соперничество в достижении должностей, и в их среду проникла ненависть и зависть одних к другим, в особенности к тем, кто умен из них и благороден. Мне известно, что положение Димны мешает не одному из моих воинов и родных, и я не знаю, может быть, это единодушие и сговор их против него, который я вижу и слышу, также имеют какую-нибудь из этих причин. Я не хочу спешить в этом деле, ибо преданный друг может быть загублен лишь на справедливом основании, когда есть право на это у того, кто его губит. Я не найду себе оправданий, если последую за своими настроениями и выкажу торопливость без расследования и твердого знания. Сообщи мне имя этого верного и правдивого, как ты говоришь, рассказчика твоего.

Мать льва сказала: — Рассказчик мой, надёжный в моих глазах, правдив и по твоему мнению и пользуется доверием в твоих тайнах, это твой искренний и доброжелательный друг — леопард.

Лев сказал: — Будь спокойна и благополучна. У меня явился некоторый план, который надо исполнить.

Мать льва удалилась со спокойным сердцем и хорошим настроением, а лев лег почивать.

Когда Димна был заключен в темницу, где на него были надеты тяжелые оковы, то Калилу оповестили, что Димна возвращен в темницу. И проникло в него сострадание и нежность благодаря былой дружбе, совместной жизни и братству их друг с другом. Он пошел тайком и встретился с ним в тюрьме. И заплакал Калила, увидев Димну и ту горесть, тягость и несчастье, в которых тот пребывал, и сказал: — То состояние, в котором ты находишься, делает ненужными мои уверения. Но это не мешает напомнить, что ты имеешь права на мою любовь и мои заботы о тебе, ибо у каждого слова свое место. Если бы я недостаточно уверевал тебя тогда, когда ты нуждался в этом с моей стороны, во время твоего благоденствия, то ныне участвовал бы с тобой в грехе; но это твое самовосхищение проникло в тебя так, что победило твой ум и мудрость. Я уже приводил тебе в пример слова мудрых: кознодей умрет прежде срока своего. Слова «умрет прежде срока» не значат пресечение жизни, но возникновение вещей, которые испортят жизнь, как случилось это с тобой, так что сама смерть была бы покойнее этого.

Димна сказал: — Ты все время прилагал старания в своих словах и уверевал и советовал мне, но сила зависти и жажды снискать сан затемнили мой ум и сделали безрассудными в моих глазах твои советы, как случилось это с больным, сильно желавшим есть. Он знал, что пища увеличит его болезнь и нанесет вред телу, но пренебрег этим и подчинился своему желанию. Я знал, что я сеял себе несчастье, но посев прорастает в свое время и срок, хотя бы спешили снять его. Теперь наступил срок тому, что я себе посеял. Но еще сильнее делается мое несчастье от боязни, что в моей истории заподозрят и тебя благодаря тем отношениям, которые были между нами. И я боюсь, что распространится наказание на тебя, если ты признаешься в том, что знал о моем деле. А если ты поступишь иначе, то, конечно, ты из тех, чьи слова не вызовут даже и отдаленного подозренья. А как быть такому, как я?

Калила сказал: — Я понял. Мудрые сказали, что тело не терпит поспешности в наказании и не перестает и во время его говорить все то верное и ложное, чем

может быть отстранена эта поспешность от него. Я не вижу для тебя ничего другого, раз постигло тебя это несчастье, как взять на себя свой проступок и признаться в своем злодеянии, дабы избавиться таким образом от последствий в будущей жизни, раскаявшись в содеянном. Ты, без сомнения, погиб, так не присоединяй же к гибели в этой жизни еще гибель в жизни будущей.

Димна сказал: — Ты правдив и искренен. Я запомню то, что ты сказал. Но в деле ужасные и великие трудности, и я не скажу ни слова, пока они сами не проникнут в него.

Калила отправился опечаленным домой, ожидая всяких напастей и зол, и оставался таким все время, как вдруг забушевал его живот, и он умер, не дожив до утра.

В той же темнице был заключен один хищный зверь, который спал недалеко от того места, где сговаривались Калила и Димна. Он пробудился от их слов и услышал все, чем они обменялись между собой. Он сохранил и утаил это и не разгласил.

Утром мать льва напомнила льву о деле Димны и его оправданиях и сказала: — Оставлять в живых вероломных равносильно казни благочестивых, ибо кто сохраняет жизнь вероломным, тот является сотоварищем им в их вероломстве, а кто дает жизнь благочестивым, тот друг им в благочестии их.

Лев приказал судье и леопарду ускорить рассмотрение дела Димны и расспросить о нем у всех и велел докладывать ему о тех грехах его и винах, которые ему причислят, и тех оправданиях и увертках, на которые он будет притязать.

Леопард и судья вышли для рассмотрения дела. Послали привести Димну. Когда его привели, он выступил на середину места собрания и стал прямо. Первым взял слово леопард. Он сказал: — О собрание воинов! Вы знаете, что повелитель зверей со времени казни Шатрабы пребывает с упавшей душой, в великой заботе и печали о том, что он казнил Шатрабу без вины и что обошел его Димна своей ложью и клеветой. И вот приказано этому судье созвать совещание судей и рас-

следовать дело Димны. Кто знает из вас что-нибудь дурное или хорошее про него, пусть выскажет и расскажет это пред судьями и свидетелями, дабы они могли принять это к руководству в его деле. Не следует, чтобы спешила рука царя с наказанием кого-либо из пристрастия к нему или кому-либо другому. Это совершенно недозволительно наказывающему наказанием за грех против него.

Судья сказал: — Вы выслушали сказанное вам, и никому из вас не следует скрывать ничего известного вам, исходя из трех соображений. Во-первых, надлежит быть правдивым в том, что вами свидетельствуется. Затем, не считать большого нарушения долга грехом незначительным, а какой грех больше скрывания слабостей тех, кто ввергает в гибель хороших людей, заставляет их совершать ошибки и губит одних из них руками других путем лживых и клеветнических интриг? Если укрывающий такого и свободен от зла его греха, так он не далек от того, чтобы быть сотоварищем ему в его делах. Во-вторых, наказание нами преступника поучительно для людей неустойчивых, устрояет и царство и народ. В-третьих, когда злых людей прогоняют из страны, то это укрепляет связь подданных и наполняет праведных радостью, а людей радостных и благожелательных — счастьем. Пусть же выскажет каждый из вас то, что знает, дабы суды могли руководствоваться справедливостью, а не пристрастием и предположением.

Когда говоривший окончил свою речь, умолкли присутствовавшие, и никто из них не произносил ни слова, ибо они не знали ничего за Димной ясным знанием, так чтобы они могли об этом рассуждать, а высказывать мнения они не хотели, боясь, что слова их повлияют на решение и вызовут казнь. Увидев их молчание, Димна заговорил и сказал: — Если бы я был преступником, то порадовался бы вашему молчанию в моем деле (но я уже до некоторой степени знал это, так как вам не известен за мной грех), ибо каждый, за кем не знают греха, не имеет против себя и обвинения и является оправданным и невинным. Но неизбежно вам надо высказывать обо мне свои мнения, чтобы знал тот, кто может

сказать о деле моем какое-нибудь слово, что каждое слово имеет последствия скорые или отдаленные и речь его присудит либо жизнь мне, либо смерть. И кто предаст меня гибели без знания или выскажет о деле какое-нибудь темное предположение, то постигнет его вследствие этих слов то, что постигло врача, приписавшего себе знание того, чего он не знал.

Судья сказал: — Как же это было?

Прич а. Димна сказал: — Говорят, что жил в одном из городов страны Синд * некий врач, обладавший достоинством и знанием и пользовавшийся саном за те случаи выздоровления, которые прошли чрез его руки, и благодаря тем средствам и лекарствам, которыми он лечил. Умер этот врач, и люди воспользовались тем, что было в его книгах. И вот один слабоумный стал притязать на знание медицины и распространил слух об этом среди людей. А у царя этого города была дочь, которую он выдал замуж за своего племянника, и она забеременела, и обнаружились у ней обычные при беременности страдания, так что она чувствовала боль. Царь послал на поиски врачей.. Ему сообщили про одного врача, жившего на расстоянии нескольких фарсахов**, описали его знания в медицине, и он послал за ним. Когда посол пришел к нему, он нашел его ослепшим от старости. Ему рассказали про недуг женщины и ее ощущения, и он прописал ей лекарство с известным названием, именно рамхаран***. Они сказали: — Приготовь нам это лекарство. — Он сказал: — Я не вижу, а то я составил бы его на основании своих знаний. — Тогда слабоумный, притязавший на знание медицины, пришел к ним и сообщил, что он знает это лекарство и что ему известны его состав и действие. Царь приказал достать ему книги умершего врача и отвести его в кладовую с травами, чтобы он мог взять из них все нужное для состава. Когда он вошел и разложили пред ним все лекарственные составы, он спу-

* Синд — область в нижнем течении реки Инда в Индии.

** Фарсах — мера длины, около шести километров.

*** Рамхаран — название лекарства, приводится только в арабской и сирийской версии и, вероятно, восходит к персидскому названию растения замхаран.

тался, выполняя свой план и задачу, и взял из них без знания и ведения, только на основании гаданий и предположений. Он напал на смертельный яд и взял и премешал его к своему составу, потом напоил им женщину, и она не прожила и часу и умерла. Тогда взял его царь, напоил тем же составленным им лекарством, и он умер.

Димна сказал: — Я привел вам эту притчу лишь для того, чтобы вы знали, какие несчастья поражают тех, кто говорит, будучи неосведомлен, и делает что-либо на основании догадок.

Тогда заговорил начальник стола царского и сказал, следуя желаниям матери льва: — Наиболее достойн казни из всех, о ком не спрашивают люди простые и дело кого ясно для избранных, именно этот несчастный, на котором видны признаки зла и приметы вероломства. А мудрые знают значение, заключающееся в них.

Главный судья сказал: — Какие же это признаки и приметы? Тех, кто не знает их, гораздо больше.

Начальник стола взял слово и сказал: — Мудрые сказали: если у кого-нибудь левый глаз мал и при этом сильно дрожит, а нос загнут несколько вправо, вбок, брови лежат далеко друг от друга и части тела покрыты все по три волоска, причем когда он идет, то большей частью направлен взор его в землю, и он то и дело озирается, — то этому всему сопутствует вероломство и преступный нрав и посягательство на праведников; а все эти признаки находятся у Димны.

Когда он окончил свою речь, Димна выразил чрезвычайное удивление и сказал: — Поистине, дела подтверждают одни другие. Поистине, суд божий верен, нет в нем насилия, ошибки и вражды. Если бы по этим знакам, упомянутым тобой, и им подобным достигалось справедливое и истинное знание, то не стали бы люди пользоваться доводами и доказательствами. Не было бы в таком случае никому похвалы за хорошие дела, и не было бы ни у кого средств к совершению дурных, ибо никто не может изменить признаки, по которым он творит то, что творит. Не было бы воздаяния ни хорошим людям, ни обманщикам иначе, как по этим при-

знакам. И если бы я совершил это дело, в котором меня пачкают (упаси боже, чтобы я его сделал!), то я сам также удовлетворился бы этим: принудили, мол, меня к этому признаки, и я не мог ни устранить их, ни отрешиться от них. Еще указывает на слабое знание твое суда и разных его случаев то, что если бы происходило так, как ты описал, то нельзя было бы обвинить меня ни в чем, ибо признаки творятся одновременно с их обладателем и рождаются тогда, когда он родится. Не было бы в таком случае для их творца момента, когда бы он знал, в какой день что-либо произойдет и в каком деле или вещи оно выразится, и когда следует постановлять приговор против обладателей их, и когда следует признавать их невиновность. В этой ошибке и глупости твоей не усомнится никто. Ты слышал кое-что, да не проник в глубину и рассуждаешь зря. Я не являюсь самым разумным из присутствующих и не обладаю наибольшей прозорливостью, но ты рассуждал и ошибся, и я уже покончил с подобными тебе в притче о враче. Если ты утверждаешь, что добро и зло происходят лишь на основании признаков, в таком случае нет похвалы поступающему хорошо, ни порицания злодею, и тогда я и себя считаю в этом деле оправданным и вижу, что ты говоришь лишь об оправдании моем и рассуждаешь лишь о моей невиновности. Но ты не понимаешь и не вдумываешься в то, что говоришь, и походишь на человека, сказавшего своей жене: — Посмотри сначала на свой порок, неразумная, а потом уже порицай других.

Димну спросили: — Как это было?

Притча. Димна сказал: — Говорят, в один город, называемый Бурхашт *, проникли однажды враги, перебили множество его жителей и взяли в плен женщин. Потом разделили они пленников между собой, и достался одному врагу землепашец с двумя женами. Он лишил их одежд и отнял у них пищу и питье. Однажды отправился землепашец с тем человеком и своими двумя женами, которые были нагими, на гору за дровами.

* Вместо него другие версии дают Барзгин и Марват; какой город имеется в виду, не установлено.

Одна из женщин нашла тряпку и прикрыла ею свою наготу. А другая сказала мужу: — Посмотри, как она шествует нагишом! — Но муж сказал: — Эй ты! Не посмотреть ли тебе на самое себя, чтобы скрыть наготу подобно тому, как та скрыла свою. А потом рассуждай.

— Твое дело еще удивительнее, поскольку я знаю грязь твоего тела, и твою нечистоту, и твою дерзость, несмотря на это, приближаться к пище царя, стоять пред ним и около него, как будто ты свободен от порока, изъят от нечистоты. Ты не видишь своего порока, но он заметен ученым людям, присутствующим на заседании. До сего дня меня удерживала открыть твой порок лишь та любовь, которая была между нами, и я не хотел быть одинок, открывая его без данных. Но раз ты опозорил меня и первым нанес мне обиду, затеяв со мной эту вражду и оклеветав меня попусту и без оснований в присутствии воинов, — то я скажу то, что знаю о твоем пороке, и обнаружу твою грязь, которую ты скрывал и с которой нельзя служить тебе царю, ни даже кому-либо ниже его.

Начальник стола сказал: — Чем же ты сможешь опозорить меня, о несчастный?

Димна сказал: — Я буду позорить тебя лишь тем, что в тебе есть. Я позорю тебя проказой твоего зада, грязью ног и болезнью твоих яиц.

Когда услышал это начальник стола, то и он и все присутствующие удержались от обсуждения дела. Затем судьи отдали приказ, и Димну отвели в тюрьму.

На другой день утром явились ко льву судья и несколько его товарищей с записью оправдательных показаний Димны. Лев взял ее, а им велел удалиться.

Потом он послал за матерью и прочигал ей эту запись. Она была в затруднении и сказала: — Если я выкажу супровость тебе, о царь, то ты не гневайся.

Лев сказал: — Я не гневаюсь. Говори, что тебе угодно.

Она сказала: — Я не вижу, чтобы ты отличал то, что тебе вредит, от полезного. Я полагаю, что Димна, пока ты будешь тянуть рассмотрение его дела, возбудит против тебя такое, что ни встать тебе будет, ни сесть.

Потом она поднялась и вышла разгневанная. На другой день судья послал за Димной и велел его привести. Затем он посоветовался с мудрецами, но они не сказали ничего.

И сказал Димне судья: — Хотя и молчат все присутствующие здесь и не говорят ничего, но мнения их сошлись на том, что ты совершил проступок. Не будет тебе добра в жизни после тех подозрений, кои утвердились относительно тебя в их сердцах. И я невижу для тебя ничего лучшего, как признаться в своем грехе и получить освобождение от последствий в будущей жизни. Итак, лучшее заключение о твоем деле сведется к двум положениям. Первое: ты силен в придумывании уверток и изобретении оправданий, которыми ты защищаешь себя. Второе: лучше тебе признаться в своем грехе, предпочтая, таким образом, спасение в будущей жизни спасению здесь. Мудрые сказали: красивая смерть лучше гадкой жизни.

Димна ответил, говоря: — Судьи не судят на основании своих мнений, ни мнений простых или знатных людей. Ты знаешь, что «мнение нисколько не избавляет от истины» *. И хотя все вы думаете, что я совершил этот грех, но я знаю себя лучше вас, и мое знание себя достаточно и несомненно. Ведь дело мое гадко в ваших глазах, раз уж вы такого мнения, лишь потому, что вы думаете, будто я наклеветал на другого. Но как оправдаться мне в ваших глазах, если я наклевещу на собственную душу, налгу на нее и предам ее казни, зная о ее невиновности? Ведь она для меня наиболее священна и более всего мне дорога. И если бы я мог сделать это с самым близким из вас или далеким, то все-таки невозможно было бы мне так поступить с собой, все-таки не хватило бы на это моего характера. Воздержусь же от этих слов. Если ты искренен, то ты совершил ошибку, а если вы таите в себе обман, то нет ничего более гадкого, чем обман заведомый, и не может быть обмана и хитрости в характере справедливого

* *Мнение нисколько не избавляет от истины* — цитата из Корана (сурा 10, стих 37 или сурা 53, стих 29); один из немногих случаев отражения его в этой версии.

судьи. А если нет, то знай, что эти слова твои — твой суд и закон, ибо все, что постановляют судьи, есть суд и закон. Правильными постановлениями их руководствуются справедливые люди, а ошибка их становится справедливостью для людей испорченных. Особенное мое несчастье в том, что ты остаешься в мнениях людей совершенным разумом и решением, хотя совсем не то оказалось у тебя в моем деле. Ты оставил мудрость судей и стал действовать на основании мнений, а они расходятся с истинным положением вещей.

Все это записали и доложили льву. Он посмотрел запись, призвал свою мать и показал ей. Она сказала так: — Я начинаю тревожиться, что Димна замыслил против тебя коварство и хитрость, которые поразят тебя и разрушат твое дело; и тревожусь я еще больше, чем тревожилась раньше о тех его грехах против тебя, кои выразились в его лжи и клевете на твоего везира, твоего чистого друга, так что ты убил его без вины.

Запали ее слова в душу льва, и он сказал: — Сообщи мне со слов рассказчика твоего те речи Калилы и Димны, которые он слышал. Если я убью Димну, то это будет оправданием мне в казни его.

Она сказала: — Я не хочу раскрывать того, что прошли меня скрыть, и пойти на обнаружение тайн, запрещенное мудрыми. Но я попрошу передавшего мне это, чтобы он разрешил мне рассказать это тебе, либо сам выступил против него с тем, что знает и слышал.

Затем она отправилась и послала за леопардом. Он пришел. Она напомнила ему про его высокий сан и обязательные для него попечение о льве и добрую помощь ему и сказала, что он сторонится от свидетельства, которое не должны скрывать такие, как он, ибо на нем лежит долг помогать несправедливо обиженному и содействовать установлению оправданий для него в день страшного суда. Она не отставала от него, пока он не пришел и не произнес свидетельство против Димны на основании тех его речей и слов Калилы, которые он слышал.

После того как леопард выступил свидетелем против Димны, зверь, заключенный в темнице и слышавший разговор Калилы с Димной в ту ночь, когда Калила

пришел в тюрьму, послал сказать: — У меня есть свидетельство; освободите меня ради него. — Лев послал за ним, и он произнес свидетельство против Димны на основании слышанных им слов Калилы и его выговоров Димне за то, что тот разлучил льва с быком ложью и клеветой, так что убил его лев, с чем Димна соглашался.

Лев сказал ему: — Что же удерживало тебя сообщить нам свидетельство твое против Димны, раз ты слышал это от него?

Тот сказал: — Удерживало то, что одно мое свидетельство не повлияло бы на решение и не победило бы противника. А без пользы говорить я не хотел.

И собрались, таким образом, против Димны два свидетельства. Лев послал свидетелей к Димне, и они победили его, бросив ему в лицо его же речи. Лев отдал приказ, и на него надели тяжелые оковы и оставили в тюрьме, где он и умер от голода и жажды. Вот как кончилось дело Димны. И таков конец и исход будет у всех несправедливых, завистливых и лживых.

ГЛАВА О ВОРОНЕ, ГОЛУБЕ-ВЯХИРЕ, КРЫСЕ, ЧЕРЕПАХЕ И ГАЗЕЛИ

хорошим братом, ибо братья — помощники во всяком добре и утешители в несчастьях. Притчей об этом будет притча о вороне, голубе-вяхире, крысе, черепахе и газели.

Царь сказал: — Как же было это?

Философ сказал: — Говорят, было в одной земле место, обильное дичью, в котором охотились охотники. Было там одно большое дерево, ветвистое и густолиственное, а на нем гнездо ворона. Однажды, сидя на дереве, увидел ворон охотника скверного вида и злой на-

арь сказал ученому:
— Я выслушал притчу о двух любящих друг друга, разлученных вероломным кознодеем. Расскажи мне теперь притчу о верных братьях, о том, как началась их взаимная связь и как наслаждались они друг с другом.

Мудрый ученый сказал: — Ничто не может сравниться с

ружности, который направлялся к дереву, неся в руке палку, а на плече силок. Ворон испугался и сказал: — Привлекло человека сюда какое-то дело. Посмотрим, что он будет делать. — А охотник приблизился, поставил зерна и спрятался неподалеку. Прошло немного времени, как пролетел мимо голубь, называемый вяхирём. Он был во главе многих голубей, находившихся также с ним. Вяхирь увидел зерна, но не заметил силка, и попали голуби все в силок. Охотник, радуясь, побежал поспешно к ним, и голуби забились вразброда, пытаясь спастись. Но вяхирь сказал им: — Не забывайте друг друга, стремясь освободиться, и пусть никто из вас не выказывает больше заботы о себе, чем о своем товарище, но все помогайте один другому; может быть, мы вырвем силок и спасем друг друга.

Они так и сделали, рванули сеть и улетели с ней под небеса. Охотник последовал за ними, думая, что голуби пролетят немного, а потом утомит их сеть, и они упадут.

Ворон сказал: — Последую-ка я за ними и посмотрю, чем кончится их дело с охотником. — А вяхирь обернулся и увидел, что охотник преследует их, не оставляя надежды. Он сказал товарищам: — Я вижу, что охотник старается нас настигнуть. Если вы остановитесь на открытом месте, то не скроетесь от него; летите же к хорошей и населенной местности, тогда он не замедлит потерять ваше направление, удалится и отчается вас поймать. Мы здесь недалеко от населенной и цветущей страны, где я знаю нору крысы, моей подруги, и если мы достигнем ее, то она разгрызет на нас эту сеть и освободит нас от тех мучений, которые мы от нее терпим.

Они направились туда, куда вяхирь указал, и скрылись от охотника, который удалился, отчаявшись их найти. Но ворон не отстал от них, а пожелал посмотреть, найдут ли они средство избавиться от сети, чтобы научиться этому и быть наготове, если это случится и с ним.

Когда вяхирь добрался с голубями до крысы, он приказал им спуститься. Они спустились и нашли вокруг норы сто отверстий, устроенных крысой на случай опасности, так как она была опытна и хитра. Вяхирь

позвал ее по имени, а имя ее было Изака *. Крыса ответила из норы: — Кто ты? — Тот сказал: — Я вяхирь, твой друг. — И крыса выбежала поспешно к нему. Увидев его в тенетах, она сказала: — Кто ввергнул тебя в эту беду, тебя, столь пронизательного?

Вяхирь сказал: — Разве ты не знаешь, что нет ничего хорошего или дурного, что не было бы предопределено тому, кого оно постигнет в свой день и срок? Судьба ввергла меня в эту беду: она показала мне зерна и сделала меня слепым пред сетью, так что запутался в ней я и товарищи мои. Нечего удивляться тому, что со мной произошло, и моему слабому сопротивлению року: и более сильные и мощные, чем я, не сопротивляются ему. Солнце и луна затмеваются тогда, когда это им назначено, и рыб ловят в пучине, и птицы бывают принуждены спуститься с высоты. Путь, коим слабый достигает того, что ему нужно, тот же, что отделяет умного от предмета его желаний.

Крыса принялась грызть узлы, в которые был запутан вяхирь, и тот сказал ей: — Начни с узлов моих товарищей, а потом примешься и за мои. — Он несколько раз повторял эти слова, а крыса все не обращала внимания. Наконец; крыса сказала: — Затвердил ты мне эти слова, как будто не мила тебе своя собственная душа и ты не видишь за ней у себя прав.

Вяхирь сказал: — Не осуждай меня за эти указания. Побудило меня к ним только то, что я принял на себя начальство над стаей этих голубей и поэтому они имеют на меня права. Они уже выполнили свои обязательства по отношению ко мне, проявив покорность и любовь и выказав повиновение мне и помочь, да избавит нас господь от ловца! Но я побоялся, что, если ты начнешь с моих узлов, тебе наскучит и будет лень после освобождения моего заняться и их оставшимися узлами. А я знаю, что если бы ты начала с них, и я был бы последним, ты не успокоилась бы на этом и, хотя бы и овладели тобой усталость и лень, не прекратила бы усилий, чтобы разорвать мои узлы.

* Изака — имя крысы — в различных версиях передается различно и, по всей вероятности, восходит к названию в «Панчантре», которое значит «золотой».

Крыса сказала: — Вот что увеличивает в любящих и привязанных к тебе эту привязанность и любовь!

И принялась она грызть, пока не освободила их. Тогда отправился вяхирь с голубями своими на место свое, возвращаясь спокойно. Когда ворон увидел то, что сделала крыса и как она освободила голубей, он страшно захотел подружиться с ней и сказал: — Я не могу быть уверенным, что со мной не случится подобное тому, что случилось с голубями, и что я не буду нуждаться в крысе и ее любезности.

Он приблизился к норе крысы, позвал ее по имени, и та ответила: — Кто ты?

Он сказал: — Я ворон. Дела мои таковы. Я видел твой поступок и твою верность своим друзьям и то, чем бог наградил голубей. И вот я пожелал побрататься с тобой и пришел для этого.

Крыса сказала: — Нет у нас с тобой оснований для дружбы. Умному надлежит стремиться к тому, к чему он найдет дорогу, и оставлять поиски того, что не бывает, чтобы не сочли его глупцом, как того, кто желал пользоваться на суще кораблем, а на воде повозкой. Какой может быть между нами путь к дружбе, раз я являюсь пищей, а ты поедающим?

Ворон сказал: — Подумай хорошенко, ведь если ты и являешься для меня пищей, то, съев тебя, я нисколько не удовлетворюсь, а между тем твое существование и любовь принесут мне счастье и безопасность, пока я жив. Да и не вправе ты возвращать меня, пришедшего искать любви твоей, ни с чем. Мне известен твой добродушный нрав, хотя ты и не хочешь показать себя. Но обладающий мудростью не скроет своего совершенства, несмотря на свои усилия утаить его. Это подобно мускусу, который держат в скрытом и запечатанном виде, что не мешает распространяться аромату его. Не менять же свой характер и не отказывай мне в твоей любви и благосклонности.

Крыса сказала: — Наиболее сильна та вражда, которая коренится в природе. И тут бывает вражда, где успех переходит, как, например, вражда слона со львом: иногда лев убивает слона, а другой раз слон льва. Но бывает вражда, где вред наносится только

одной^й стороне, как проходит это между мной и тобой. В моей вражде нет вреда для тебя, но вред с твоей стороны мне. Не может быть у природной вражды примирения, если не исчезнет то, что ее вызывает, и примирение в такой вражде не передается по наследству и не переходит к другим. Ведь вода хотя и долго нагревается, все-таки это не мешает ей тушить огонь, когда ее лют на него. Кто враждебен по природе, хотя бы и примирился, тот подобен обладателю змеи, который держит ее в своей руке. Умный не дружит с хитрым врагом.

Ворон сказал: — Я уразумел твои слова. Ты достойна своего совершенного характера и понимаешь искренность моих слов. Но не отягчай наших отношений словами: «Нет у нас к дружбе пути!». Мудрые и благородные ко всему достойному ищут путей и связей. Любовь между хорошими людьми медленно разрывается и скоро завязывается. Это похоже на золотой кувшин, который не скоро ломается и легко исправляется и чинится, если случится поломка. Любовь же между дурными скоро разрывается и медленно завязывается, подобно кувшину из глины, который бьется от малейшего изъяна, и не починить его никогда. Благородный проникается любовью к благородному при единой встрече или знакомстве одного дня, а подлый человек не сближается ни с кем иначе, как из страха или какой-нибудь выгоды. Ты благородна, а я нуждаюсь в твоей любви, и я не отойду от твоих дверей и не буду вкушать пищу, пока ты не побратаешься со мной.

Крыса сказала: — Я принимаю братство твое. Я никогда не отказываю нуждающемуся в том, что ему нужно. Своими первыми словами я только хотела найти оправдание себе. И если ты окажешься вероломным, то не скажешь: «Я нашел крысу слабоумной, доступной обману».

Затем она вышла из своей норы и остановилась у входа. Ворон сказал: — Что держит тебя у входа и мешает выйти ко мне и подружиться со мной? Разве еще в твоей душе есть сомнения?

Крыса сказала: — Люди здешнего мира обмениваются между собой двумя вещами и из-за них вступают

в дружбу: именно тем, что в душе, и тем, что в руке. Люди, обменивающиеся тем, что в душе, суть чистые друзья, а что до тех, кто дает друг другу то, что в руке, то они — только оказывающие друг другу взаимную поддержку и пользу, одни из коих пользуются выгодами других. Кто же творит доброе дело, домогаясь награды или ища каких-нибудь мирских благ, то примером тому в его дарах и приобретениях будет охотник, бросающий зерна птицам: он не ищет этим пользы для них, но только для самого себя. Обмен тем, что в душе, лучше обмена тем, что в руке. Я уверилась уже в твоем бескорыстии и даю тебе то же самое от себя. И не злоумышление удерживает меня выйти к тебе, но я знаю, что есть у тебя друзья такой же природы, как и ты, которые не думают обо мне так, как ты. Я боюсь, что увидит меня кто-нибудь из них и погубит.

Ворон сказал: — Конечно, это признак друга — выражать дружбу к товарищу своего друга и вражду к его врагу, но у меня нет ни друга, ни товарища, кто не был бы к тебе расположен, а кто и оказался бы таким, с тем я легко порвал бы связь. Ведь когда у посеявшего базилику* вырастает среди нее какая-нибудь вредная и сорная трава, то он вырывает ее, вырывая вместе с ней и часть базилики.

Тогда крыса вышла к ворону, и они приветствовали друг друга и дружески говорили. Они подружились и прожили так несколько дней или сколько было угодно господу.

Как-то ворон сказал крысе: — Твоя нора близка к людской дороге, и я боюсь, как бы не бросили в меня камнем. Я знаю укромное место, и у меня есть друг — черепаха. Там много рыбы, и я у неё найду, что поесть; я хочу пойти к ней и пожить с ней спокойно.

Крыса сказала: — Не пойти ли и мне с тобой? Здешнее место мне не нравится.

Ворон сказал: — Чем оно тебе не нравится?

Крыса сказала: — У меня есть, что рассказать и со-

* *Базилика* — арабское «рейхан» — декоративное растение, разводившееся, главным образом, за ароматичный запах; семена его имели применение и в медицине.

общить, и я передам тебе это, если мы пойдем туда, куда ты хочешь.

Ворон взял крысу за хвост и полетел с ней и прибыл туда, куда желал. Когда он приблизился к месту, обитаемому черепахой, та увидела ворона с крысой и испугалась, не зная, что он ей друг, и нырнула в воду. А ворон опустил крысу, сел на дерево и позвал черепаху по имени. Она узнала его голос, вышла, приветствовала его и спросила: — Откуда ты прибыл? — Ворон рассказал ей свою историю, как он следовал за голубями, и о том, что произошло у него с крысой потом, до прибытия их к ней.

Когда черепаха услышала про крысу, то пришла в восторг от ее ума и верности; она приветствовала ее и сказала: — Что привлекло тебя в эту землю?

Ворон сказал крысе: — И где те истории и рассказы, которые, как ты утверждала, ты мне рассказываешь? Сообщи их теперь, когда черепаха спрашивает тебя об них. Ведь она по отношению к тебе то же, что и я.

Крыса начала свою повесть и сказала так: — Первым обиталищем моим, где я поселилась в одном из городов, был дом одного благочестивого человека. У него не было семьи. Каждый день ему приносили корзину с пищей. Он съедал сколько нужно, а остальное клал опять в корзинку и подвешивал ее у себя дома. А я, было, подстерегала, когда он уйдет, и едва он выходил, как бросалась к корзине и поедала все, не оставляя ничего, бросая еще и другим крысам. Несколько раз пытался благочестивец повесить корзину так, чтобы мне было не достать, но это ему не удавалось. Однажды пришел к нему ночевать гость. Они поужинали вместе и начали разговор. Благочестивец сказал гостю: — Из какой ты земли и куда держишь теперь свой путь? — А гость был человек, прошедший много земель и повидавший чудес. Он принял рассказывать благочестивцу про исхоженные им страны и виденные им вещи. А благочестивец в это время то и дело хлопал в ладони, отгоняя крыс. Гость рассердился и сказал: — Я тебе рассказываю, а ты хлопаешь, как будто смеешься над моим рассказом.. К чему было тогда и спраши-

вать? — Благочестивец извинился пред гостем и сказал: — Я молчу, слушая тебя, а хлопал я для того, чтобы отогнать крыс, которые меня измучили. Не оставить в доме никакой пищи, чтобы они не съели.

Гость сказал: — Что, крыса одна или их много? — Благочестивец сказал: — Какое! Их много, но среди них есть одна, которая меня одолела; и я не могу придумать против нее никакой хитрости. — Гость сказал: — Тут что-то есть. Ты напомнил мне слова человека, сказавшего своей жене: «Ради чего-нибудь да продаёт эта женщина сезам очищенный за неочищенный».

Благочестивец сказал: — Как это было?

П р и т ч а. Гость сказал: — Остановился я однажды у одного человека в таком-то городе. Мы поужинали вместе, потом он постлал мне постель, а сам отправился также спать вместе с женой. Нас разделяла перегородка из камыша. Среди ночи услышал я, что разговаривают между собой муж и жена. Я прислушался, и вот человек тот сказал: — Я хочу завтра пригласить родных закусить с нами. — Жена сказала: — Как ты зовешь людей к столу, раз нет у тебя избытка в пище и для твоей семьи, и ты человек, который не делает запасов и не заготовляет впрок? — Муж сказал: — Не жалей о том, что мы истратили и чем накормили. Ведь иногда у того, кто делает запасы и откладывает, бывает в результате то же, что у волка.

Жена сказала: — А что было с волком?

П р и т ч а. Муж сказал: — Вышел однажды охотник поутру со стрелами и луком на добычу и ловлю. Не прошел он далеко, как убил газель. Он повалил ее наземь, взвалил на себя и повернулся домой. На дороге попалась ему свинья. И бросилась она на него, увидав его. Тогда охотник положил газель, взял лук и пустил в свинью стрелу, вонзившуюся ей в середину туловища. А свинья все-таки добралась до охотника и так ударила его клыками своими, что лук и стрелы выпали у него из рук; и пали оба мертвыми. Голодный волк проходил мимо них. Увидев человека, газель и свинью, он, убедившись в обильной находке, сказал: — Надо будет спрятать то, что смогу. Неблагоразумно пренебрегать запасами и припасами. Я буду беречь и хранить

свою находку. А сегодня я удовольствуюсь тетивой лука. — Затем он приблизился к луку, чтобы съесть тетиву. Но едва он разорвал ее, как лук вздрогнул и развернулся и поразил его в смертельное место горла, так что он умер.

— Я привел тебе эту притчу для того, чтобы ты знала, что страсть делать запасы влечет худой конец.

Жена сказала: — Правильно твое слово. У нас рису и сезама хватит на шесть или семь человек. Завтра я приготовлю кушанье, а ты пригласи на обед, кого хочешь. — Утром она взяла сезам, выщелушила его и разложила на солнце, чтобы он высок. Потом она сказала мужу: — Отгоняй от сезама птиц и собак, — а сама ушла по своим делам и нуждам. Но муж выказал беспечность, и вот пришла собака и начала есть сезам, и это увидела жена. Потом собака нагадила на зерна, и женщина та не захотела, чтобы кто-нибудь из гостей их ел. Она пошла на рынок и обменила их на равное количество неочищенного сезама. Она делала это, а я был на рынке и видел это и слышал, как один человек сказал: — Ради чего-нибудь да отдала она сезам очищенный за неочищенный.

— Так же и я скажу о крысе, которая, по твоим словам, нападает на корзину, где бы ты ее ни поставил: почему-либо да может именно она делать это, а не ее подруги. Сыщи-ка мне топор. — Тот принес гостю топор, а я была тогда в норе, только не в своей, и слышала их слова. А в том месте, где была моя нора, лежала тысяча динаров; не знаю, кто их туда положил. Я, было, рассыпала их и играла ими и кичилась, вспомнивая их местонахождение. Гость подрыл мою нору и до брался до денег. Он взял их и сказал благочестивому: — Вот что давало силу крысе делать те нападения, которые она делала, ибо деньги укрепляют силу и ум. Ты увидишь, что больше никогда к ней не вернется сила и отвага на то, что она могла делать раньше. — Услышав слова гостя, я почувствовала себя разбитой и неразумной в своем самовосхищении. Я перешла в другую нору и утром узнала, что положение мое у крыс понизилось и уважение их ко мне умалилось. Они заставили меня прыгнуть к корзине, к чему я их при-

учила, но я не сумела этого сделать, и они отступили от меня и начали говорить меж собой так: — Погиб любимец судьбы, и скоро придется его кормить кому-нибудь из вас. — Они все оставили меня и присоединились к моим врагам. Они стали порицать и унижать меня пред каждым, с кем они про меня говорили, и я сказала себе: — Видно, и спутник, и брат, и родственник, и друг, и помощник следуют только из-за денег. Я не вижу, чтобы и доблесть обнаруживала что-либо другое, кроме денег, и нет ни ума, ни силы, как только при деньгах. Я обнаружила, что тому, у кого нет денег, мешает его бедность в достижении желаний, и перестает он стремиться к своей цели. Так же и вода от летних дождей иссякает в долинах и не дойдет еще ни до моря, ни до реки, как впитает ее земля, так как вода является для нее пищей, благодаря которой она достигает своей цели.

Я нашла, что брат неимущий не имеет ни семьи, ни детей, ни имени. И у кого нет денег, нет у того в глазах людей и ума, и не принадлежит ему ни здешняя, ни будущая жизнь. И когда постигает человека нужда, то бросают его братья, и пренебрегают им его близкие. А иногда житейские нужды и потребности для поддержания себя и семьи принуждают его искать удовлетворения этого средствами, коим он приносит в жертву свою честь и гибнет и теряет, таким образом, и здешнюю и будущую жизнь. Бедность — вершина всех несчастий, навлекающая на бедняка злобу людей. Вместе с тем ею же похищается ум и доблесть, и чрез нее же уходит знание и благовоспитанность. Она — верховой конь для дурных мнений и место, где кончается стыд. А у кого пропадает стыд, уходит и радость, и встречает он злобу, а кто встречает злобу, тот бывает обижен, а кто обижен, тот печалится, пропадает у того разум, и плохи становятся его память и ум; у кого же недостаток постигает ум, память и разум, у того большая часть его слов бывает против него, а не за него. Я обнаружила, что обедневшего человека начинает подозревать тот, кто относился к нему с доверием, и дурно думать о нем, кто прежде думал хорошо. Если согрешит другой, думают на него, и становится он мишенью подозрений и злых мыслей. И нет качества, которое не было бы

для богатого в похвалу, а для бедного не стало бы по-рищанием. Если он храбр, его назовут опрометчивым, если он щедр, его назовут расточителем. Если он кроток, его назовут слабым, а если он исполнен достоинства, его назовут тупсумным. Если он красноречив, его назовут дураком. Смерть легче бедности, побуждающей к попрошайничеству, особенно у скучных скряг. Если бы благородный был принужден положить руку в пасть дракона и извлечь яд, а потом его проглотить, то все-таки это было бы более легко для него, чем попрошайничество у низкого скупца. Сказано: если кто испытывается болезнью в теле, которую он не сможет устраниТЬ, или пребыванием на чужбине, так что он не знает ни дневного, ни ночного убежища и не надеется вернуться, или настигнут нуждой, заставляющей его просить, — для того жизнь — смерть, и смерть — покой. Часто и не хочет человек просить, но испытывает нужду, которая побуждает его к воровству и насилию, а это еще злее, чем то, от чего он отвращался. Сказано: немота лучше лживого языка, обман лучше насилия, а нужда и бедность лучше привольной жизни и благо-денствия за счет людей.

Затем я увидела, что гость извлек мои динары и разделил их с благочестивцем. А тот положил свою долю в мешок, который поместил ночью в головах. И захотелось мне взять у него динары и вернуть их в свою нору в надежде, что возвратится через это ко мне некоторая часть моей силы и придут снова ко мне мои друзья. Я отправилась, а благочестивец уже спал. Я нагнулась над его изголовьем, но нашла, что гость бодрствовал и у него была палка. Он ударил меня ею сильно по голове, и я убежала поспешно в свою нору. Когда боль успокоилась, мной опять овладело сильное желание и алчность, победившие мой ум. Я вышла с теми же намерениями, приблизилась, а гость уже подстерегал меня. И еще раз он нанес мне палкой такой удар по голове, что из нее потекла кровь, и я убралась в нору, перевертываясь со спины на живот, и там упала без чувств. И постигло меня страдание, так настроившее меня против денег, что я не могу теперь слышать про них без того, чтобы не проник в меня ужас.

Потом я стала вспоминать и нашла, что несчастья сей жизни приходят к людям только через алчность и жадность и что обитатель здешнего мира не перестает пребывать в несчастьи и муке потому, что алчность и жадность все время проникают в него. Я увидела, что отличие щедрости от скучности велико, и нашла, что броситься на опасности и предпринять далекие путешествия в поисках денег для жадного легче, чем щедрому протянуть руку, чтобы взять их. Я увидела, что нет ничего равного довольству. Я услышала, что мудрые говорили: умение управлять собой лучше ума, добронравие выше благочестия, и довольство лучше богатства. Более всего следует терпеть то, что недоступно изменению. Сказано: самый совершенный дар — милосердие, вершина любви — доверие, а вершина разума — знание того, что будет и что не будет, добродушие и спокойное отхождение от недостижимого. И добилась я того, что стала довольной и удовлетворенной и перешла из дома благочестивца в поле.

Крыса, спутница ворона, сказала черепахе: — У меня был один друг голубь, с кем я дружила прежде ворона. Но вот ворон рассказал мне о твоих отношениях с ним и сказал, что желает к тебе пойти. Я захотела также отправиться с ним к тебе и не пожелала быть одинокой, так как нет радости в здешнем мире, равной дружбе с братьями, и нет печали, равной удалению от них. Я испытала это и узнала, что умному не следует желать от жизни сей больше, чем тот насущный хлеб, коим он может отстранить от себя нужду и страдание, а это ведь можно удалить немногим, всего лишь пищей и кровом, когда этому помогает простор страны и щедрость души. И если бы человеку была предоставлена вся жизнь сия со всеми находящимися в ней благами, то он воспользовался бы из этого лишь немногим, утолив этим свои потребности, а что до остального, то ему бы его не охватить. С таким убеждением я и двинулась вместе с вороном. Я буду тебе сестрой, и пусть будет таково же и твое отношение ко мне.

Когда крыса окончила речь, черепаха ответила ей тонкими и остроумными словами; она сказала: — Я вы-

слушала твои слова. Это прекрасная речь! Однако я вижу, что ты не упомянула окончательного исхода дела, от которого, равно как и от твоего странствования к нам, осталось что-то в твоей душе, а этого быть не должно. Знай, что доброе слово завершается только действием. Если больной знает средство от болезни своей, но не лечится им, то бесполезно ему его знание и не найдет он себе покоя и облегчения. Сопровождай делом решения свои и действуй, соображаясь с умом. Не пе-чалься о том, что у тебя мало денег: доблестный почитается и в бедности, как лев, который внушает страх, даже когда он лежит неподвижно. А богатого презирают, если нет доблести у него, хотя и велико его богатство, как собаку, к которой относятся с презрением, хотя и разукрашена она ошейниками и браслетами. Не горюй же о жизни на чужбине, ибо у умного не бывает ее. Где бы он ни был чужестранцем, с ним всегда его ум, которого ему достаточно; это подобно тому, как со львом, где бы он ни находился, всегда его сила, при помоши которой он может жить всюду, куда бы ни отправился. Итак, старайся помочь себе всеми способами, достойным добра, и когда сделаешь это, то добро само придет искать тебя, как вода стремится к скатам и птицы водяные к воде. Счастье создано только для зорких, благоразумных, разыскивающих, а что до лентяев, нерешительных, колеблющихся и полагающихся на других, то редко благодеяние сопутствует им. Так и молодая женщина не ищет пользы от дружбы со стариком.

Пусть же не печалит тебя то, что ты, по твоим словам, имела деньги, а утром оказалась неимущей. И деньги и прочие блага жизни скоро приходят, когда приходят, и быстро уходят, когда уходят, как мяч, который скоро поднимается и скоро же падает. Сказано: вещи, в коих нет твердости и постоянства, таковы: тень обла-ков, дружба со злыми, женская любовь, ложная хвала и большое богатство. Нет радости умному в большом богатстве, ни печали в малости его. Но богатство его — его ум и совершенные им добрые дела. Он может быть уверен, что не похитят от него того, что он совершил, и не наложат на него ответственности за то, что он не

сделал. Он не должен выказывать беспечности к делам будущей жизни и к запасам добрых деяний для нее. Внезапно придет смерть, и никому не известно это время. Ты не нуждаешься больше в моих увещаниях и видишь то, что тебе полезно. Однако я намерена удовлетворить твои права: ты наша сестра, и тебе будет оказано все, что в наших силах.

Услышав, как ответила черепаха крысе, ее ласковое обращение и красоту слов, ворон обрадовался, повеселел и сказал: — Ты обрадовала и осчастливила меня и заслужила и сама такую же радость, которую ты доставила мне за крысу. Ведь наиболее сильной радостью, почетной жизнью и доброй славой обладает тот, в чьем доме постоянно теснятся братья и друзья из хороших людей, около которого всегда толпятся они, так что он радует их, а они его, и он находится впереди их нужд и дел. Когда спотыкается благородный, он оправляется только при помощи благородного, подобно слону: если он завязнет в грязи, то извлекут его только слоны. Умный не замечает благодеяний, совершенных им, хотя бы и великое множество было их; и если он даже рискует собой и с опасностью бросается на разные добрые подвиги, он не видит в этом вреда, напротив, он знает, что он только меняет тленное на вечное и покупает на малое великое. Самые счастливые те, у кого более всех ищут защиты, просят и достигают желанного, а того, в чьем богатстве никто не участвует, не считут богатым.

Во время этой речи ворона вдруг приблизилась к ним бегом газель. Ворон, крыса и черепаха испугались. Черепаха прыгнула в воду, крыса ушла в нору, а ворон взлетел и сел на дерево. Газель подошла к воде, попила немного и потом встала, озираясь в страхе. Ворон поднялся ввысь посмотреть, не следует ли кто-нибудь за газелью, осмотрел все стороны, но не увидел ничего. Тогда он стал звать черепаху выйти из воды и сказал крысе: — Выходи, здесь нет ничего опасного. — И вот собрались опять ворон, крыса и черепаха на своих местах. Черепаха сказала газели, увидя, что та смотрит в воду и не пьет: — Пей, если ты жаждешь, и не бойся и не страшись. — Газель приблизилась к ним. Черепаха

поздоровалась с ней, приветствовала ее и сказала: — Откуда пожаловала? — Газель ответила: — Я когда-то бывала в этих степях, и всадники, не переставая, гоняли меня с места на место. Сегодня я увидела старца и побоялась, что он охотник, почему и подошла со страхом.

Черепаха сказала: — Не бойся, мы никогда не видели здесь охотников. Мы предоставим тебе нашу любовь и наше место, а пастбище от нас недалеко. — Газель wollte желала подружиться с ними и осталась там. А у них был шалаш из кустарника, куда они приходили каждый день и где они собирались, забавляясь рассказами, которыми они обменивались между собой. И вот однажды ворон, черепаха и крыса сошлись там в свое время, а газели не было. Они подождали час, но так как та все медлила, они испугались, что постигла ее какая-нибудь беда, и сказали ворону: — Слетай, посмотри, не увидишь ли газель где-нибудь поблизости. — Ворон взлетел, посмотрел и вдруг увидел газель, запутавшуюся в тенетах охотника. Он поспешил прилететь и сообщил это крысе и черепахе.

Черепаха и ворон сказали крысе: — В этом деле не на кого надеяться, кроме тебя; помоги нашему брату. — Крыса поспешила побежала, добралась до газели и сказала: — Как попалась ты в эту беду, ты, такая проницательная?

Газель сказала: — Разве проницательность ограждает от скрытой судьбы, которая не видна и от которой не убережешься?

Во время их разговора к ним подошла черепаха, и газель сказала ей: — Напрасно ты пришла сюда. Когда придет охотник, то, если крыса кончит разгрызать мои веревки, я обгоню его бегом, у крысы много норок для убежища, а ворон улетит; но ты тяжела для того, чтобы бежать, и я за тебя боюсь охотника.

Черепаха сказала: — Нельзя считать жизнью разлуку с любимым. Лишь встреча брата с братом помогает переносить тревоги и успокаивает в несчастьи. Тогда открывает один другому свое горе и печаль, а при разлуке друзей гибнет сердце, неуместной делается радость и затягивается покровом взор.

Не окончилà еще черепаха своей речи, как показался охотник. Но крыса как раз покончила с тенетами, и вот спаслась газель бегством, улетел ворон, а крыса забралась в нору. Когда он пришел к своим тенетам и увидел их разорванными, он удивился, начал смотреть вокруг, но не увидел никого, кроме черепахи. Он взял тогда и завернул ее в свои сети.

А газель, ворон и крыса не замедлили собраться. Они следили за охотником и вот увидели, как он взял черепаху и связал ее веревками. Сильна стала тогда их печаль, и крыса сказала: — Подумать только, едва мы перевалили через одно несчастье, как попали в другое, худшее! Правильно сказано: человек устойчив, пока не споткнется, а если споткнется на рыхлой земле, то всегда будет его тянуть споткнуться и на месте ровном. И моя судьба, разлучившая меня с моей семьей, имуществом, родиной и страной, не удовольствовалась этим, но лишила еще всего того, чем я жила — общества черепахи, лучшей из друзей, дружба коей не покоится на искации награды или воздаяния, но является дружбой благородной и верной, превосходящей любовь отца к детищу, дружба, прекратит которую только лишь смерть. О это тело, всегда сопровожданное несчастьями! Оно не перестает меняться и изменяться, и нет у него ничего постоянного и ничего прочного, как не вечен для восходящего светила его восход и для заходящего его закат, но меняются они, и делается восходящее светило заходящим и заходящее восходящим, восток западом и запад востоком. Эта грусть напоминает мне былья печали, как зажившая рана, которую поразил удар, ибо соединяются тогда два страдания: боль удара и боль потревоженной раны. То же бывает и с тем, у кого растревожены раны при утрате братьев, с которыми раньше он был вместе.

Ворон и газель сказали крысе: — Хотя и сильна наша печаль и твоя речь, но в ней нет пользы для черепахи. Оставь же это и приступи к поискам выхода для нее, ибо сказано: храбрые познаются в битве, надежные — в займе и уплате, семья и дети — в беде, а друзья — в несчастии. — Крыса сказала: — Явижу такое средство. Ты побежишь, о газель, и когда будешь

близко от дорожки охотника, то ляжешь неподвижно, как будто раненая. На тебя спустится ворон, как бы поедая тебя, я же последую за охотником и буду недалеко от него. Я надеюсь, что, увидев тебя, он оставит свой лук, стрелы и черепаху и поспешит к тебе. А когда он приблизится к тебе, ты отбежишь, прихрамывая, так что желание его поймать тебя не пропадет. Ты будешь поддаваться ему несколько раз, так что он то приближится к тебе, то ты отдалишь его насколько можешь. Я же надеюсь, как только охотник уйдет, разгрызть сеть, опутывающую черепаху. Тогда уйдем мы с ней и вернемся на наше место.

Газель и ворон так и сделали. Они действовали совместно и долго мучили охотника, пока он не вернулся назад, а крыса тем временем разгрызла сети черепахи, и они убежали все вместе. Когда же охотник пришел и нашел сеть разорванной и раздумвал о хромавшей газели и вороне, который будто бы ел газель, а на самом деле нет, и о неподвижном лежании ее перед этим, он испугался и сказал: — Не иначе, это земля духов или чародеев. — И он вернулся обратно, ничего не желая и ни на что не обращая внимания. А ворон, газель, черепаха и крыса отправились, спокойные и довольные, в свой шалаш. Такова притча о взаимной помощи братьев.

ГЛАВА О СОВЕ И ВОРОНЕ

арь Дабшалим сказал философи Бейдебе: — Ты рассказал мне притчу о чистых братьях, взаимно любивших и помогавших друг другу; скажи мне, если угодно, притчу о враге, которым не подобает обольщаться, хотя и показывает он добреое лицо и смиренность во внешности.

Философ сказал:

— Кто обольщается врагом хитрым и известным своей враждебностью, того постигает то, что постигло воронов.

Царь сказал: — А как это было?

Философ сказал: — В некоей стране на одной из гор росло огромное дерево, самое большое из всех крупных деревьев, ветвистое и густолиственное. На нем было гнездо тысячи воронов, которые имели царя из своей же среды. На той же горе находилось обиталище тысячи сов, также имевших царя из своего числа. Однажды ночью царь совиний начал открыто вражду, не прекращавшуюся между совами и воронами. Он напал на

них со своими совами и многих убил, а многих ранил. Утром царь воронов собрал их и сказал: — Вы видите, чем кончилось это для вас и для сов? Сколько из вас оказалось утром убитыми, ранеными, с ощипанными головами, крыльями и хвостами! Особенno заботит меня их жестокость и то, что они знают местопребывание ваше, смелы, как вы это испытали, и не могут оставить вас без внимания. Будьте же бдительны в ваших делах и не выказывайте поспешности.

А в их числе было пять воронов, прославившихся своим совершенным умом; им вороны поручали свои дела и отдавались под их защиту в своей беде. Царь советовался с ними и пользовался их мнением. Он сказал одному из них: — Что ты думаешь об этом деле?

Ворон сказал: — Это мнение уже испытано до нас: не найти средств против злобного, невыносимого врага, против коего нет никакой хитрости, кроме бегства от него.

Царь сказал второму: — Каково твое мнение?

Он сказал: — Что до бегства, которое посоветовал этот, то недостойно, по-моему, покинуть нашу страну и родину и при первом несчастьи, постигшем нас, покориться врагу. Соберем лучше свои силы и приготовимся к борьбе с ним. Разошлем соглядатаев, которые будут следить за нашими с ним отношениями, и будем остерегаться повторного нападения и его снаряженности. И если выступит против нас враг, встретим его приготовленными к битве и сразимся с ним в схватке, где сойдутся наши и его ряды. Будем бдительны к нему чрезвычайно и отстраним бой, пока не улучим удобный и желанный момент. А если это нам не удастся, то бежим, и останется тогда у нас надежда на оправдание.

Царь сказал третьему: — Каково твое мнение?

Тот сказал: — Я не согласен с тем, что сказали эти двое. Но я хочу, чтобы ты внушил проницательность разведчикам и лазутчикам, действующим между нами и врагом, дабы мы разведали и узнали, желает ли он помириться или получить с нас подать. И если мы увидим, что пред нами опасность великая, то я не против того, чтобы помириться с ними на уплате подати и отстранить тем от нас зло и предаться покою на

своей родине. Если так сильна стала храбрость, что боятся цари своей гибели, разорения страны и смерти подданных, тогда они должны решиться деньгами защитить себя, страну и народ.

Царь сказал четвертому: — Что ты думаешь об этом мире?

Тот сказал: — Я не считаю это правильным мнением. Нет! Оставить родину и претерпеть изгнание и тяготы жизни лучше, чем поступиться своей честью и смириться пред врагом, которого мы превышаем достоинством и благородством. Кроме того, я знаю, что если мы и предоставим это врагу, он не удовольствуется, но предъявит новые чрезмерные требования. Сказано: приблизься несколько к врагу, чтобы добыть нужное тебе, но не приближайся к нему совсем, дабы не напал на тебя твой враг, и не оказались слабыми твои воины, и не покорился бы ты ему. Это похоже на столб, поставленный против солнца: если ты склонишь его немного, увеличится его тень, а если ты склонишь его до предела — тень убавится. Враг наш не удовлетворится сближением незначительным, а поэтому решением нашим должны быть война и выносливость.

Царь сказал пятому: — Как ты думаешь, надо ли нам биться, мириться или оставить страну?

Тот сказал: — Что до битвы, то нельзя биться с тем, с кем нам не справиться. Сказано: кто не знает ни себя, ни своего врага и бьется с тем, кто ему не под силу, тот причиняет муки самому себе. Умный не станет преуменьшать силы своего врага. А кто сделает это, тот обманется, а кто обманется, тот не уцелеет. Мы очень боимся сов, хотя бы они и отказались от битвы с нами, а я боялся их уже до этого столкновения. Ведь благоразумный не считает себя безопасным от врага ни в каком положении. Если враг далеко, он не уверен в том, что тот не возвратится; если он близко — он не безопасен от его нападения. Если враг показался открыто, он не чувствует уверенности, что его отгонят и свяжет, а если враг одинок, он не видит себя неуязвимым для его коварства. Наиболее проницателен тот, кто не домогается чего-либо битвой, но помимо нее находит

средства. Прежде всего тратится в войне живая душа, в прочих же вещах — деньги либо разговоры. Итак, не след тебе решаться на битву с совами. Кто бьется с сильнейшим себя, тот изменяет самому себе.

Царь сказал: — Итак, ты не желаешь войны. Но что же, ты думаешь, следует делать? — Тот сказал: — Советуйся, совещайся. Царь, советующийся, совещающийся, приобретает в наставлениях, полученных от бесед с мудрыми, такую победу, которую не дадут ему ни войско, ни битва, ни обильное вооружение. Совещаниями, беседами и мнениями осторожных везиров царь укрепляется так же, как море теми водами, что реки приносят ему. Благоразумный знает, что доступно ему и его врагу, удобный момент для битвы с врагом и направления его мысли и козни его. Он все время представляет в своем уме события, одно за другим, обдумав предварительно и желания своих помощников, помощью коих он пользуется, и средства, которыми он располагает. А кто и сам не умен настолько и кому не у кого из умных везиров принять совет, тот не замедлит погубить свое дело, если судьба даже и предоставит ему удачу. Назначенное счастье недается ни глупцам, ни расчетливым, но доверяется умным, прислушивающимся к мудрецам. А ты, о царь, именно таков! Ты посоветовался со мной, и я желаю дать тебе ответ — в одном тайно, в другом — явно. То, что я не пропустишь тебе открыть, состоит в следующем: как я не являюсь сторонником войны, так и не стою за покорную уплату подати и удовлетворение врага с унижением навек. Благородный мудрец предпочтет умереть, стойко защищаясь, чем жить позорно и бесславно. Я думаю, что тебе надлежит не откладывать рассмотрение дела и не отвлекаться от него, считая его маловажным. Запоздание и беспечное отношение — вершина слабости. А что до того, что я хочу передать тебе скрыто, то пусть останется онотайной. Ведь сказано: цари побеждают благоразумием, благоразумия достигают они выработкой решения, решение же достигается охраной тайн или бдительностью к посланцам, прислушивающимся к речам, или через наблюдающих последствия и результаты дела, или сравнением и гаданием. Кто умеет хранить тайну свою,

у того от этого возможны два последствия: либо торжество над тем, что он желает, либо предохранение себя от его вреда и изъяна, если он ошибется. Тому, кто имеет тайные мысли, необходимо иметь помощника, которому можно было бы безопасно доверить их и который помог бы принять решение. И если даже принимающий совет совершеннее разумом советника своего, он еще более укрепится умом чрез разум того, как огонь разгорается сильнее от масла. А советнику надлежит находить общий язык с принимающим совет в доказательствах правильности мнения своего, ласково показывать ему ошибки, если тот их совершил, и проявлять гибкость ума, выясняя темные вопросы, пока они не сойдутся в своих мнениях. Если же советник не таков, то он по отношению к принимающему совет и его врагу займет место того, кто заклинал шайтана, чтобы послать его на человека, но так как не справился с заклятием, то окутал его мрак и был захвачен он сам. А если царь сумеет скрыть тайные мысли, будет разборчив в везирах, грозен в сердцах народа и непроницаем в своих настроениях, если ни у кого не пропадет благое стремление, как у меня, если от него не спасется враг осторожный, если он будет расчетливым, не скучающимся в тратах, но и не совершающим излишеств, тогда он окажется способным сохранить у себя то полезное, чем одарен. Тайны бывают разных степеней: в одни из них посвящаются несколько, в другие — двое, а в третьих прибегают к помощи многих. В этой жетайне, судя по степени ее, я думаю, могут участвовать только четыре уха и два языка.

Царь встал, остался с ним наедине и приступил к совещанию. Он его спросил, между прочим, так: — Не знаешь ли ты, как началась вражда между нами и совами? — Тот сказал: — Да, чрез одно слово, произнесенное вороном.

Царь сказал: — Как же это было?

Притча. Ворон сказал: — Говорят, что у одной стаи птиц не было царя. И вот они собрались к сове, чтобы избрать ее царем. Во время их собрания вдруг прилетел к ним ворон, и одна из птиц сказала: — Разве вы не видите этого ворона? Давайте посоветуемся с

ним о нашем деле. — Ворон подошел к ним, и они стали с ним советоваться. Ворон сказал: — Если бы постигла гибель всех птиц, и пропали бы павлин, журавль, утка и голуби, так и то не было бы у вас необходимости выбрать себе царем сову, самую гадкую из птиц видом и самую скверную своими внутренними качествами, самую слабоумную, злую и бессердечную птицу, наделенную, кроме того, болезнью и слепотой во время дня. Самые скверные недостатки ее — скудоумие и злоравие. Смотрите, не избирайте ее царем, но обойдитесь как-нибудь без нее. Будьте похожи на зайца, который утверждал, будто луна — его царь, и смастерили собственным умом послание от нее.

Птицы сказали: — Как же это было?

Притча. Ворон сказал: — Говорят, что в одной земле, населенной слонами, случился ряд бездождных годов. Началась засуха, уменьшилась вода и иссякли источники. Тогда охватила слонов сильная жажда, и они пожаловались на это своему царю. И послал царь послов и ходоков во все стороны на поиски воды. Часть из них вернулась и сообщила, что в таком-то месте найден ими источник, называемый «лунный», обильный водой. Царь отправился вместе со своими слонами к этому источнику на водопой. А земля та была землей зайцев, и вот потоптали слоны зайцев в норах и убежищах их. Тогда зайцы собрались к своему царю и сказали: — Ты знаешь то, что постигло нас от слонов. Позаботься же о нас до их возвращения. Ведь они вернутся на водопой и погубят нас.

Царь сказал: — Пусть каждый из вас, у кого есть какое-нибудь мнение, выскажет его. — Выступил тогда один заяц-самец, который был известен царю своей образованностью и умом. Он сказал: — Если царю угодно, то пусть он пошлет меня к слонам и со мною еще одного посланца надежного, чтобы тот видел и слышал то, что я скажу и сделаю, и сообщил об этом царю.

Царь зайцев сказал: — Ты надежен в моих глазах, и мы довольны тобой и твоим умом и верим твоим словам. Иди же к слонам, сообщи от моего имени, что хочешь, и поступи согласно своему мнению; но знай, что по послам и их разуму судят об уме пославшего и о

состоянии его дел. Тебе надо быть мягким и любезным, ибо послы смягчают сердца, когда они обходительны, и ожесточают их, если проявляют грубость. — И отправился заяц лунной ночью и добрался до слонов. Он не хотел приблизиться к ним, боясь, что они его растопчут, сами того не желая. Он поднялся на холм и закричал: — О царь слонов! Послала меня к тебе луна. А послы выслушивают не осуждая, хотя и жестка его речь.

Царь сказал: — Каково же послание?

Фируз * сказал: — Говорит луна: «Кто знает превосходство силы своей над слабыми и кичится этим пред сильными, тому будет его сила гибелью. Ты знаешь превосходство силы своей над животными, и это ввело тебя в заблуждение и относительно меня. Ты направился к источнику моему, носящему мое имя, пил воду его и загрязнил и замутил ее своими слонами. И вот я предупреждаю и предостерегаю тебя, что если ты это повторишь, то я затемню твой взор и погублю тебя. А если ты усомнишься в послании моем, то иди сейчас же к источнику, и я там встречусь с тобой».

Царь слонов удивился словам Фируза и отправился с ним к источнику. Он взглянул в него и увидел там свет луны. А Фируз ему и говорит: — Набери в хобот воды, умой себе лицо и поклонись луне. — Когда царь слонов погрузил свой хобот в воду и взволновал ее, то свет луны показался как бы трепещущим. Он сказал Фирузу: — Что с царем? Не думаешь ли ты, что он гневается на то, что я опустил хобот в воду? — Тот сказал: — Да. Поклонись же ему. — Слон поклонился луне в землю, раскаялся в своем поступке и дал слово, что не придет больше к этому источнику ни он, ни один из слонов его.

Ворон сказал: — Еще, кроме сказанного, у совы такие недостатки: коварство, злоба и обман. Худший из царей тот, кто обманывает, а кто подчиняется власти обманщиков и предоставляет им править собой, того постигает то, что постигло птицу Сифрид и зайца, допустивших власть над собой кошки-постницы.

* *Фируз* (Билюза) — имя зайца только в арабской и сирийской версии; в «Панчтантре» он называется другим словом, которое значит «длинноухий».

Царь сказал: — Как же это было?

Прич а. Ворон сказал: — Жил у меня один брат — птица Сифрид * у подошвы горы. Гнездо его было недалеко от дерева, на котором находилось мое жилище, и мы часто встречались и сходились по соседству. И вот как-то потерял я его и не знал, куда он делся. Он долго скрывался, так что я уже подумал, что он погиб. Один заяц пришел на его место, не знаю, что он там делал. Он пробыл там некоторое время, а потом Сифрид вернулся к себе, увидел там зайца и сказал: — Это мое место, убирайся отсюда! — Заяц сказал: — Жилище в моих руках, а ты на него притязаешь. Если у тебя есть права, то ищи против меня защиты.

Сифрид сказал: — Это мое место, и у меня есть на это доказательство.

Заяц сказал: — Придется обратиться к судье.

Сифрид сказал: — Недалеко от нас, на берегу моря, живет одна кошка-подвижница. Она молится весь день, не обижает ни одного животного и не проливает крови. Она вечно постится и разговляется только водой и травой. Пойдем сегодня ночью к ней, я буду судиться с тобой. — Заяц сказал: — Хорошо! — И они отправились вдвоем, а я последовал за ними, чтобы посмотреть на эту постницу, как она рассудит между ними. Прибыв к кошке, они рассказали свою историю.

Кошка сказала: — Постигла меня старость, и заложило мне уши. Я почти не слышу. Подойдите ко мне и дайте мне послушать вблизи. — Они повторили свои слова. Она сказала: — Я поняла ваш рассказ. Я начну с наставления, прежде разбора вашего дела.

Не стремитесь ни к чему, кроме истины. Тот, кто стремится к истине, достигает желаемого, хотя бы и был суд против него, а следующий лжи — бывает побежден в споре. Нет у обитателя здешнего мира из благ его ни денег, ни друга, кроме совершенных им добрых дел. Умному надлежит стараться искать то, что сохранится у него и вернется с пользой, а все остальное — презирать. Деньги для него должны быть тем же, что и глина, а женщины неукротимые — ехиднами.

* Птица Сифрид — один из видов соловья.

Люди же в отношении добра, которого он им желает, и зла, коего он им не хочет, — то же, что и он сам. — И так она не переставала повествовать, а они все слушали и приближались к ней, как вдруг прыгнула она к ним, схватила и убила их обоих.

Ворон сказал: — А сова к описанному мною присоединяет еще вероломство и хитрость. Не примите же решения сделать ее царем. — Птицы вняли словам ворона и не избрали сову царем.

И сказала сова ворону: — Ты причинил мне большой вред. Я не знаю, разве причиняла я и тебе какое-либо зло, которым я заслужила это поведение твое. Если нет, то знай, что деревья, обрубленные топором, растут и оправляются, мясо и кости, иссеченные мечом, застают и затягиваются, но раны, нанесенные языком, — не заживают. Острие стрелы скрывается в глубине тела и потом извлекается. Слово похоже на острие, но когда оно доходит до сердца, — то не достать его и не извлечь. У каждого пламени есть свой гаситель: у огня — вода, у яда — лекарство, сближение — у любви и терпение — в печали. Но пламень злобы — неугасим. И вы, вороны, навсегда посадили между нами дерево злобы.

Сова произнесла в гневе эти слова и ушла обиженней. А ворон раскаялся в своей излишней пылкости и сказал в душе своей: — Я был груб в слове и навлек этим вражду на себя и свой народ. Я не более птиц имел право на эти слова и не более их должен был заботиться об их царе. Может быть, многие из них уже видели то, что видел я, и знали то, что я знал, но воздерживались говорить об этом лишь из боязни и предвидения тех последствий, коих я не боялся и не предвидел. Не говоря уж о словах, направленных лично, и ту речь, в которой приводятся слушающему вещи, для него неприятные и оставляющие скрытую ненависть и злобу, не следует называть речью, но ядом. Пусть умный убежден в своих словах и их совершенстве, все-таки это не должно побуждать его навлекать на себя вражду и ненависть из-за уверенности в своем уме и силе, как равно умный, хотя и имеет противоядие, не станет пить яд, полагаясь на это средство свое. Достоинство при-

надлежит лишь людям благих деяний. И хотя несовершенно их мимолетное слово, обнаружится их достоинство на опыте и последствиях дела. Красноречивый, хотя и восхищает непроизвольностью и красотой образов своих слов, однако не похвалят его после дела. А я виновник слов, для которого не существует последствий, и не по глупости ли отважился я на обсуждение важного дела, ни с кем не посоветовавшись и не обдумав его несколько раз. Я знаю, что, кто не советуется с умными друзьями, не один раз исследовав и обдумав свое дело, тот не скроет недостатков своего ума. Как не нужно было мне то, что я сегодня получил, и то, что со мной произошло! — И порицал ворон себя за это, а потом улетел.

— Вот причина начала войны между совами и воронами, о которой ты меня спрашивал.

Царь сказал: — Я понял это. Расскажи теперь то, что нам нужнее, открай свое мнение и скажи, как ты думаешь, нам следует поступить с совами.

Тот сказал: — Что до войны, то я уже сообщил об этом свое мнение и высказал свое неодобрение ее. Я надеюсь, что смогу путем какой-нибудь хитрости найти выход. Часто люди, изобрея хитрый план в каком-нибудь трудном деле, достигают того, что им нужно, хотя раньше они не могли одолеть этого и многими усилиями, подобно тем, которые строили козни благочестивцу, пока не увели его козленка.

Царь сказал: — Как же это было?

Причая. Говорят, что один благочестивец купил толстого и жирного козленка, чтобы принести жертву. Он отправился, ведя его домой. Несколько злоумышленников увидели его и решили обмануть. Один из них подошел к нему и сказал: — Эй, благочестивец! Что это у тебя за собака? — Потом явился второй и сказал: — Эй, благочестивец! Я полагаю, ты хочешь охотиться с этой собакой? — Потом подошел третий и сказал: — Этот человек в одежде благочестивца — не благочестивец, ведь тот не будет водить собак! — Тогда благочестивец сказал: — Может быть, продавец заколдовал мои глаза? — Он бросил и оставил козленка, а те взяли и поделили его между собой.

— Я рассказал тебе эту притчу только потому, что надеюсь достичь того, что нам нужно, обманом. План таков. Пусть царь выкажет гнев против меня и отдаст приказ относительно меня пред войском. И пусть меня колотят и бьют, пока я не окрашусь кровью. Потом вырвут у меня перья и хвост и бросят меня у подножия дерева. А царь с войском своим пусть перейдет туда-то, пока я исполню свою хитрость, а потом совершу все дело, как знаю.

Все так и сделали, и царь перешел вместе с воронами в указанное место. Сова прилетели ночью и не нашли воронов, а ворона, лежавшего у подножия дерева, они не заметили. Тот испугался, что они уйдут, не увидя его, так что окажется мучение им самого себя напрасным. Он начал тихонько шуметь и стонать, пока не услышала это одна из сов. Увидев его, совы сообщили о нем царю, и он направился к нему, окруженный совами, чтобы спросить относительно воронов. Приблизившись, он приказал одной сове спросить его, кто он и где остальные вороны. Ворон сказал: — Я такой-то, сын такого-то. А что до вопроса твоего относительно других воронов, то не думаю, что ты видишь меня в положении знающих тайны.

Царь сов сказал: — Это везир царя воронов и его советник. Спросите его, за какой проступок с ним это сделали?

Ворон сказал: — Они сочли безрассудным мое мнение и вот так поступили со мной.

Царь сказал: — В чем же это безрассудство?

Ворон сказал: — После того, что случилось у нас с вами, царь наш посоветовался с нами и сказал: — О вороны! Как ваше мнение? — Я был уже осведомлен в деле и сказал: — Я полагаю, что вы не в силах вести войну с совами. Они сильнее вас и мужественнее сердцем. Решение ваше должно свестись к двум вещам: просить мира и дать выкуп. Если они согласятся на это, то хорошо, а если нет, то вы убежите в глубь страны. — Я сказал воронам, что война их с вами выгодна для вас и зло для них и что мир самое лучшее, чего они могут достичь от вас. Я указал им смириться и привел пример на это, сказав так: «Покориться надо сильному

врагу, мужества и гнева которого не отвратить. Разве не видите вы, что трава спасается от бурного ветра только тем, что склоняется и пригибается туда, куда гнется». Но они рассердились на мои слова и утверждали, что желают войны. Они заподозрили меня и сказали: «Нет!» Они отвергли мой план и совет и вот как наказали меня.

Когда царь сов выслушал то, что сообщил ворон, он сказал одному из своих везиров: — Какого мнения ты об этом вороне? — Тот сказал: — Нечего о нем и раздумывать, а поспешить убить. Он один стоит многих воронов, и, убив его, мы совершим большую победу и обезопасим себя от его ума и козней. Утрата его для воронов будет очень тяжела. Сказано: кто получил возможность исполнить важное дело, но упустил ее, тот не сможет сделать этого второй раз. Кто ищет удобного момента для какого-нибудь дела, и случай ему представляется, но он ничего не делает, — пропало его дело, и не вернется больше этот момент. Кто нашел врача покинутым, беззащитным и не избавился от него, тот раскается в этом, когда будет искать его и приготовится, но не одолеет.

Царь сказал второму везиру: — Что ты думаешь об этом вороне? — Тот сказал: — Думаю, что только не следует его убивать. Враг слабый и безоружный достоин того, чтобы к нему проявили милосердие, остали и простили его. Тот, кто робко ищет защиты, заслуживает получить безопасность и приют. Кроме того, иногда нечто совсем незначительное наполняет страданием человека к своему врагу, подобно тому, как вор сделал благосклонной к купцу его жену, сам того не предполагая.

Царь сказал: — Как же было это?

П р и т ч а . Везир сказал: — Говорят, что жил один очень богатый купец, непривлекательный, однако, для женщин. У него была молодая жена-красавица, которую он страстно любил, но она его ненавидела и не давала ему себя обнять или удовлетворить другие нужды. Купец знал то, что у нее в душе, но только еще больше проникался к ней любовью. Раз ночью забрался к нему в дом вор. Когда он вошел, то купец спал, а

жена нет. Испугавшись вора, она бросилась к мужу и обняла его. Пробудившийся от ее объятий купец сказал: — Откуда эта милость? — Но, увидя вора, он понял, что это страх пред ним побудил жену его на это. Он позвал вора и сказал: — Эй, вор! Разрешается тебе взять из моих денег и пожитков сколько тебе угодно. Это благодаря твоей услуге сизошла жена до объятий со мной.

Затем царь спросил третьего везира о вороне. Тот сказал: — Я полагаю, что тебе следует оставить ему жизнь и хорошо обращаться с ним. Он достоин быть твоим искренним другом. Умный считает великой победой вражду одного его противника с другим. Когда два врача займутся друг другом, вступив между собой в спор, в этом можно найти спасение, подобно тому как благочестивец спасся, пока препирались разбойник с шайтаном.

Царь сказал: — А как это было?

П р и т ч а . Везир сказал: — Говорят, что некий благочестивец получил от одного человека дойную корову и отправился с ней, ведя ее домой. А за ним следом шел разбойник с намерением ее украсть. С ними появлялся шайтан в образе человека. Разбойник сказал шайтану: — Кто ты? — Тот сказал: — Я шайтан; я хочу последовать за этим благочестивцем и, когда заснет народ, схватить его и задушить. — Разбойник сказал: — А я хочу проникнуть к нему в дом, чтобы выкрасть корову. — Они пошли вместе и вечером дошли с благочестивцем до его дома. Благочестивец вошел в дом и ввел туда же корову. Потом он поужинал и лег спать. А разбойник испугался, что если шайтан первым возьмет благочестивца, прежде чем он — его корову, то закричит благочестивец и соберется на голос его народ, и не сможет он украсть корову. Он сказал ему: — Подожди, пока я выведу корову, а потом ты займешься с благочестивцем. — Но шайтан побоялся, что если разбойник начнет первым, то заметит это кто-нибудь, разбудит благочестивца, и ему не удастся его захватить. Он сказал: — Подожди, я возьму благочестивца, а потом делай, что знаешь, с коровой. — И никто из них не соглашался с другим. Они не переставали так препи-

раться, пока не закричал разбойник благочестивцу:
— Проснись! Эй, благочестивец! Этот шайтан хочет тебя схватить. — А шайтан закричал: — Проснись! Эй, благочестивец! Этот разбойник хочет украдь твою корову. — Тогда на их крик пробудился благочестивец вместе с соседями и спасся от них. И они не смогли, таким образом, исполнить свое намерение и убежали, мерзкие, ни с чем.

Когда третий окончил свою речь, первый, советовавший убить ворона, сказал: — Я вижу, что вас ввел этот ворон в заблуждение и провел своими словами и смиренностью. И вы хотите пренебречь умом и рискнуть на опасное дело. Но не спешите с таким решением. Присмотритесь к умным, знающим и свои и чужие дела, как бы не отрешили они вас от намерений ваших. Не будьте теми слабоумными, которые обманываются слухами, более доверяя им, чем вы тому, что знаете, или как тот плотник, который счел ложью то, что видел и знал, и правдой то, что услышал; он обманулся и был введен в заблуждение.

Царь сказал: — Как же это было?

П р и т ч а. Везир сказал: — Говорят, что у одного плотника была жена, которую он любил. А к ней был привязан один человек. Это подсмотрел кто-то из близких плотнику и сообщил ему. Но он захотел удостовериться в этом и сказал как-то своей жене: — Я хочу уйти в деревню за несколько фарсахов на работу для правителя и пробуду там несколько дней. Приготовь мне провизию на дорогу. — Жена обрадовалась и собрала ему провизию. Вечером он сказал ей: — Запирай крепче двери и береги дом, пока я не вернусь через несколько дней. — Потом он пошел, а она смотрела, пока он не ушел за двери. Затем, нагнувшись, он прошел в ее комнату, где стояла ее кровать, и забрался под нее. А жена послала своему другу сказать: — Приходи, плотник ушел по делам и пробудет в отсутствии несколько дней. — Тот человек пришел, и она накормила и напоила его. Потом он положил ее на кровать, и они долго занимались своим делом, так что одолела плотника дремота и он заснул. И вот высунулись его ноги из-под кровати. Жена заметила это и убедилась, что

дело плохо. Тогда она тихонько сказала тому человеку: — Возвысь голос и спроси меня, люблю ли я тебя или своего мужа. — Тот ее спросил, о чем она его просила, и она ответила так: — О мой милый! Что побудило тебя задать этот вопрос? Разве ты не знаешь, что мы, женщины, ищем друзей только для удовлетворения наших желаний и не обращаем внимания на то, насколько они хороши, каков их нрав и вообще, что у них за дела. А когда мы удовлетворим с одним из них нашу потребность, он становится для нас таким же, как и все другие. Что же до мужа, то он как бы брат или отец, и да опозорит бог ту женщину, чей муж в ее глазах не стоит ее самой! Я не желаю слышать от тебя о нем второй раз. — Услышав это, плотник проникся нежностью к своей жене, заплакал и простил ее, уверившись в ее любви. Он не шевелился, не желая ее огорчить, и оставался на своем месте до утра, когда узнал, что друг ее ушел. Потом он вылез из-под кровати и нашел жену спящей. Он сел у ее изголовья и начал отгонять мух от нее, пока она не зашевелилась, как будто проснувшись. Он сказал ей: — О сердце моей души! Спи, ночь ведь ты бодрствовала. И если бы не нежелание причинить тебе зло, был бы у меня с этим человеком шум и большое дело.

— Я привел тебе эту притчу, лишь желая, чтобы ты не был, как этот плотник, который счел ложью то, что видел, и признал за истину то, что услышал от своей жены. Не верьте ворону на основании его слов и помните, что и много врагов не могут повредить противнику своему в удалении, пока он не захочет приблизиться и столкнуться с ними. Я никогда не боялся воронов так, как теперь, когда увидел этого ворона и услышал ваши речи о нем.

Но ни царь сов, ни остальные везиры не обратили внимания на его слова, и царь приказал перенести ворона на их место и оказывать ему ласку и добро.

Тогда сказал везир, советовавший его убить: — Раз уж ворон не будет убит, так пусть он будет на положении врага, зла коего боятся и с кем держатся настороже. Ворон хитер и коварен и, я думаю, попал сюда только ради своей пользы и нашего вреда. — Но царь

не обратил внимания на его слова и не переставал с почетом и хорошо обращаться с вороном. Ворон же, бывая у него, начал заговаривать с ним самыми ласковыми словами, которые только находил, а с совами, когда случалось ему оставаться с ними наедине, вел такие речи, от которых день ото дня увеличивалась в них привязанность к нему, сближение, дружба и доверие.

Как-то в один из дней, когда собирались у него совы, среди которых была и та, что советовала его убить, он сказал: — Пусть сообщит кто-нибудь из вас царю с моих слов, что вороны нанесли мне великую обиду, осрамив и наказав меня, и что сердце мое никогда не успокоится, пока я не получу от них то, что хочу. Но вот я обдумал это и нашел, что нет у меня на это сил: Ведь я ворон, и до меня дошло со слов некоторых приближенных царя, что тех, без кого царь может обойтись, он сжигает огнем, принося этим богу великую жертву, и что о чем бы он тогда ни помолился, все исполнится ему. И вот, если царь задумал сжечь меня, то я попрошу господа своего превратить меня в сову, дабы я мог отомстить своему врагу и утолить свою жажду, превратившись в сову.

Тогда сова, советовавшая его убить, сказала: — Твои слова, с их наружной добротой и скрытым злом, более всего походят на вино приятного запаха и красивого цвета, но в котором разведен яд. Разве ты думаешь, что если мы сожжем тебя огнем, то природа и сущность твоя сгорит вместе с тобой? Разве ты не обернешься в то, чем был, и не придешь к своей основе и природе, подобно мыши, нашедшей себе в мужья солнце, облачко, ветер и гору, но оставившей их всех и вышедшей замуж за крысу?

Сову спросили: — Как же это было?

Притча. Она сказала: — Говорят, что один богомольный благочестивец был угоден богу своими молитвами. Однажды, когда он сидел на берегу реки, пролетел над ним коршун, держа мышонка в своих лапах. И упал этот мышонок около благочестивца, который проникся к нему жалостью, взял его, завернул в рукав и захотел снести домой. Но потом он побоялся, что семье будет трудно его воспитать, и попросил господа

превратить его в девушку. И вот дана была ему прекрасная и красивая девочка, с которой благочестивец и направился домой. Он сказал жене: — Это моя дочь, обращайся с ней так, как со своими детьми. — Жена так и поступила, и вот достигла девушка двенадцати лет. Тогда благочестивец сказал ей: — Эй, дочурка! Ты уже на возрасте, и нужен тебе муж. Выбери же себе кого хочешь из людей или духов, и я выдам тебя за него. — Она сказала: — Я хочу сильного и крепкого мужа. — Он сказал: — Может быть, ты хочешь выйти замуж за солнце? — И сказал солнцу: — Эта красивая девушка для меня как бы дочь. Я хочу выдать ее за тебя замуж, так как она ищет сильного, могучего мужа. — Солнце сказали: — Я укажу тебе на более сильного, чем я, — это облако, которое закрывает мой свет и одолевает меня. — Благочестивец отправился к облаку и сказал ему то же самое. Облако ответило: — Я укажу тебе на того, кто сильнее и крепче меня, — это ветер, который гоняет меня назад и вперед. — Благочестивец пошел к ветру и сказал ему те же слова. Ветер сказал: — Я укажу тебе на более сильного, чем я, — это гора, которую я не могу сдвинуть. — Благочестивец отправился к горе и обратился к ней с такими же словами. Гора ответила: — Я укажу тебе на того, кто еще сильнее меня, — это крыса. Она подкапывает меня, а я не могу от нее освободиться. — Благочестивец сказал крысе: — Не женишься ли ты на этой девушке? — Та сказала: — Как я женюсь, ведь я такая маленькая, и нора моя тесна. — Девушка попросила тогда благочестивца помолиться богу, чтобы он превратил ее в мышь. Тот согласился, помолился богу, и обратилась девушка в мышь, вышла замуж за крысу и вернулась таким образом к своей природе.

— Вот притча на тебя, обманщик. — Но ни царь, ни другие совы не обратили внимания на эти слова и так же ласково обходились с вороном; они только и желали оказать ему почет, так что он подружился с ними, покрылся перьями, разжирел и поправился. Он узнал то, что хотел узнать, и высмотрел то, что желал высмотреть. Потом он возвратился тайно к воронам и сказал их царю: — Порадую тебя тем, что окончил то, что

желал выполнить. Дело теперь за вами. И если вы постараетесь и выкажете усердие в вашем деле, то покончено будет с царем сов и войском его.

Царь сказал: — Мы послушны тебе. Укажи, что нужно сделать.

Ворон сказал: — Совы находятся там-то. Днем же они собираются в таком-то месте горы. Я знаю место, где много сухих ветвей. Пусть каждый ворон снесет их, сколько может, к отверстию расселины, в которой собираются днем совы. Я прoberусь туда, возьму там огня, принесу его к отверстию расселины и брошу на собранные ветви. А вы тогда помогайте и неослабно бейте крыльями, поднимайте ветер и раздувайте огонь, пока не загорятся ветви. Тогда те совы, что вылетят, сгорят, а оставшиеся задохнутся от дыма.

Они так и сделали, погубили сов, а потом вернулись на свою родину в целости и безопасности.

Затем царь воронов сказал этому ворону: — Как это ты вытерпел общество сов, ведь добрые не в состоянии дружить со злыми?

Ворон сказал: — Так и есть. Но когда умного постигает какое-нибудь трудное и тяжелое событие и он боится, что вред распространится на него и его соплеменников, то он не затруднится многое вытерпеть от него ради надежд, которые он возлагает на последствия. Он не замечает тогда страданий и не считается с достоинством своим, смиряясь перед тем, кто ниже его, пока не достигнет своей цели. А тогда он прославляет исход дела и радуется результатам своего ума и выносливости.

Царь сказал: — Сообщи мне, насколько совы умны.

Ворон сказал: — Я не нашел там умных, кроме разве той совы, которая побуждала меня убить. Они оказались слабее меня разумом, не рассмотрели моего дела и не вспомнили, что я занимал среди воронов высокое положение, считался умным. Они не боялись встретить у меня хитрость и обман. Тот благоразумный и искренний их друг, проникший в мои замыслы, высказал им мнение свое и давал совет, движимый любовью к ним, но они отвергли его мнение, не проявили ума и не приняли наставления умного. Они не выказа-

ли осторожности ко мне и не хранили своих тайн от меня. — Затем ворон сказал: — Царю следует беречь тайны свои и дела от того, кто внушает подозрение, да бы он не приближался к сокровенным и важным mestам и к хранилищам записей его, ни к воде, ни к водному, предназначенному для омовения его, ни к верховым животным, ни к оружию, ни к пище и питью, ни к лекарствам, ни к золоту, ни к ароматам и благовониям его.

Царь сказал: — Царя сов погубила, по моему мнению, только его надменность и слабоумие его везиров.

Ворон сказал: — Ты прав. Сказано: редко кто побеждает надменность, и мало кто стремится к женщинам и не покрываются срамом; редко кто чрезмерно ест и не заболевает, и мало кто испытывается злыми везирами и не впадает в гибель. Сказано: пусть не жаждет гордец доброй похвалы, ни обманщик — многих друзей, ни дурно воспитанный — благородства, ни скучной — милосердия, ни алчный — уменьшения грехов, ни царь, прибегающий к хитростям, беспечный, окруженный слабыми везирами, — твердости державы своей.

Царь сказал: — Ты перенес тяжкие муки, угождая совам и унижаясь пред ними.

Ворон сказал: — Так и было. Но я терпел это, так как надеялся на хорошую помощь от этого в будущем. Сказано: не затруднит противника положить врага своего себе на плечи, раз он уверен в добрых последствиях. Сказано: кто налагает на себя муку, надеясь на получение пользы от нее, тот вытерпит это так же, как змея, ношившая лягушку на своей спине.

Царь сказал: — Как же это было?

Притча. Ворон сказал: — Говорят, что одна змея состарилась и одряхлела и не была в состоянии охотиться и добывать пищу. Она поползла с трудом на поиски, пока не достигла пруда, где было много лягушек и куда она раньше приходила на охоту. Она легла недалеко от пруда с видом тоскующим и печальным. Одна лягушка сказала ей: — Что с тобой? Я вижу тебя печальной! — Та сказала: — Как мне не печалиться! Большую часть жизни я жила тем, что охотилась за ля-

гушками, но поразило меня несчастье, и запрещены мне теперь они, так что если бы они стали попадаться мне одна за другой, не осмелилась бы я съесть их. — Лягушка пошла и обрадовала слышанным своего царя. Тот подошел к змее и сказал ей: — Как это с тобой случилось? — Змея сказала: — Я не могу взять ни одну лягушку, разве только ту, которую пожалует мне из милости царь. — Тот сказал: — А почему? — Она сказала: — Я гналась по следам одной лягушки несколько ночей назад, чтобы ее поймать, и загнала ее в темный дом одного благочестивца. В доме был сын благочестивца, и я наткнулась на его палец и ужалила его, думая, что это лягушка, и он умер. Я удалилась тогда бегом, а благочестивец погнался за мной и проклинал меня, говоря: «Как ты убила мальчика неповинного несправедливо, так я проклинаю тебя, чтобы ты была унижена и посрамлена и стала верховым животным для царя лягушек; чтобы были запрещены тебе лягушки и не могла бы ты их есть, разве если пожалует тебе из милости царь». И вот я пришла к тебе, примирившись и признав это, и я согласна, чтобы ты сел на меня. — Царю страшно захотелось сесть верхом на змею, так как он думал, что это для него честь и достоинство. Несколько дней он ездил на ней, а потом она сказала ему: — Ты знаешь, что я проклята, под запретом, не могу я охотиться, разве что дашь ты мне что-нибудь как милость. Назначь же мне пропитание, которым бы я жила. — Царь сказал: — Клянусь жизнью, обязательно будет тебе, моему верховому животному, пропитание для жизни. — И он отдал приказ, чтобы каждый день хватали и выдавали ей по две лягушки. И этим она жила, и не повредило ей, таким образом, унижение пред низким врагом; напротив, она воспользовалась им, и унижение оказалось для нее пропитанием и пищей.

— Так и я терпел то, что терпел, домогаясь той великой пользы, которую мы и получили в гибели врага и успокоении нашем от него.

Царь сказал: — Я обнаружил, что, действуя мягкостью и обманом, можно скорее низвергнуть врага, чем бурным натиском. Ведь огонь при всем своем пыле и жаре не может достичь большего, когда охватывает

дерево, как только сжечь часть его, находящуюся над землей, а вода со своей мягкостью и холодом исторгает и подземную часть его. Сказано: в четырех вещах нельзя и малую долю назвать незначительной; это — огонь, болезнь, враг и долг.

Ворон сказал: — Произошло все это благодаря счастливой удаче царя и его уму. Сказано: когда двое ищут счастья, то овладевает им более доблестный из них. Если они одинаковы в доблести, то достается оно более проницательному из них умом. Когда они одинаковы в этом, то выпадает успех тому, у кого больше помощников, а если они и в этом равны, то достигает цели более счастливый удачей. Сказано: кто борется с царем осторожным, предусмотрительным и окруженным помощниками, с таким, кого не сделает кичливым благодеяние и не заставит потерять голову нужда, — тот сам накличет гибель на свою душу. А о таком, как ты, нечего и говорить, ведь ты, о царь, сведущ в делах и умеешь улучить удобный момент, знаешь, когда уместна сила, когда мягкость, гнев или довольство, когда следует поспешить, когда помедлить, ты обдумываешь свой день и исход своих поступков.

Царь сказал: — Нет, это произошло лишь благодаря твоему умыслу и уму. Бывает, что один умный человек скорее достигнет гибели многих врагов, чем снаряжение без людей. Но что самое удивительное, помоему, так это то, что ты так долго был у сов и выслушивал и видел грубости, не промахнувшись пред ними ни в одном слове.

Ворон сказал: — Я все время держался твоих наставлений, о царь. Я дружил с близким и далеким, выказывая кротость и мягкость, подделывался под них, соображался с желаниями их и смирялся перед ними, ибо сказано: тому, кто имеет дело с врагом и задумал против него зло и вред, следует предварять замыслы свои кротостью и смирением.

Царь сказал: — Я нахожу правильной твою речь, если только не было у тебя против них помощника.

Ворон сказал: — Сказано: человек совершенный, советующийся с людьми, искусными разумом и умом, если и видит и слышит в начале дела какое-нибудь не-

приятное слово или нежелательное противоречие его стремлениям, то это зато сопровождается пользой, успокоением и радостью. А совет того, кто потакает увлечениям его, невзирая на последствия, хоть и приводит вначале к довольству и утешению, но в конце концов сводится к вреду и убытку.

Царь сказал: — Я нахожу, что ты птица дела, а остальные везиры — пустые болтуны, от которых нет толку. Да таковы же и друзья царские. Оказал нам господь великую милость, до которой не ощущали мы сладости ни от пищи, ни от сна.

Ворон сказал: — Сказано: не найдет больной вкуса ни во сне, ни в пище, пока не поправится, ни жадный человек, в ком пробудил царь надежды на деньги или должность, пока это не исполнится, как равно не ощутит их вкуса и тот, на кого нападает враг, так что он боится его с утра до вечера, пока не освободится от него. Сказано: кто освободился от горячки — успокоился у того сердце, кто сложил тяжелую ношу — отдохнула у того спина, а кто стал безопасен от врага — охладил свою грудь. Я прошу тех, кто погубил твоих врагов, продлить власть твою и прохладить око твое в мире подданных твоих, а им дать прохладу глаз в державе твоей. Ибо когда царь не является прохладой глаз для подданных государства его, тогда похож он на нарост под шеей у коз, который сосет козленок, думая, что это молочный сосок, но не находит там ничего доброго.

Царь сказал: — Как вел себя царь сов по отношению к воинам своим?

Ворон сказал: — Надменно, высокомерно, с обманом, ничтожно и слабоумно. А все везиры и товарищи походили на него, кроме того, кто советовал меня убить.

Царь сказал: — А что ты заметил такое, что указал тебе на ум его?

Тот сказал: — Два качества. Решение его меня убить и то, что он не скрывал от господина своих наставлений, хотя тот и не считался с ними. Вместе с этим речь его не была груба или задирчива, но деликатна и мягка, так что часто говорил он с царем напря-

мик, и царь не гневался, а другой раз иносказательно, описывая недостатки других, но разумея недостатки самого царя, и тот не мог сердиться на него. Между прочим, слышал я, он говорил так: «Не след царю быть небрежным в своих делах, ибо трудное дело побеждают только немногие, и только бдительность можно противопоставить ему, так как, когда оно минует — его не настигнет. Царю следует быть заботливым о своих делах, осторожным в них. Ведь если у славного победителя не благоустроены его область и положение подданных, то мало будет ему отдыха и покоя, подобно обезьяне, всегда движущейся в тревоге. Власть сильна и благодетельна, но кто владеет ею, должен хорошо хранить и беречь ее. Сказано: власть так же недолговечна, как тень на листке ненюфара, и так же неустойчива, как дружба умного с низким. К ней надо быть так же настороже, как к дракону, и она приходит и уходит, как вихрь. Она тяжка, как общество с ненавистными. Она губит внезапно, как змея, и исчезает так же быстро, как пузырь на воде от дождя. В неблагодарности своей она походит на зависть, а в прибыли на то, как видит спящий добро во сне, но когда пробуждается — не сбывается его сновидение. Да погубит бог недругов царских и да даст ему победу над ними и не перестанет дарить ему величие, попечение и помощь».

ГЛАВА ОБ ОБЕЗЬЯНЕ И ЧЕРЕПАХЕ

арь сказал философу: — Я выслушал притчу про обманутого хитрым врагом, выказавшим смиление и ласку, утаив под ними коварство и обман, и о том, что постигло его. Расскажи мне, если тебе угодно, притчу о таком, кто стремился к цели своей и, когда овладел ею, упустил ее.

Философ сказал: — Легче добиться цели, чем сохранить приобретенное. Кто, овладев чем-либо, не охранит его надлежащим образом, пропадет у него то, чего он достиг, как случилось это с черепахой, которая стремилась достать сердце обезьяны, но едва получила эту возможность — упустила ее.

Царь сказал: — Как же это было?

П р и т ч а. Философ сказал: — Говорят, что у одного сборища обезьян был царь по имени Кардин *. Он

* Царь обезьян в «Панчтантре» назван Рактамонка — «с красной пастью».

долго жил, и вот изнурила его дряхлость. Тогда восстала против него одна молодая обезьяна из его родни и сказала: — Он одряхлел, не в силах более править царством и не пригоден к нему. — Воины согласились с этим и изгнали старика из своего царства, а на его место выбрали молодого.

Старая обезьяна ушла, достигла побережья и до бралась до одной смоковницы, росшей на берегу моря. Она принялась есть ее плоды, и вот упал один из них из ее рук в воду. А в воде была черепаха, черепаха-самец, находившаяся в том месте, куда упал плод. Она взяла его и съела. Обезьяне же, услышавшей шум воды от падения плодов, очень понравилось это, и, чтобы вызвать его, она бросала их в воду, а черепаха хватала их и ела, не сомневаясь, что обезьяна бросает исключительно ради нее. И вот вышла она к обезьяне, и они обменялись приветствиями, подружились, сблизились и полюбили друг друга. Они оставались там некоторое время, и черепаха не уходила к своей семье. А жена черепахи была опечалена отсутствием мужа и пожаловалась на это своей соседке, говоря так: — Боюсь, не случилось ли с ним какое-нибудь неожиданное несчастье. — Подруга сказала ей: — Не печалься. Дошло до меня, что муж твой на побережье находится с обезьянкой, которую он полюбил. Они пьют и едят там вместе и развлекаются этим. Потому его долго и нет. Забудь его, как он забыл тебя, и пусть он будет так же ничтожен для тебя, как ты для него. А если ты сумеешь найти какой-нибудь способ погубить обезьяну, то сделай это, так как если она погибнет, то муж твой останется у тебя. — Тогда жена черепахи испортила свое здоровье и погубила свой аппетит, так что постигли ее сильное отошление и худоба.

Как-то черепаха-самец сказала обезьяне: — Я хочу пойти к своим, так как давно нахожусь в отсутствии. — Она пошла домой и нашла там жену свою в плохом состоянии. Она сказала: — О милая! Что с тобой? Почему вижу я тебя похудевшей? — Но та не ответила. Черепаха повторила вопрос, и ответила ей ее соседка: — Как трудно положение твоей жены! Болезнь ее сильна, а средств от нее не найти. А ведь сильный недуг,

когда нет лекарств, кончается только смертью! — Черепаха сказала жене: — Укажи мне средство, я поищу его, где бы оно ни было. — Та сказала: — Мы, черепахи, лучше других знаем эту болезнь. Нет от нее другого средства, как взять сердце обезьяны, которым этот недуг излечивается.

Черепаха сказала в своей душе: — Это трудное дело. Где я достану сердце обезьяны, кроме моего друга? Но — изменю ли я другу, погублю ли свою жену — ни в том, ни в другом нет мне прощения. — Потом она сказала: — Кто не может достичь великого иначе, как перенеся малое, тот не должен обращать внимания на это малое. Права жены велики, и польза и помочь от нее в делах здешней и будущей жизни обильны; я обязана отдать предпочтение ей и не пренебречь правами ее.

На другой день она отправилась к обезьяне, тая в себе свой план. Она была задумчива и говорила: — Убить верного и щедрого на помощь брата, поистине, такое дело, последствия коего внушают страх. — Так она шла, добралась до обезьяны и приветствовала ее. Та сказала: — Какое препятствие задержало тебя, о брат мой? — Черепаха сказала: — Задержал меня, при всем моем стремлении к тебе, стыд пред тобой и смущение пред ничтожностью оплаты моей за твои добрые дары и благодеяния. И хотя я и знаю, что ты не ишешь награды себе за свои добрые дела, но я вижу себя обязанной расплатиться с тобой. Твой характер ведь благороден, характер тех, кои оказывают добро тем, от кого они не получили его прежде и не надеются получить в будущем, тех, кто не приписывает себе благодеяния, ими совершенные, и не считает великой награду, ими возданную, характер тех, кто не пользуется помощью нуждающегося.

Обезьяна сказала: — Не говори мне так и не стыдись меня. Ведь это ты скрепила связь наших отношений, начав с того, за что следовало мне тебя вознаградить самым лучшим в моих глазах. Разве не пришла я к тебе от народа своего, как изгнаник, одинокий скиталец? А ты мне стала поддержкой и другом, и чрез тебя бог удалил от меня заботу и печаль.

Черепаха сказала: — Взаимное расположение братьев и их доверие друг к другу увеличиваются от трех вещей: между нами не случилось ни одной из них, и вот я хочу, чтобы они были, это — быть вхожим в дом, посмотреть семью и домочадцев и разделить трапезу.

Обезьяна сказала: — От друга следует желать только то, что у него в душе. Что до того, чтобы видеть семью и родственников, то ведь игрок на дудке видит много людей с их родней. А что до трапезы, то и многие лошади, мулы и ослы собираются при еде. Если же говорить о посещении дома, то и вор входит к людям, которых он знает. Но не возникает дружбы между игроком и людьми от того, что он видит их и их родственников, ни среди животных от соединения их во время еды, ни у разбойников от того, что они проникают в дом знакомых своих.

Черепаха сказала: — Ты права, клянусь жизнью. Никто не ищет от друга своего ничего, кроме любви. А кто желает выгод мира сего, тому следует прекратить свои отношения с братьями. Сказано: никогда не следует возлагать на братьев чрезмерных забот, дабы не утомить их и не наскучить им. Ведь когда теленок слишком часто и много сосет свою мать, она отстраняет и гонит его. Я упомянула это лишь потому, что мне известен твой благородный и радушный характер. Я хочу, чтобы ты посетила мой дом. Я живу на острове, где много деревьев с прекрасными плодами. Уважь же мою просьбу, сядь мне на спину и отправимся в дом мой.

При упоминании о плодах у обезьяны пробудились желания. Она исполнила ее просьбу, села ей на спину, и та поплыла с ней. Однако едва опа погрузилась в воду, как предстала в душе черепахи вся гадость ее замысла, лжи и вероломства, и остановилась она в раздумье, говоря сама с собой: — Нечестно и вероломно дело, задуманное мною. Жены не стоят того, чтобы ради них свершали коварные и подлые вещи, ибо им нельзя доверять и на них нельзя полагаться. Сказано: золото узнается огнем, честность — займом и отплатой, сила животных — ношей, а женщин не узнаешь ничем.

Заметив, что черепаха остановилась и больше не плывет, обезьяна заподозрила что-то и сказала самой себе: — Задержалась черепаха и чего-то ждет, конечно, по какой-то причине. Кто даст мне уверенность, что сердце ее не изменилось и не стало другим по отношению ко мне, так что сделалась она более злой? Я знаю, что нет ничего более горячего, чем сердце, и более скорого, чем оно, на изменчивость и перемену. Умный никогда не будет беспечен к замыслам своих близких, детей, братьев и друга во всяком деле, каждый миг и во всяком слове, стоят ли они, или сидят, или находятся в другом положении, ибо все это указывает на то, что скрыто у них в сердцах. — Затем она сказала черепахе: — Что задерживает тебя и почему явижу тебя встревоженной?

Та сказала: — Тревожит меня то, что ты придешь в мой дом, а у меня там не все обстоит так, как ты желаешь: ведь жена моя очень больна.

Обезьяна сказала: — Не тревожься! Забота не приносит пользы. Поищи лучше лекарства для своей жены и врачей. Ведь сказано: пусть расточает богатство обладающий им тремя способами: на милостыню, если желает награды в будущей жизни, на подарки правительям, если он домогается сана в своей жизни, и на женщин, если он ищет привольной жизни.

Черепаха сказала: — Врачи говорят, что нет иного средства для нее, кроме сердца обезьяны.

Обезьяна сказала в душе: — О позор! Ввергла меня алчность, несмотря на преклонные лета, в злую пропасть! Правильно сказано: довольствующийся и ограничивающийся малым живет мирно, тихо, спокойно и безмятежно, а завистливый и алчный ведет жизнь труда, утомления и страха. Теперь мне нужно раскинуть умом, чтобы найти выход из беды, в которую я попала.

Затем она сказала черепахе: — Что помешало тебе, мой друг, сказать мне раньше про это, раз ты это знала? Я бы захватила сердце с собой.

Та сказала: — А где же сердце твое?

Обезьяна сказала: — Я оставила его в своем месте.

Черепаха сказала: — Что побудило тебя это сделать?

Та сказала: — Есть у нас, обезьян, такой обычай: когда мы идем в гости к друзьям, мы оставляем свое сердце, чтобы быть свободными от подозрений. Но если ты хочешь, чтобы я принесла его тебе, я сделаю это.

Черепаха обрадовалась той легкости, с какой обезьяна уступила ей свое сердце, и вернулась с ней поспешно назад. Когда она достигла берега, обезьяна спрыгнула на землю, побежала к дереву и взобралась на него. Черепаха прождала час, но так как та все не приходила, то она позвала ее: — Поспеши, мой друг, привести свое сердце и спустись. Ты меня задерживаешь.

Обезьяна сказала: — Я вижу, ты полагаешь, что яхожа на осла, про которого шакал утверждал, будто у него нет ни сердца, ни ушей.

Черепаха сказала: — Как же это было?

Причина. Обезьяна сказала: — Говорят, что лев жил в чащбе и с ним вместе был шакал, питавшийся остатками его добычи. Постиг раз льва сильный недуг, так что ослабел он, изнурился и не был более в состоянии охотиться. И сказал ему шакал: — Что с тобой, о господин зверей? Ты стал совсем не тот. — Лев сказал: — Это вследствие того недуга, который ты видишь и против которого не найти мне другого лекарства, кроме ушей и сердца осла. — Шакал сказал: — Я знаю, что в одном месте сукновал приводит осла на пастбище недалеко от нас, нагрузив его платьем для стирки. Сложив с него ношу, он оставляет его одного на лугу, и я надеюсь привести его к тебе. А там ты уж лучше знаешь, что сделать с его сердцем и ушами. — Лев сказал: — Не откладывай же этого.

Шакал отправился, пришел к ослу и сказал ему: — Что это я вижу тебя таким худым, и откуда эти раны на твоей спине? — Осел сказал: — Это из-за гадкого сукновала, который обижает меня в пище и заставляет слишком много работать. — Шакал сказал: — Как же ты терпишь это? — Тот сказал: — А что же я сделаю? Да и куда убежать от рук людей? — Шакал сказал: — Я тебе покажу особое место с тучной травой, куда не ступала еще человеческая нога. Там есть красивая и породистая ослица, подобной которой ты не видел никогда. И ей нужен самец. — Осел заволновался и ска-

зал: — Не отправиться ли нам туда? Ведь если бы я желал только братства с тобой, так и то склонился бы уйти с тобой. — И они отправились вместе ко льву. Шакал пришел первым с вестью. Лев бросился на встречу ослу, но не схватил его, и осел убежал. Тогда шакал сказал ему: — Что ты наделал! Ведь я нарочно оставил осла одного, чего же ты бросился за ним мне на горе? Если ты не смог его захватить, то погибли мы, раз не в силах господин мой схватить осла. — Лев понял, что если он скажет: я оставил осла нарочно, то шакал назовет его глупцом, а если он скажет: я не мог схватить, — то признает тот его слабым. Он сказал: — Если ты сумеешь привести еще раз осла, я сообщу тебе то, что ты спрашивал про него. — Шакал сказал: — Осел на опыте изведал то, что испытал, и теперь я вернусь к нему, действуя, как могу, хитростью. — И он снова пришел к ослу. Тот, увидя его, сказал: — Чего ты от меня хочешь? — Шакал сказал: — Я хочу тебе добра. Ведь ошибка вышла из-за чрезмерной страсти. То животное, что бросилось к тебе, и была ослица, о которой я тебе говорил, что подобной ты никогда не видал. Она бросилась к тебе от сильной страсти, и если бы ты удержался минуту, — была бы она под тобой. Вся ошибка произошла из-за сильного влечения.

Когда услышал осел во второй раз про ослицу, за bushевали в нем страсти, и он отправился с ним, и бросился на него лев и растерзал. Покончив с ослом, он сказал шакалу: — Лекарство прописано мне принимать так: сначала я вымоюсь, потом съем уши и сердце, а остальное принесу в жертву. Посмотри за ослом, пока я умоюсь, а потом вернусь. — Когда лев ушел, шакал бросился к ослу и съел его уши и сердце в надежде, что лев посмотрит и не станет есть остального и не принесет в жертву.

Лев вернулся и сказал: — Где же сердце осла и его уши? — Шакал сказал: — Ты и не знал, что у осла нет ни сердца, ни ушей, а если бы они были, то не вернулся бы он к тебе второй раз после своего спасения. — Лев поверил его словам.

— Я привела тебе эту притчу лишь для того, чтобы ты поняла, что я не осел, про которого шакал ска-

зал, будто у него нет ни сердца, ни ушей. Ты задумала против меня хитрость и обман, и вот я отплатила тебе таким же обманом и постаралась исправить свою ошибку.

Черепаха сказала: — Ты верный друг. Я знаю, что умный краток в словах, но деятелен в поступках. Он сознается в своих заблуждениях и старается увидать события прежде, чем на них решиться. Он пытается исправить ошибку своими силами, как человек, споткнувшись на земле, на земле же поднимается, на нее опираясь.

Такова притча про того, кто стремился к цели, и когда достиг ее, — упустил.

ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВЦЕ И ЛАСКЕ

это будет притча о благочестивце и ласке.

Царь сказал: — Как же это было?

П р и т ч а . Философ сказал: — Говорят, что жил в земле Джуркан * один благочестивец. У него была жена, которая долго не беременела. Наконец она зачала. Благочестивец обрадовался этому и сказал ей: — Радуйся! Я надеюсь, что ты родишь мальчика, который будет нам помощью и усладой для глаз. Я поскорее

арь сказал филосо-
фу:—Я выслушал эту
притчу. Теперь рас-
скажи, если тебе
угодно, притчу о че-
ловеке торопливом в
своих делах, посту-
пающем без твердого
знания и обдуман-
ности.

Бейдеба-философ
сказал: — Кто дей-
ствует необдуманно,
тот не замедлит рас-
каяться. Притчей на

* В некоторых других версиях эта страна называется Джур-
джан (область в Персии).

найду ему кормилицу и выберу для него какое-нибудь красивое имя.

Женщина сказала: — Эй, муж! Чем руководствуешься ты, говоря о том, чего не знаешь? Рожу ли я то или это, кто бы ни родился — молчи об этом и будь доволен тем, что бог тебе назначит. Умный человек не будет рассуждать о том, про что он не знает, каково оно будет, и не станет строить предположений, но перестанет о нем вспоминать, не отчаявшись в надежде, но и не считая себя уже обладателем желаемого. А рассуждающего вперед о том, что ему неизвестно, и считающего себя уже совершившим свою задачу постигает то, что постигло благочестивца, вылившего себе на голову масло и мед.

Благочестивец сказал: — Как же это было?

Притча. Женщина сказала: — Говорят, что благочестивец получал от одного купца на пропитание масло, мед и муку. Излишок, остававшийся у него, он клал в кувшин, сделанный им заранее, так что наполнился кувшин. Случилось, что подорожали масло и мед. Тогда он сказал: — Я продам это самое малое за динар и куплю на него десять коз. Они понесут и народят мне через пять месяцев ягнят. — И так высчитывал он то, что получится в течение пяти лет, и нашел, что это составит больше чем четыреста коз. Он сказал: — Куплю я сто голов скота, за каждые четыре козы по быку и корове, достану семян, вспашу на быках поле и попользуюсь же тогда говядиной и молоком! И не пройдет пяти лет, как получу я от скота и посева большие деньги. Построю я тогда себе превосходный дом, накуплю рабов, одежду и разной утвари, а когда покончу с этим, то женюсь на красивой и благородной женщине. Я соединюсь с ней, и она зачнет и родит мне сына, здорового, красивого, благочестивого и доброго. Я назову его подобающим ему именем, дам ему хорошее воспитание и на это приложу все свои силы. А если я увижу, что он выйдет глуп и непослушен, так буду бить я его по голове палкой вот так! — И взмахнул он, показывая, палкой и попал в кувшин. Кувшин разбился, и вытекло масло и мед ему на голову. Так погибли на-расно его планы и мечты.

— Я привела тебе эту притчу для того, чтобы ты воздержался говорить о том, про что ты не знаешь, какая выпадает ему судьба. Послушайся же увещаний. — Благочестивец принял ее совет.

Затем женщина родила крепкого мальчика, и радовался на него отец. Как-то в один из дней жена сказала своему мужу: — Посиди у ребенка, пока я помоюсь и вернусь к тебе. — И она ушла. Чрез немного времени пришел посол от царя и увел благочестивца. И некого ему было оставить при ребенке, кроме жившей у него ручной ласки, о которой он заботился, как о сыне. Благочестивец оставил ее с маленьким, а сам пошел к царю. А в доме его была нора змеи, и вот выползла змея, замышляя против мальчика, но ласка бросилась на нее и загрызла ее. Благочестивец же возвращался домой. Достигнув дома, он вошел в него, и ласка выбежала ему навстречу, как бы желая порадовать его своим поступком. Но когда благочестивец увидел ее перепачканной кровью, лишился он ума и тотчас, не раздумывая, так ударил палкой ласку по голове, что та свалилась мертвой. А он вошел в дом и вот увидел мальчика и загрызенную змею и понял, в чем дело. Он стал тогда рвать волосы и бить себя в грудь приговаривая: — Лучше бы этот ребенок не родился! Не совершил бы я тогда этого вероломного и неблагодарного поступка. — Потом вошла жена и, увидя его в слезах, сказала: — Что ты плачешь и почему убита эта змея и ласка? — Он рассказал ей историю и прибавил: — Вот плоды поспешности!

Такова притча про того, кто поступал, не обдумав и не рассмотрев своего дела.

ГЛАВА ОБ ИЛАДЕ, ШАДИРАМЕ И ИРАХТ

лестной ревностью к пользе страны или щедростью?

Философ сказал: — Лучше всего достигается это благоразумием и умом, ибо они вершина и опора всех событий. Сюда же относится совещание с умным, дружественным и сведущим человеком. С наибольшим наслаждением люди пользуются плодами благоразумия, и в особенности это можно сказать про царей. Нет ничего лучше и плодотворнее его. Добро мужу иметь в жизни своей жену добродетельную, совершенную умом и говорчивую. Ведь если человек и храбр и стоит во главе, но нет у него тонкого и умного человека, с кем

арь Дабшалим сказал философи Бейдебе: — Я уразумел твой рассказ относительно поспешности, лишенной надежных и прочных оснований. Расскажи мне теперь, какими поступками царь славен в глазах подданных, укрепляет державу свою и сохраняет землю. Умом ли достигается это, доб-

он мог бы посоветоваться, так что поверяет он свои души неразумным, то уж и малое дело утруждает его, и обнаружишь ты в нем и ошибки и слабость вследствие его неведения и слабоумия его друзей. И если он даже одержит победу или нападет на верный путь благодаря судьбе, все-таки в результате дело закончится раскаянием. Если же, наоборот, он одарен талантом и имеет хорошего везира, да еще помогает ему судьба, тогда одерживает он победу над своими противниками, одолевает соперников и сменяет на радость печаль. Подобное, передавали нам, случилось с Шадирамом, царем синдийским, Ирахт, его женой, и Иладом, хранителем тайн и дум *.

Царь сказал: — Как же это было?

П р и т ч а . Философ сказал: — Говорят, что Илад, ревностный благочестивец, отличался добрым нравом и был мягок, кроток, мудр и совершенен. Однажды ночью, во время сна в чертоге своем, увидел царь Шадирам восемь сновидений, после каждого из которых он просыпался. Утром он созвал брахманов — а они были отшельники — рассказал им виденное и повелел растолковать. Они сказали: — О царь! Ты видел нечто странное и удивительное, чего не слышали мы никогда доселе. Если ты желаешь, чтобы мы высказались об этом, то мы подумаем шесть дней, а на седьмой придем к тебе и растолкуем. И если сможем отстранить от тебя то, что тебя страшит, — мы сделаем это.

Царь сказал: — Хорошо. Поступайте согласно своему мнению так, как вам покажется нужным.

Они сказали: — Хорошо, — и вышли от него. Затем они собрались и сказали: — Недавно еще он казнил из нашей среды двенадцать тысяч. Теперь он в нашей власти; так как открыл нам тайну свою и показал свой страх перед видением своим. Отомстим же ему жестокой речью, так чтобы ужас заставил его поступать так, как мы захотим. И тогда мы прикажем ему выдать нам дорогих для него родственников его и везиров и скажем:

* Этот рассказ — один из немногих в «Калиле и Димне» буддийского происхождения, с ясно выраженной антибрахманской тенденцией. Имена действующих лиц в различных версиях сильно варьируются.

«Мы исследовали книги наши, но не нашли ничего, что могло бы отвратить от тебя виденное, кроме казни твоих родных». Если он скажет: «Кого вы имеете в виду?» мы ответим: «Ирахт, твою жену, ее сына Джувейра, своего племянника, Илада, своего управителя, ибо он хитер и умен, Каля, своего писца и языка. Затем желаем мы получить твой меч, своего белого слона, на котором ты сражаешься, двух больших слонов, своего верхового коня и верблюда, на котором ты путешествуешь. Далее, Кинана Абизуна — законоведа. Ты пролей их кровь в водоем, в который мы посадим тебя. И когда мы найдем нужным извлечь тебя из него, тогда соберемся мы, брахманы, с четырех концов, произнесем заклятия свои пред тобой, оботрем тебя и обмоем водой и душистым маслом. Потом мы отправим тебя в твой покой, и удалит от тебя бог зло, видением которого ты предостережен. И если ты выдержишь это и охотно совершишь, то избавишься от несчастья и спасешься от грозной беды, подступающей и близкой к тебе, а вместо тех людей ты найдешь других, им подобных. Если же ты этого не сделаешь, то боимся мы, что ты будешь захвачен, погублен и лишен царства своего, так что искоренится твое потомство». Обдумав этот план и согласившись на нем, брахманы пришли к царю и сказали: — Мы вникали и углублялись в наши книги, мы размышляли о видениях твоих и напрягали свой ум и не можем сообщить тебе то, что увидели, иначе как наедине. — Царь исполнил это, и они рассказали ему все так, как задумали.

Царь сказал: — Смерть лучше того, что я выслушал. Как я пойду на казнь этих людей, которые так же дороги мне, как моя собственная душа, и совершу этот поступок и грех! Все равно смерть неизбежна, и не век я останусь на царстве моем. Для меня одинаково тяжки моя гибель и разлука с любимыми.

Брахманы сказали: — Если ты не разгневаешься, то мы скажем, что мнение твое ошибочно. Неправ ты был, когда презрел свою душу и отдал пред ней пре восходство другим. Или ты не знаешь, что все рядом с ней маловажно и ничто не вознаградит за нее, как бы ни было велико или мало его значение. Клянемся

жизнью, если ты пожертвуешь ради нее тем, что мы тебе назвали, это будет самое лучшее и самое правильное. Ты останешься тогда в державе и власти своей, и устроятся твои дела. Подумай же о своей душе и пре-небреги всем, помимо нее, ибо нет ничего равного ей.

Когда увидел царь, как жестока речь брахманов и как дерзки они в ней по отношению к нему, он встал, удалился к себе и там пал на лицо свое и стал биться в тоске и печали, обдумывая в душе, как поступить: броситься ли прямо на очевидную смерть или выдать им то, что они просят! Так он оставался несколько дней. А молва разнеслась по его земле, и говорили: «Приключилось с царем нечто, повергшее его в печаль».

Когда Илад увидел то, что случилось с царем, он стал думать и размышлять. А он был сметлив, разумен, опытен и хитер. Он сказал: — Не следует мне являться ни с чем к царю, пока он меня не позовет. Пойду лучше я к Ирахт, жене царя, и расспросчу ее об этом. — Он пришел к ней и сказал: — Я не знаю, чтобы царь решался на малое дело, не посоветовавшись со мной. Я был хранителем его тайн, и он не скрывал от меня ничего случившегося с ним. И бывало, когда поражало его какое-нибудь тяжкое событие, он выказывал выносливость и терпение в постигшей беде, открывал ее мне, и я утешал его так нежно, как только мог. Ныне же я вижу его уединившимся с брахманами вот уж семь дней. Он скрылся с ними от людей, и я боюсь, что он откроет им свои сокровенные дела, и не доверяю им относительно него. Пойди, спроси у него, что с ним, что постигло его и о чем они говорили с ним. Потом передай это мне, так как я не могу к нему войти. Их же я считаю только способными на то, чтобы украсить в его глазах какое-нибудь гадкое дело, подбить его на какую-нибудь мерзость и возбудить его гнев против кого-нибудь ложными наветами. Ведь это в характере царя: когда он придет в ярость, он ни на кого не обращает внимания, ни о чем не спрашивает, ни о чем не раздумывает. И одинаковы тогда для него важные и неважные дела. А они, я не сомневаюсь, не дадут ему хорошего совета при той ненависти и злобе против него, которая таится в их сердцах, и будут стремиться вверг-

нуть его в гибель и погубить, если получат власть над ним и его смертью.

Ирахт сказала: — Между мной и царем был один разговор, и я не хочу идти к нему, пока он виноват.

Илад сказал: — Не питай вражды в такой день. Ведь никто не может войти к нему, кроме тебя. Не раз я слышал, как он говорил: «Когда я в тоске и заботе, приходит ко мне Ирахт и снимает их с меня». Пойди же к нему и займись его разговорами о том, что, по твоему мнению, успокоит его душу и освободит его от печали.

Когда Ирахт выслушала это, она отправилась к царю, вошла к нему, села у его изголовья и сказала: — Как твои дела, о счастливый, правоверный и славный царь? Что сказали тебе брахманы? Я вижу тебя тоскующим, печальным. Если то дело, которое тебе надлежит совершить, таит в себе радость и свободу от печали, то исполни его, хотя бы польза от него заключалась только в уничтожении нас. Если ты гневаешься на нас, то мы сделаем тебя довольным и принесем радость тебе.

Царь сказал: — Не спрашивай меня, о жена, ни о чем. Ты только увеличиваешь то, чем расстроена моя душа. Не следует тебе знать об этом великом и страшном деле.

Ирахт сказала: — Итак, я стала в глазах твоих такой, что ты отвечаешь мне так, как я слышала? Разве ты не знаешь, что наиболее разумно царю, попавшему в беду, посоветоваться с искренними и любящими друзьями, с теми, кого волнует его забота и печаль? Грешник не отчаивается в милосердии, но раскаивается в поступке, за который он страшится. Да не овладеют тобой та тревога и грусть, которые я вижу, ибо они ничего не исправят, но лишь доставят радость врагу и огорчат друга. Люди мудрые и опытные вникают в это и вооружаются терпением по отношению к тому желанному, что проходит мимо них, и тем превратностям судьбы, что постигают их.

Царь сказал: — О жена! Не спрашивай меня ни о чем. Ведь в том, о чем ты допытываешься, моя гибель и смерть сына твоего и многих моих любимцев. Брахманы утверждают, что необходимо казнить тебя и их, но нет радости в жизни после вас и нет сладости для

меня в разлуке с вами! Это самое ужасное и тяжкое бедствие для моей души.

Ирахт сказала: — Да не опечалит и не огорчит тебя господь, о царь! Мы будем тебе выкупом и защитой. Это ничтожно рядом с твоей жизнью и здоровьем. И да даст тебе бог найти в новых женах полную замену. Однако я прошу тебя не доверять после смерти моей брахманам, не советоваться с ними и не казнить никого, не обсудив этого вместе с искренне преданными и надежными людьми и не вникнув в то, на что ты решился. Ведь казнь — дело великое и тяжкий грех, и не вернуть тебе жизнь тому, кого ты погубил, ибо сказано: если ты нашел драгоценность, но не считаешь ее дорогой и хочешь бросить, не делай этого, не показав ее тому, кто понимает в ней. Не услаждай же глаз брахманов и других врагов. Знай, что они никогда не будут расположены к тебе. Недавно еще ты казнил из них двенадцать тысяч, а разве, думаешь ты, они забыли это? Клянусь жизнью, ты не должен был рассказывать им свой сон и открывать свои тайны. Ведь своими толкованиями его они домогаются только гибели твоей и уничтожения твоих любимцев, ищут только вырвать с корнем твоих умных, ученых и мудрых везиров и погубить твоих коней, на которых ты вступаешь в бой. Пойди лучше к Кинану Абизуну, расскажи ему свое дело и спроси, как тебе следует поступить. Он человек умный и надежный. Какое бы у кого ни было качество, у него оно еще лучше, хотя он и брахманского происхождения. Он благочестив и сведущ в законах. Если он посоветует тебе то же, что и они, ты обдумаешь это, а если его мнение разойдется с ними, ты помолчишь и не поспешишь со своим делом.

Царь, услышав это, был восхищен, приказал оседлать коня, сел на него и отправился быстро к Кинану Абизуну. Прибыв к нему, он сошел с коня, поклонился ему и после приветствия поник головой. Кинан Абизун сказал: — Что случилось, о царь? Почему я вижу тебя с изменившимся цветом лица, полным печали, и не вижу на тебе ни короны, ни венца царского?

Царь сказал ему: — Как-то ночью спал я на портике дворца и услышал снизу восемь голосов, после каж-

дого из которых я просыпался, а потом засыпал вновь. И увидел я восемь снов, которые рассказал брахманам. И я боюсь, что постигнет меня великое бедствие: либо я буду убит на войне, либо отнимут от меня царство и лишат его.

Кинан Абизун сказал: — Пусть не печалит тебя это и не страшит. Ты не умрешь теперь, и не отнимут от тебя царство, и никогда не постигнут тебя те беды и несчастья, которых ты опасаешься. Что же до восьми снов, виденных тобою, то расскажи их мне, и я растолкую их тебе.

И царь рассказал ему свои сны. Кинан Абизун сказал: — Что касается двух красных рыб, вставших на свои хвосты, то это значит, что придет к тебе посол от царя Гамиюна * с двумя кольчугами, унизанными жемчугом и яхонтом, стоящими четыре тысячи ритлей золота, и станет пред тобой. Что же до двух уток, вылетевших из-за твоей спины и опустившихся перед тобой, то это значит, что придет к тебе от царя Балха ** некто с двумя конями, подобных которым нет во всей земле, и станет пред тобой. Змея, которую ты видел ползавшей по твоей левой ноге, означает, что предстанет перед тобой некто, пришедший из царства Сахин с бесподобным мечом из литого железа. Что касается того, что ты видел тело твое окрашенным кровью, то это обозначает, что придет к тебе некто от царя Касиран и станет перед тобой с одеждой удивительной, называемой пурпуровым плащом, сверкающей во тьме. Что же до того, что ты видел себя обмывавшим тело свое водой, то это значит, что придет к тебе некто из царства Раз и предстанет перед тобой с одеянием царей. Что же до того, что ты видел себя находящимся на белой горе, то это значит, что придет к тебе некто от царя Кабдура *** и предстанет перед тобой с золотым венцом. Птицу же белую, которая ударила тебя по голове клювом своим, я не мо-

* Имена царя сильно расходятся в разных версиях и не могут быть удовлетворительно расшифрованы.

** *Балх* — город и область к югу от Аму-Дары, в пределах древней Бактрии.

*** *Сахин*, *Касиран*, *Раз*, *Кабдур* — имена, значение которых не устанавливается с определенностью.

гу тебе растолковать сегодня. Она не повредит тебе, и ты не потерпишь от нее, однако в ней заключается некоторое недовольство твоем любимцами своими и отвращение от них. Послы и гонцы эти придут к тебе на седьмой день и станут пред тобой.

Царь выслушал это, поклонился Кинану Абизуну и ушел. Он сказал: — Я обдумаю то, что он сказал. — На седьмой день царь облекся в свои одежды, надел украшения, сел в зале заседаний и разрешил войти вельможам и сановникам. И вот принесены были тедары, о которых говорил ему Кинан Абизун, и положены пред ним. Когда царь увидел тех гонцов, послов и подарки, усилилась его радость, и он сказал в своей душе: — Не сообразил я, рассказав свой сон брахманам, указавшим мне сделать то, что они указали. Если бы не охранил меня и не смилосердился надо мной бог и не облегчил мое положение чрез благоразумие Ирахт,— погиб бы я, и пропала бы моя жизнь. Посему необходимо каждому выслушивать мнения искренних друзей и любимых близких людей и принимать советы их. Ирахт посоветовала мне, и я принял ее план, и вот благоденствую благодаря этому, и упрочилась моя держава чрез предусмотрительность искренних и доброжелательных друзей. Ясна стала для меня также мудрость Кинана Абизуна и правдивость слова его. — Потом царь позвал Джувейра, Илада и писца Каля и сказал им: — Не подобает нам класть эти дары в наши сокровищницы. Нет! Я разделю их между вами, о вы, приготовившиеся на смерть ради меня, и между Ирахт, подавшей мне совет, которым я воспользовался на долголетие царства моего и который, как вы видите, увенчался ве-сельем и радостью.

Илад сказал: — Не след нам, рабам, восхищаться тем, что произошло чрез нас, ибо рабу надлежит отдавать себя смерти вместо своего господина. Что же до этих даров, то не подобает нам, рабам, и приближаться к ним. Сын твой Джувейр, вот кто достоин их, и пусть он возьмет то, что ты даришь.

Царь сказал: — Мы уже приобрели в этом добрую славу и великие блага, и поэтому не стесняйся, о Илад, возьми свою долю и услади ею свой глаз.

Илад сказал: — Пусть сбудется то, что угодно царю, если он все-таки первым возьмет то, что пожелает. Пусть же он исполнит это. — И взял тогда царь себе белого слона, а Джувейру отдал одного из двух коней. Иладу он подарил меч из чистого железа, писцу Калю отдал другого коня, а Кинану Абизуну послал одежду, в которую облекаются цари. Что же касается до венца, остальных одежд и тех даров, что пригодны женщинам, то он сказал Иладу: — Возьми венец и одежды и неси их следом за мной к женщинам. — Потом царь позвал Ирахт и Куркану*. Они сели пред ним, и он сказал: — О Илад! Положи венец и платье пред Ирахт, и пусть она возьмет, что пожелает. — Ирахт взглянула тогда на венец и его удивительную красоту и потом посмотрела уголком глаза на Илада, дабы он указал ей, что лучше. Илад показал ей на платье, указав взять его. Но взор царя случайно пал на них, и он заметил Илада. Когда увидела Ирахт, что царь подметил, как Илад сделал ей знак глазами, она оставила то, что он ей указал, и взяла венец. Илад прожил после этого сорок лет, и каждый раз, входя к царю, он отвращал свой взор, дабы царь не подумал, что он указывал ей что-либо. Если бы не были умны Ирахт и Илад, не спасся бы ни один из них от смерти.

Обыкновенно царь проводил одну ночь у Ирахт, а другую у Курканы. Однажды царь пришел к Ирахт в ее ночь. Она приготовила ему рис и вошла к царю, с венцом на голове, неся в руке золотое блюдо. Она встала у изголовья царя с блюдом, и он ел с него. Куркан же, увидя корону на голове Ирахт, приревновала ее, надела то платье и стала, как солнце. Она прошлась мимо царя. Царь проникся страстью к ней и сказал Ирахт: — Глупа ты была, когда взяла венец, оставив это платье, подобного которому нет в сокровищницах наших.

Ирахт, услышав эти слова царя, его похвалу Куркане и умаление своего ума, прониклась яростью и гневом и ударила блюдом, бывшим у нее в руках, царя

* Куркан — вторая жена царя; имя ее не расшифровано.

по голове. Рис рассыпался по его телу и по голове, и было это подтверждением того сновидения, упоминание коего обошел Кинан Абизун, не объяснив его. Царь призвал тогда Илада и сказал ему: — О Илад! Разве ты не видишь, как эта женщина презрела царя мира и сделала с ним то, что сделала? Пойди с ней, отруби ей голову и не будь милостив к ней.

Илад вышел с Ирахт от царя и сказал в своей душе: — Я не убью ее, пока не успокоится гнев царя. Она женщина умная и счастливейшая среди цариц, нет ей равной среди женщин по благородству и уму. Да и царь не вытерпит ее отсутствия. Уже много людей спаслось благодаря ей от смерти, она творила добрые дела, и мы теперь во многом на нее уповаем. И я не уверен, что он не скажет потом: «Не мог помедлить с казнью!» Я не казню ее, пока не увижу, что думает о ней царь. Если он раскается в ее казни и опечалится, тогда я приведу ее к нему живою и выполню три великих дела: спасу Ирахт от казни, утешу скорбь царя и прославлюсь чрез это среди людей. А если он не вспомнит о ней, тогда я исполню его приказ. И Илад отправился с ней тайно к себе в дом и поручил ее двум надежным слугам царя, заведовавшим его женами, и приказал домочадцам своим хранить и почитать ее, пока он не увидит, чем кончится дело. Затем он окрасил свой меч кровью и вошел к царю огорченным и печальным. Он сказал царю: — Я исполнил твой приказ относительно Ирахт.

Чрез недолгое время успокоился гнев царя. Вспомнил он тогда красоту Ирахт и ее ум, большое смиление ее и великую пользу, и усилилась его печаль. Но он крепился и терпел, стыдясь спросить Илада, действительно ли он исполнил приказ его относительно Ирахт или нет? И стал он питать надежду, зная ум Илада, что тот не казнил ее. А Илад вник в дело своим совершенным умом и сказал: — Да не печалит господь царя, и пусть не тревожится он. Нет в тоске и тревоге никакой пользы! Они только сушат тело и изнуряют его. Да и люди царские проникаются печалью, когда печален царь, а враги радуются и злорадствуют. Люди же эти, слыша их злорадство, не могут отказать

им в знании и уме. Потерпи же, о царь! И не горюй о том, чего тебе не увидеть. Если угодно царю, то я расскажу ему историю, похожую на это дело.

Царь сказал: — Расскажи!

Притча. Илад сказал: — Говорят, что два голубя, самец и самка, наполнили свое гнездо пшеницей и ячменем. Самец сказал самке: — Пока мы находимся в поле что поесть, не будем трогать ничего из гнезда. А когда придет зима и мы ничего не добудем в поле, тогда мы приступим к нашим запасам и будем есть их. — Самка согласилась с этим и сказала: — Правильно твое мнение, мы так и поступим, как ты сказал. — А пшеница и ячмень были влажны, когда они складывали их; и они наложили полное гнездо. Самец удалился в одно место и там пропал и задержался. А так как было лето, то высохло их зерно, завяло и его стало меньше. Вернувшись и увидев это уменьшение зерна, самец сказал: — Мы согласились ведь не есть ничего из гнезда, зачем же ты поела из него? — Самка клялась: — Я не съела из него ни одного зернышка. — Но он не поверил и принял ее клевать, пока не убил. Пришла зима, дожди размочили зерна и наполнилось гнездо опять, как было. Самец же, увидя, что гнездо стало полным, лег, раскаиваясь, рядом с ней и сказал: — На что мне жизнь, если я буду искать тебя, но не найду?

— Кто умен, тот знает, что не следует спешить с наказанием и мукой, в особенности тогда, когда можно опасаться раскаяния за то наказание, как раскаялся голубь-самец.

Я слышал, что один человек вошел с мешком чечевицы на спине в чащу деревьев. Он сложил там ношу свою и лег спать. Одна обезьяна спустилась с дерева, росшего над ним, схватила полную горсть чечевицы и поднялась опять на дерево. Одно зернышко выпало из ее руки, и она стала искать его, но не находила, а чечевица между тем просыпалась из ее руки.

У тебя, о царь, шестнадцать тысяч жен, но ты оставляешь забавляться с ними и ищешь то, чего не найдешь.

Когда царь услышал это, он испугался, что Ирахт уже погибла, и сказал Иладу: — С одного сорвавшегося у меня слова ты уж тотчас исполнил то, что я тебе приказал. Ты привязался к одному слову и не расследовал дела!

Илад сказал: — Тот, у кого не противоречиво ни единое слово, только один.

Царь сказал: — Кто же это?

Илад сказал: — То бог, слово которого неизменно и в речах которого нет перемены.

Царь сказал: — Сильна печаль моя о казни Ирахт, матери Джувейра.

Илад сказал: — Двум следует печалиться — тому, кто творит грехи каждый день, и тому, кто никогда не делает добра, ибо радость и благополучие в этой жизни кратки, а раскаяние, когда они станут пред лицом воздаяния, — велико, так что его не измерить.

Царь сказал: — Если бы я увидел Ирахт в живых, никогда не стал бы я печалиться ни о чем.

Илад сказал: — Двум не следует печалиться — тому, кто всегда подвизается в милосердии, и тому, кто никогда не грешит.

Царь сказал: — Не видать мне Ирахт больше того, что уже видел прежде.

Илад сказал: — Двое не увидят никогда — слепой и безумный. Как слепой не видит ни неба, ни звезд, ни земли и не отличает близкого от далекого, перед него от заднего, так безумный не видит и не различает умного от глупого, красивого от гадкого и злодея от поступающего хорошо.

Царь сказал: — Сильна была бы радость моя, если бы я увидел Ирахт.

Илад сказал: — Два человека видят — зрячий и умный. Как зрячий видит свет мира и то, что находится в нем, так умный видит праведные и грешные дела, знает про будущую жизнь, и ясно ему, когда наступит для него спасение и он пойдет прямым путем.

Царь сказал: — Я бы никогда не насытился лице-зрением Ирахт.

Илад сказал: — Двое всегда ненасытны — тот, у кого нет иной заботы, кроме стяжания богатств, и тот,

кто пожирает все, что находит, и просит то, чего не находит.

Царь сказал: — Нам следует разойтись с тобой, о Илад! Ведь таких, как ты, остерегаются и воздерживаются.

Илад сказал: — От двух людей следует удаляться — от того, кто говорит: нет ни благочестивых, ни грешных поступков, и от того, кто не может отвратить свой взор от вещей, ему не принадлежащих, ни уха от слушания злых речей, ни страсти своей от чужих жен, ни сердца от тех грешных и алчных деяний, которые замышляет его душа. Таким наиболее подходит раскаяние и ужас в муках адского огня.

Царь сказал: — Пусто стало мне из-за поступка твоего.

Илад сказал: — Три вещи являются пустыми — река без воды, земля без царя и женщина без мужа. Также подходит сюда тот, кто не поступает хорошо, но и зла не умеет сделать.

Царь сказал: — Умеешь же ты давать ответы, Илад!

Илад сказал: — Трое умеют давать настоящие ответы — царь, наделяющий и одаряющий из сокровищ своих; женщина, отвечающая расположением благородному человеку, страстно любимому ею; и умный и достойный наставник божьего закона.

Царь сказал: — Ты вводишь меня в печаль наставлениями своими, о Илад!

Илад сказал: — Троим следует печалиться — тому, у кого тучный конь, красивый снаружи, да плохой на деле; у кого в похлебке много воды, да мало мяса, так что нет в ней вкуса; и тому, кто женился на красивой и пригожей женщине, которой он не может угодить, так что все время она заставляет его выслушивать оскорблений.

Царь сказал: — По оплошности ты погубил Ирахт.

Илад сказал: — Три человека выказывают неуместную оплошность — кузнец, надевающий белую одежду, сам сидя постоянно у кузнечных мехов; дубильщик кожи, носящий новые сапоги, несмотря на то что ноги его всегда находятся в воде; и купец, берущий себе в жены

молодую и красивую женщину, а потом пропадающий вне дома в далекой стране.

Царь сказал: — Ты достоин быть наказанным самым сильным наказанием, о Илад.

Илад сказал: — Троих следует наказывать — грешника, мучающего того, у кого нет греха; приступающего к трапезе, к которой его не приглашали; и того, кого просят друзья дать то, чего у них нет, но кто не догадывается и сам не оставляет просьб.

Царь сказал: — Тебя следует назвать глупцом, о Илад!

Илад сказал: — Троих людей следует назвать глупцами — столяра, который поселился с семьей своей в малом доме, но все время стругает дерево, так что наполнился весь дом обрезками и тесно стало в нем ему и жене; врача, работающего с бритвой, но недостаточно осторожного, так что наносит порезы людям; и странника, остановившегося среди врагов и не желающего возвратиться на свою родину, к своей семье: если умрет он на чужбине, возьмут его наследство чужаки, и достанется им его богатство, а об нем забудут.

Царь сказал: — Тебе бы следовало выждать, пока пройдет мой гнев.

Илад сказал: — Троим надлежит выжидать — тому, кто поднимается на высокую гору; тому, кто ловит рыбу; и тому, кто озабочен трудным делом.

Царь сказал: — О, если бы я увидел Ирахт!

Илад сказал: — Трое мечтают о недостижимом — нечистивый, лишенный благочестия человек, желающий, однако, после смерти сана праведников и ожидающий награды, подобной им; скряга, возводящий себя в благородного; и беззаконники, несправедливо проливающие кровь и питающие вместе с тем надежду, что души их будут с душами блаженных благочестивцев, людей сострадания и милосердия.

Царь сказал: — Я сам причинил себе муку через Ирахт.

Илад сказал: — Три человека мучают сами себя — тот, кто идет на бой, не приняв мер предосторожности, так что его убивают; богач, не имеющий ни сына, ни

брата, и торговля которого заключается во взимании с людей слишком высоких цен и доходов, так что иные завидуют ему; и старец глубокий, женившийся на женщине красивой, ветреной и способной на грех, такой, которая все время мечтает о его смерти, дабы выйти замуж за другого, молодого, так чтобы была смерть его чрез нее.

Царь сказал: — Презрен же я в глазах твоих, о Илад, раз ты осмеливаешься говорить подобное предо мной.

Илад сказал: — Трое презирают своих господ — тот, кто болтает зря, вмешивается там, где его спрашивают и где не спрашивают, и говорит то, что знает, и то, чего не знает; раб разбогатевший, который не дает своему бедному господину ничего из богатств своих и не помогает ему; а также раб, грубый на словах с господином своим, любящий спорить с ним и кичащийся пред ним в спорах своих.

Царь сказал: — Ты смеешься надо мной, Илад! Хотел бы я, чтобы Ирахт не умерла.

Илад сказал: — Смеяться следует над тремя — над тем, кто говорит «я участвовал во многих сражениях, я часто бился и брал в плен», но на теле которого не видно следов битв; над тем, про кого говорят, что он сведущ в законе, благочестив и ревностен в вере, а у него толстая шея и он жирнее грешников нечестивых; над таким следует смеяться и подозрительно относиться к словам его о самом себе, так как кто изнурияет себя из повиновения богу, тот бывает худ телом и не упитан. Также над женщиной, которая смеется над замужней, хотя, может быть, сама будет непристойной.

Царь сказал: — Ты упрям, о Илад!

Илад сказал: — Три человека похожи на упрямцев и на то, как будто они болтают с шайтаном, — глупец, поучающий слабоумного, считающийся с его словами и препирающийся с ним своими глупыми рассуждениями. Если это сейчас для него не имеет последствий, то потом придется ему раскаяться. Тот, кто возбуждает слабоумного, нападает на него с намерением оскорбить и оболгать, но оскорбляет этим лишь само-

го себя. И тот, кто открывает тайны свои человеку, им не испытанному, вводит его в важные дела и полагается на него, как на самого себя..

Царь сказал: — Я тягощусь самим собой!

Илад сказал: — Двое навлекают муку на самих себя — тот, кто оборачивается назад и идет пятясь задом. Иногда он спотыкается и попадает в колодец, другой раз попадает в пропасть и разбивается. И тот, кто говорит «я не из людей боевых» и не осторегается и вводит в заблуждение других. Когда же появятся люди, тогда только он вертится направо и налево, стремясь убежать.

Царь сказал: — Прервалась наша дружба с тобой, о Илад!

Илад сказал: — У троих быстро прерывается любовь — у человека, не встречающего своего друга и не имеющего возможности ни списаться, ни как-нибудь снести с ним; у того, кто почитается любимцами своими, но не совпадает это с достоинством его и не принимает он это как подобает, но лишь издевается и смеется над ними; и у бедняка, друзья которого в довольстве, радости и усладе глаз, и у которых он просит того, что им не по силам, не вознаграждая потом ничем.

Царь сказал: — Сoverшил ты в убийстве Ирахт деяние, где проявилось легкомыслie твоe, о Илад!

Илад сказал: — Трое в результате деяний своих обнаруживают легкомыслie свое — тот, кто доверяет имущество свое человеку, кему неведома справедливость в его отношениях с соперником своим. Слабоумный и глупый трус, повествующий всем о том, как он смел, воинственен, опытен в стяжании богатств и привлечении друзей, умеет строить здания и устраивать важные дела, а сам лжет во всем, что говорит. И тот, кто утверждает, что он будто бы оставил все плотское и обратился к делам духовным, но которого всегда видят лишь следующим своим страстям, оставил дело божие и исполнение заповедей его.

Царь сказал: — Ты безумец, о Илад!

Илад сказал: — Трех не след считать в своем уме — сапожника, садящегося на возвышенное место, так

что, когда скатывается его нож или другой инструмент, то часто отвлекается он от работы своей; портного, у которого слишком длинные нитки, так что, запутываясь, они часто отрывают его от дела; и цирюльника, который, подстригая волосы посетителей, озирается направо и налево и портит волосы, заслуживая наказания за это.

Царь сказал: — Ты как будто желаешь научить всех людей понимать притчи твои и стремишься сделать также и меня разумеющим их.

Илад сказал: — Три человека полагают, будто они сведущи, а на самом деле должны учиться, — тот, кто играет на цимбалах, лютне и барабане, пока не сравнятся его игра с звуками флейты и другими мелодиями; художник, у которого хороши контуры изображений, но плох состав красок; тот, кто утверждает, что ему нет нужды учиться никакому делу, так как он знает любое ремесло и работу, а сам не всматривается в глубину своих слов: именно, как и когда следует ему говорить с тем, кто выше его, и с тем, кто ниже.

Царь сказал: — Неправильно ты поступил, казнив Ирахта.

Илад сказал: — Четверо поступают неправильно — тот, кто неправдив на языке и неосмотрителен в слове; тот, кто скор на еду и медленен в работе, битве и службе тем, кто выше его; тот, кто не умеет утишить свой гнев, пока не совершится грех; и царь, задумавший важное дело, а потом оставивший его.

Царь сказал: — Если бы ты поступил согласно моему обычаю, ты не казнил бы Ирахта.

Илад сказал: — Четверо поступают сообразно обычая — тот, кто приготавливает пищу в надлежащее время и готовит и подает ее господину в свое время; кто довольствуется одной женщиной, сдерживая страсть свою к другим, не дозволенным ему; царь, совершающий важное дело, посоветовавшись с мудрыми людьми, и человек, властвующий над гневом своим.

Царь сказал: — Я боюсь тебя, о Илад.

Илад сказал: — Четверо боятся того, чего бояться

им не следует, — птица малая, которая, сидя на дереве, подняла ногу в страхе, что небо упадет на нее. Она говорит: «Если небо упадет, я задержу его своей ногой». Журавль, который стоит на одной ноге из боязни, что если он опустит другую, то поглотит его земля. Червяк, который ест в земле песок, но не может насытиться, так как боится, что истратит на свою еду весь песок земли, и вот он в заботе и печали из-за страха умереть с голоду. Затем боится напрасно еще летучая мышь, которой мешает вылетать днем то, что нет на земле, как ей кажется, птицы прекраснее ее, и вот боится она, что поймают ее люди и задержат у себя.

Царь сказал: — Разве ты дал обет обязательно казнить Ирахт?

Илад сказал: — Следует брать обеты в неоставлении без призора четырех вещей — быстроходного, дорогого коня, которым пользуется его господин; быка, на котором пашут; умной женщины, любимой мужем своим; и раба старательного и честного в службе, правдивого и боящегося господина своего.

Царь сказал: — Я не вижу среди людей подобной Ирахт.

Илад сказал: — Четверо не могут иметь подобия себе — женщина, вкушившая нескольких мужей и довольствующаяся одним мужем; человек, приучивший язык свой ко лжи, если он заговорил правдиво; высокомерный, если он смягчил душу свою и примирился с врагами своими; и надменный, преступающий границы человеческого, если он меняет природу свою и становится хорошим.

Царь сказал: — О, если бы мне знать это до сегодняшнего дня, ныне же мало мне от этого проку и пользы.

Илад сказал: — В трех случаях суть дела должна быть понята прежде, чем проявится оно, — когда человек воинственен и силен над врагом, то следует узнать это прежде, чем обнаружится в этом нужда. Затем когда кто-либо судится из-за какой-нибудь драгоценной вещи. Сам он самонадеян, но не обладает разумом, ему следует прежде всего поискать судью

справедливого в решении, скромного и сведущего, не судящего пристрастно и не берущего взяток, дабы он рассудил его с его соперником. И, наконец, если кто-либо пригласил к себе благородного человека на трапезу, то надлежит ему предварительно приготовить кушанья и все необходимое, дабы не пришлось ему потом торопиться с подготовкой угощения, так что пригласит он его и окажется семья его чрез это в стеснении.

Царь сказал: — Ни грех, ни благочестие не знакомы тебе, о Илад!

Илад сказал: — Четыре человека не размышляют ни о грехе, ни о благочестии — большой тяжелой болезнью, боящийся своего господина, стоящий лицом к лицу с врагом и несправедливо обиженный, презренный смельчак, не страшящийся того, кто выше его.

Царь сказал: — Ты не добр, о Илад.

Илад сказал: — У четырех нет доброты — у того, чье тело полно обид и наказаний; у презренного, высоко мнящего о себе; у привыкшего к воровству и у того, кто скор на гнев и медлителен на прощение.

Царь сказал: — Не следует нам доверять тебе, о Илад.

Илад сказал: — Четырем не следует доверять — неукротимой змее, всякому опасному зверю, нечестивым грешникам и телу, которому предрешена смерть.

Царь сказал: — Не подобает смеяться и шутить над благородными людьми.

Илад сказал: — Над четырьмя людьми не следует смеяться и шутить — над великим царем-повелителем; над благочестивцем, поклоняющимся богу; над чародеем низким и над человеком злонравным и алчным.

Царь сказал: — Не подобает нам дружить друг с другом, о Илад, после казни Ирахт.

Илад сказал: — Четверо не дружат между собой — ночь и день, благочестивый и беззаконник, свет и мрак, добро и зло.

Царь сказал: — Никому никогда не следует доверять тебе, о Илад.

Илад сказал: — Четырем не следует доверять — разбойнику, лжецу, лицемеру и злобному насильнику.

Царь сказал: — Когда я вижу шестнадцать тысяч женщин, среди которых нет Ирахт, еще сильнее дается моя печаль.

Илад сказал: — Четыре женщины не заслуживают ничьей печали по себе — неуживчивая, сопротивляющаяся мужу своему; легкомысленная и непристойная злодейка, убегающая вместе с приданым своим; заблудшая, утратившая свою честь и достоинство; и женщина, неуступчивая мужу своему, злохарактерная и несговорчивая.

Царь сказал: — Не охватывала меня еще тоска так, как по Ирахт и уму ее.

Илад сказал: — Тосковать надлежит по пяти женщинам — о добродорядочной и высокоблагородной; об умной, мягкой, мудрой, нежной, доброй, сверкающей, как драгоценный камень, чистой, искренней сердцем; о целомудренной и благословенной судьбой и о говорчивающей с мужем, довольной и расположенной к нему.

Царь сказал: — Кто вернет мне Ирахт живой, тот получит от меня богатства, сколько пожелает.

Илад сказал: — Пяти людям деньги милее их жизни — тому, кто сражается за вознаграждение, у кого нет иных намерений в борьбе, как получить награду; грабителю, взламывающему дома и занимающемуся разбоем по дорогам, хотя бы ему грозило отсечение рук и казнь; купцу, пускающемуся в море на поиски богатств; тюремщику, жаждущему все большего количества заключенных, дабы поживиться с них; и взяточнику-судье.

Царь сказал: — Ты укрепил в душе моей ненависть против тебя, о Илад, своим убийством Ирахт.

Илад сказал: — В четырех случаях бывает прочна злоба — между волком и ягненком, кошкой и мышью, соколом и куропаткой, вороном и совой.

Царь сказал: — Ты погубил прелесть Ирахт, о Илад, казнив ее.

Илад сказал: — Поступки семи людей приносят вред — человека, сведущего в законах и благочестиво-

го, который, однако, не сообщает об этом и не рассказывает, дабы разнеслась молва о нем и стал бы он известным; царя, оказывающего благодеяния всякому грубому лжецу, непризнательному к дарам его; сурогового и немилостивого господина, постоянно несправедливого к рабам своим; матери, оказывающей добро злому и порочному сыну, покрывающей и прощающей проступки его вместо неодобрения их; человека, доверяющего честности вероломного обманщика; того, кто спешит осудить друга своего; и того, кто не чтит бога, ни верующих, хороших людей.

Царь сказал: — Гонит сон от меня моя печаль по Ирахт.

Илад сказал: — Шесть людей не могут спать — встревоженный кровью, пролитой им; обладатель большого богатства, но не имеющий надежного хранителя к нему; тот, кто клеветой и ложью отстраняет других от благ мира сего, которых он жаждет сам; тот, у кого требуют отчета в деньгах, у него не имеющихся; порочная женщина и любящий друга и опасающийся разлуки с ним.

Царь сказал: — Разве нет у тебя милосердия, дабы оказать его мне, о Илад?

Илад сказал: — У пяти нет милосердия — у царя злобного и злоязычного; у того, кто носит покойников за деньги; у разбойника, ожидающего вечера, дабы напасть на кого-нибудь и ограбить его; у совратителя людей с прямого на ложный путь и у смельчака, безрассудно добивающегося того, чего у него нет, хотя бы он губил себя и других в стремлении своем.

Царь сказал: — Я не хотел казни Ирахт!

Илад сказал: — Не желают семи вещей — старости, похищающей молодость и красоту; болезни, изнуряющей тело и сушающей кровь; гнева, вредящего знанию мудрых и способности разбирать судей; заботы, уменьшающей разум и разрушающей тело; холода, приносящего вред; голода и жажды, которые сообщают всему утомление и печаль; и смерти, разрушающей весь человеческий род.

Царь сказал: — Обманом ты погубил и казнил Ирахт, о Илад!

Илад сказал: — Восемь вещей — обман. Обманна власть несправедливого царя, обманно знание мудрых, не поступающих согласно знанию своему; обманны исчисления звездочетов, вычисляющих солнце и луну; обманны грехи грешников; обманно воровство во мраке ночном; обманчив язык женщины, вступающей в спор; обманны рассказы о справедливости брахманов и обманчив сон охотников и подстерегающих на пути.

Царь сказал: — Не может после этого у меня быть никакого дела с тобой, о Илад.

Илад сказал: — С восемью не следует иметь дела — с неразумным советником; с человеком непостоянным ни в одном деле; с высокомнящим о себе; с лжецом, придерживающимся только своего мнения; с любящим деньги больше самого себя; со слабым, приступающим, однако, к очень тяжелой работе; с тем, чье поведение заслуживает упреков; и с тем, кто всегда спорит и враждует с братом своим.

Царь сказал: — Довольно с тебя, о Илад, ты зародил у меня сомнение в деле моем.

Илад сказал: — Людей воспитывать следует десятью способами. Смелого — в бою; сведущего в воинском искусстве надо испытывать на военных действиях; раба испытывает господин на его обращении с другими, на любви, которую он находит у него к другим; по гневности царя узнают его кротость, знание и ум; по поведению купца в товариществе своем узнают его правдивость, а в займе в долг и отдаче — верность слова его; братьев узнают в перенесении ими взаимных обид; а разум и сметливость умного испытывают на трудной беде; благочестивца познают по воздержанию его; а великодушного — по щедрости, доброте и состраданию; бедняка же узнают по избеганию им проступков в поисках дозволенного пропитания.

Царь сказал: — Будешь ли ты еще говорить предо мной, даже видя этот гнев мой, о Илад?

Илад сказал: — Семеро всегда гневаются — царь, скорый на негодование, раздражительный и торопливый; или медлительный, но без разумения; умный,

не стремящийся к добру; или ищущий добра, но не умный; судья, любящий взятки; милосердный к людям, но скопой на имущество свое; и великодушный, ищущий награды и благодарности в жизни сей.

Царь сказал: — Ты обманул и меня, и себя, о Илад!

Илад сказал: — Восьмеро обманывают и себя и других — малоумный, претендующий на то, что он многому может научить людей; человек значительный и умный, но не показывающий ум свой; тот, кто ищет недостижимого, того, чем не следует владеть ему; скверный беззаконник, высокомерный, преступающий границы свои, довольствующийся своим мнением вместо совета с умными и расположенным к нему друзьями его; пытающийся обойти царей и вельмож, не обладая сам ни предусмотрительностью, ни умом; ищущий знания, но вступающий в спор с человеком, более обладающим этим знанием, чем он, и не принимающий от него указаний его; подлаживающийся к царям, не создавая с ними искренних отношений и не расточающий им любовь сердца своего; и царь, домоправитель и казначей которого лживый и скверный характером болтун, не воспринимающий благовоспитанность от наставляющих его.

Затем Илад замолчал, и понял он, что еще больше усилилась тоска царя по Ирахт и еще больше он желает видеть ее. Он сказал: — Я могу привести к царю ту, кого он любит такой любовью и таким сильным желанием жаждет видеть ее, и тогда он простит мне наказание за то, что я так долго заставлял его терпеть многие вещи и говорил разные слова. Нет на земле царя, подобного тебе и похожего на тебя, и не было раньше и никогда не будет, так как не похитил у тебя гнев твой благородства. И в то время как я при малом сане моем и слабом уме говорил то, что говорил, тебя не покинуло спокойное и достойное обращение с другими, вместе с умом, благородствием и нежной заботливостью из любви к миру и добром отношении со всеми людьми. И если уж постигло тебя бедствие, то это от неблагоприятного положения

звезд и по предопределению свершилось с тобой некоторое неприятное, наделенное тебе богом, событие, так что попал ты в трудное положение, вовлекшее тебя в несчастье великое; но не отчайвайся и не скорби, но успокойся душой, сумей найти в этом удовлетворение и быть довольным результатом его. Ведь те, кто иной природы, чем ты, и проявляют во власти своей подозрительность и высокомерие, те погубили бы такого, как я, опозорили и обесславили бы его. И хотя бы был он сведущ, искусен и радел бы о деле царя, все равно удалили бы и отстранили его. Но совершив это и разлучившись с ним, они впадают в отчаяние и печаль, хотя бесполезна и бесплодна их грусть, и лишь увеличат они ею свою тоску и заботу и усилият несчастие свое. Ты же, о царь, в силу благородной природы твоей и обширного ума, совладал с собой и терпеливо выслушал меня при всей незначительности и ничтожности моей. Я благодарю тебя, о царь, за то, что ты не приказал казнить меня, и я стою здесь пред тобой, совершив из искренней привязанности моей и любви к тебе то, что я совершил, хотя и впал в ослушание, доставив тебе повод и предлог наказать и казнить меня.

Когда услышал царь, что Ирахт, мать Джувейра, жива, он очень обрадовался и сказал Иладу: — Я удержался от гнева на тебя потому, что знал твое искреннее расположение ко мне и правдивость слова твоего и надеялся, полагаясь на благородство твое, что ты не казнил Ирахт. Ведь если она и совершила беду и была груба в слове, то она не сделала этого по вражде или ради вреда, но из ревности. Мне следовало бы не обращать внимания на это, перенести и не гневаться на нее, ибо я знал, что вина на мне. Правда, я был уверен, что ты поймешь, что я не приказывал тебе исполнить свое повеление относительно ее. Но ты испытал царя и оставил его в сомнении, боясь наказания за признание свое, что ты ее не убил. Но сохрани меня бог от таких мыслей и от того, чтобы я так поступил с тобой. Ты заслужил благодарность, иди же, приведи Ирахт и возврати ее мне.

Илад вышел от царя и приказал Ирахт надеть укращения и нарядиться в одежды. Она исполнила это, и он привел ее к царю. Царь при виде ее очень обрадовался и сказал: — Делай, что хочешь. Я не нарушу отныне ни одного желания твоего.

Ирахт сказала: — Да продлит бог царство твое до века! Если бы не сострадание и великая кротость твоя, как проникся бы ты раскаянием в своем поведении относительно меня? Но если бы ты никогда не вспомнил обо мне, то, действительно, я оказалась бы достойной той казни, которую ты повелел. Илад присоединил к состраданию твоему свое, воздержавшись от казни, а если бы не вера его в великую кротость твою, вместе с его жалостью, справедливостью и честностью, то, поистине, исполнилось бы приказание и погубило меня.

Царь сказал Иладу: — Ты оказал мне такое благодеяние, за которое следует тебя отблагодарить и которого ни один царь не видел еще от своих рабов. Никогда еще не оказывали мне ничего больше того, что совершил ты, не казнив Ирахт, а, наоборот, вернув ее к жизни, после того как я убил ее, и затем подарив и возвратив ее мне сегодня. Никогда мне не быть более довольным тобой, чем в нынешний день.

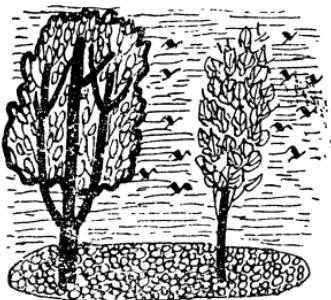
Илад сказал: — Я раб твой, и у меня теперь одно желание, чтобы не торопился ты и впредь в важном деле, в котором можно раскаяться и исход которого может быть забота и печаль, как ты видел. Я не говорю уж об этом случае, подобного коему не сыскать на земле.

Царь сказал: — Правду ты сказал, о Илад! Я уж согласился со словами твоими во всем том, что ты указал; как же не поступить мне так же в деле, подобном этому великому несчастью, приключившемуся со мною, после которого я не приступлю ни к чему малому и большому, не посоветовавшись и внимательно не исследовав его!

Потом царь отдал то платье Ирахт и пошел в покой жен своих, радуясь и веселясь. Затем он посоветовался с Иладом относительно казни тех, кто домо-

гался гибели домочадцев царских и его родных, и одни из них были казнены, другие лишены имущества и изгнаны из страны. И прохлаждались очи царя и великих вельмож государства его, и славили они бога и славословили его. И благодарили Кинана Абизуна за превосходный ум его и великую осмотрительность, ибо благодаря его разуму спаслись царь, его жена, его дети и праведные везиры, больше всех любимые царем.

Такова глава о благоразумии, уме и образованности.

ГЛАВА О КОШКЕ И КРЫСЕ

чения дружбы и союза с одним из них, и спасается от угрожающей опасности и остается верен союзнику своему. Расскажи мне, как совершается примирение, и в каких случаях следует искать его?

Философ сказал: — Вражда, содружество, любовь и ненависть — все это непрочно и недолговечно. Часто любовь переходит в ненависть и ненависть в любовь в зависимости от разных превратных событий и обстоятельств. Умный человек для каждого такого случая придумывает план и готовит оружие: если это происходит от врага, то он отвечает мужеством, а если от друга, — снисходительным отношением. И разумному человеку не может помешать вражда его к недругу

арь сказал: — Я уразумел притчу о том, кто тороплив и недостаточно обдумывает свои поступки. Приведи мне теперь, если угодно, притчу о человеке, имеющем много врагов, которые обступили его со всех сторон, так что он близок к гибели, и о том, как он ищет выхода, путем заключения

сблизиться с тем и искать поддержки его, как в удалении опасности, так и в достижении выгоды, желанной ему, когда он может надеяться на эту поддержку от недруга, и у него хватит опытности заключить это сближение и союз. Кто продумает это решение и соблюдет при исполнении его осторожность, тот достигнет цели своей. Примером этого могут быть кошка и крыса, которые примирились друг с другом и держались одного плана и обрели в этом обе спасение и избавление от великой беды.

Царь сказал: — Как же это было?

Причина. Бейдеба-философ сказал: — Говорят, что в такой-то стране было ветвистое дерево, а у корня его нора кошки, по имени Руми, и там же нора крысы, называвшейся Каидун *. Однажды охотники охотились вблизи этого дерева за зверями и птицами. Один из них расставил свои сети, и Руми попала в них. А крыса вышла на поиски пищи со всей осторожностью, озираясь и осматриваясь. Увидев, что кошка попала в тенета, она обрадовалась, но потом, обернувшись назад, увидела, что ласка следует за ней, подстерегая ее, а взглянув наверх, заметила сову на дереве, наблюдающую за ней. И испугалась крыса, что если она побежит быстро обратно, то кинется на нее ласка, если пойдет направо или налево, нападет на нее сова, а если выступит вперед, то наткнется на кошку. Она сказала: — Окружило меня несчастье, и вооружилось против меня зло! Нет для меня иного выхода, как прибегнуть к собственному уму и хитрости. Да не будет никогда свойственна мне растерянность, и да не распадется сердце мое в куски. У умного никогда ведь не рассеется опытность его и не пропадет разум, ибо ум у разумных подобен морю, глубина которого недостижима. Ни несчастье не вредит гибкости их ума до гибели его, ни надежде не следует доходить до такой степени, чтобы она зарождала в них тщеславие, опьяняла и скрывала от них суть дела. — Потом она сказала: — Более всего подойдет

* Имя крысы в различных версиях неодинаково; *Руми* по-арабски — грек, византиец.

здесь поискать примирения с кошкой. Ее постигла беда, и, может быть, я смогу спасти ее. Быть может, она выслушает от меня то слово, которое я скажу ей честно, правдиво и без обмана. А если она поймет меня, пожелает моей помощи и примирится со мной ради собственной пользы, то будет это для нас обеих спасением.

Она приблизилась к кошке и сказала: — Как твои дела?

Кошка сказала: — Как у того, кто попал в узость и тесноту.

Крыса сказала: — Клянусь жизнью, раньше радовали меня муки твои, и стеснение для тебя было для меня простором. Но сегодня мы с тобой товарищи по несчастью. И спасти себя я надеюсь лишь при помощи того, в чем, думаю, и для тебя будет избавление. Это и склонило меня на твою сторону. Сейчас ты узнаешь мое слово, в котором нет ни лжи, ни обмана. Ты видишь: там ласка подстерегает меня, а здесь сова хочет меня схватить. Обе они враги и тебе и мне, и обе боятся и опасаются тебя. Так вот, если ты обещаешь мне безопасность, когда я приближусь к тебе и избавлюсь от них обеих, то я перегрызу сети твои и освобожу тебя из своего положения. Доверься же моим словам и положись на меня. Ведь наиболее далеки от блага двое, находящиеся в одинаковых положениях, но различающиеся свойствами своими: тот, кому никто не доверяет, и тот, кто никому не доверяет. Порукой тебе в том — моя жизнь. Согласись же со мной и доверься мне, но не откладывай дела, ибо умный не откладывает его. Пусть душа твоя радуется сохранению моей жизни, как моя радуется сохранению твоей. Каждый из нас может спастись только при помощи другого, подобно судну и корабельщикам: судно доставляет их из-за моря, но его приводят они.

Когда кошка выслушала речь крысы, она признала правдивость ее, порадовалась этому и сказала крысе: — Я вижу, что слова твои походят на истину и правду. Я желаю этого примирения, которым, я надеюсь, спасемся и ты и я. Я буду благодарна тебе за то всю жизнь и награжу тебя лучшей наградой.

Крыса сказала: — В таком случае я приближусь к тебе, и пусть увидят это ласка и сова, и пусть обе они узнают о примирении нашем и удалятся, отчаявшись в своем замысле, а я начну грызть твои тенета.

Крыса подошла и начала грызть веревки, но кошка сочла ее медлительной и сказала: — Я не вижу, чтобы ты старалась, разрывая мои узлы. Едва ты достигла своей цели, как оставила свою обязанность и перестала радеть о моей нужде. Благородному недостойно оставлять дело товарища своего, раз ему удалось исполнить свое. Благодаря моему скорому проявлению к тебе любви ты уже получила ту пользу и избавление от гибели, которые ты видишь, и ты должна меня вознаградить за это и не вспоминать ту вражду, которая была между нами. Одно проявление добра должно заставить тебя забыть многие злые поступки. Самое быстрое наказание — наказание измены и лживой клятвы, наказание того, кто не извиняет и не прощает, когда его умоляют и просят простить.

Крыса сказала: — Друзья бывают двух родов: охотно проявляющие дружбу и проявляющие ее по принуждению. Оба они ищут выгоды и остерегаются вреда. Что до первого из них, то доверяйся ему и полагайся на него во всех случаях. Что же до второго, то в одних случаях ему следует доверять, а в других опасаться и все время держать одну его нужду залогом остальных, пока его страшатся и боятся. Каждое объединение и взаимная любовь проистекают лишь из преследования скончавшейся выгода и достижения предмета желаний. Я исполнию то, что обещала, и остерегусь, чтобы постигло меня то, что заставило меня прибегнуть к примирению с тобой. Но для каждого дела свое время, а что совершиено не вовремя, то не достигает цели. Я разгрызу в свое время тенета твои и только один узел оставлю в залог безопасности своей. Его же я разгрызу в ту минуту, когда узнаю, что тебе будет не до меня.

Она так и сделала. Наступило утро, и показался издали охотник. Крыса сказала: — Теперь наступило время усердно приняться за твои тенета. — И не успел охотник подойти, как кончила крыса с веревками, несмотря на подозрения кошки и испуг.

Затем кошка бросилась к дереву и забралась на него, крыса спряталась в нору, а охотник взял свои разорванные сети и удалился ни с чем. Тогда крыса вышла из норы, увидела издали кошку, но не пожелала к ней подойти. Кошка крикнула ей: — Эй, благодетель! Что удерживает тебя приблизиться ко мне, дабы я вознаградила тебя наилучшим образом за то благодеяние, которое ты мне оказала? Подойди же ко мне и не разрывай нашего братства. Когда кто-нибудь приобрел друга, а потом пренебрег дружбой его, лишается он тогда плодов братства, и безнадежна для братьев от него польза. Если рука твоя в глазах моих нечто такое, что не будет забыто, и ты желаешь получить награду за это от меня и от моих друзей, то не бойся ничего и знай, что все мое достояние будет подарено тебе. — И кошка клялась, стараясь убедить ее в правдивости своих слов.

Крыса ответила ей так: — Иногда скрытая вражда принимает вид дружбы. Она гораздо вреднее открытой вражды, и кто не осторегается ее, с тем может случиться то, что с человеком, который забрался на клыки свирепого слона: одолела его там дремота, и упал он под ступни слона, который наступил на него и убил. Другом называют только тогда, когда надеются получить выгоду, а врагом тогда, когда опасаются вреда. Умный, когда надеется получить пользу от врага, выказывает дружбу к нему, а когда боится испытать вред от друга, проявляет к нему вражду. Разве ты не видишь, что детеныши зверей следуют за матерями, только надеясь получить их молоко, когда же это прекращается, они оставляют их. Как облако, то принимает какую-нибудь форму, то разрывается на части, то каплет, то удерживается, — так и умный меняет свои чувства вместе с переменой обстоятельств, сообразно с различием своих отношений к братьям и друзьям: он то дает простор своей душе, то замыкается в себе, то доверяет, то осторегается, один раз бывает доволен, другой — недоволен, один раз терпелив, другой — все отвергает. Иногда разъединяет друзей та самая дружба, что прежде связывала их, и тогда не боится один зла другого, так как в основе их отношений не лежала вражда. Но когда в основе лежит вражда, а дружба проявляется только со-

образно потребности, вынуждающей к ней, то с исчезновением повода, породившего эту дружбу, приходит все к прежнему положению, подобно воде, нагреваемой огнем: когда удалят ее от него, становится она вновь холодной. Для меня нет худшего врага, чем вражда с подобным тебе после той любви и чистых отношений, которые были между нами, привязанности и доверия друг к другу. К тому примирению, которое мы заключили, нас вынудила взаимная нужда. Теперь нет той опасности, для избавления от которой ты нуждалась бы во мне, а я в тебе, и я боюсь, что с исчезновением ее вернется вражда, а нет ничего хорошего для слабого в близости с сильным врагом, ни для низкого в близости со славным. Я не знаю за тобой иной потребности во мне, как желание меня съесть, и не думаю тебе доверять. Я знаю, что слабый враг скорее спасется от сильного врага, если остережется и не допустит его обмануть себя, чем сильный, но обманутый слабым врагом и доверившийся ему. Умный примиряется с врагом, если принужден к этому, и выказывает ему любовь и искреннее доверие, раз это неизбежно, но спешит удалиться, как только это будет возможно.

Знай, что у скорого на доверие с трудом исправима его поспешность. Умный выполняет обещанное помирившемуся с ним, но не верит ни в чье исполнение этого по отношению к себе и предпочитает удалиться от врага, как только может. Самым благоразумным будет тебе удалиться от охотника, а мне — от тебя. Я люблю тебя издали, и ты, если угодно, должна ответить мне только этим, к сближению же нашему нет пути.

Такова глава о том, кто высмотрел случай примириться с врагом, но сумел и соблюсти осторожность.

ГЛАВА О ЦАРЕ И ПТИЦЕ ФАНЗА

арь сказал филосо-
фу: — Я выслушал
притчу о человеке,
который, будучи ок-
ружен врагами, об-
ратился за помощью
к одному из них, при-
мился с ним и ос-
вободился благодаря
этому от опасности
и уцелел. Расскажи,
если тебе угодно, те-
перь мне притчу о
мстителях, которым
следует бояться од-
ним других.

П р и т ч а. Философ сказал: — Говорят, что жил некий царь по имени Бархамун. У него была птица, называвшаяся Фанза*, которая была одарена даром слова и проницательностью, а у нее был птенец. Царь отдал приказ, чтобы поместили их в помещение главной его жены, и повелел ей ухаживать за ними. Жена его

* *Бархамун, Фанза* — имена царя и птицы, — как всегда, имеют много вариантов: по одной версии, речь идет о царе Индии, по другой — о царе Кашмира, называется он Браматаран, Брахмадатта и т. д.

родила мальчика, и птенец привязался к нему, так что играли они вдвоем. Фанза каждый день улетала на гору и приносила два плода, одним из которых она питала своего птенца, а другим царевича. Благодаря этому они быстро подросли и окрепли. Когда царь провел про это, Фанза приобрела еще больший почет в глазах царя. Но вот в один из дней Фанза улетела на поиски плодов, а птенец прыгнул в комнату царевича и напортил там. Мальчик рассердился на это, схватил птенца, ударил об землю и убил. Вернувшись и увидев птенца своего убитым, Фанза затосковала и закричала, говоря: — Горе царям, для которых не существует ни обязательств, ни верности слову! Увы тому, кто испытал дружбу царей, у которых нет ничего любимого и дорогого, не любящих никого, для коих дорог лишь тот, от кого они чают выгоды или в ком нуждаются они. Такого они приближают и окружают почетом, но лишь только используют его, как не остается уж у них к нему любви и братства. Они не награждают за добрые дела, и не прощается у них грех. Но все поступки их — лицемерие, порок и погоня за славой. Они способны на всякий великий грех, и он в глазах их мал и незначителен. Сегодня же я отомщу вероломному и немилосердному изменнику, своему другу, сверстнику и товарищу, спутнику в забаве и трапезе. — Затем она прыгнула мальчику в лицо, вырвала лапой глаз и улетела. А потом спустилась на высокое место, опечаленная.

Это дошло до царя. Он сильно загоревал и решил пуститься на хитрость, дабы захватить Фанзу. Подъехав к ней, он остановился и позвал ее по имени, говоря: — Ты вне опасности. Подойди сюда. — Но Фанза отказалась и сказала: — О царь! С вероломного взывает за его вероломство, и если минует его немедленное наказание в сей жизни, то не минует оно его в жизни будущей, так что достигнет оно потомков и детей потомков. Твой сын поступил вероломно, и я наказала его.

Царь сказал: — Мы уж рассчитались с тобой, клянусь жизнью. Ты отомстила нам, и не следует ни тебе с нами, ни нам с тобой искать расплаты. Вернись же безопасно к нам.

Фанза сказала: — Я не вернусь к тебе. Умные запрещают приближаться к тем, кому они отомстили. Они говорят: «Пусть ласковое, мягкое и почтительное обращение с тобой ненавистника твоего только еще более отдалит тебя от него, ибо ты не найдешь большей безопасности от злобствующего и испытавшего месть твою, чем страшась, удаляясь и остерегаясь его». Сказано: умный считает родителей друзьями, братьев — приятелями, жену — подругой, сыновей — почетом, дочерей — спорщицами, родственников — противниками, а себя самого — единственным. И вот я одна-единственная запаслась у вас таким временем печали, которое никто не понесет вместе со мной. Я ухожу, да будет мир над тобой.

Царь сказал: — Если бы ты совершила не расплату с нами за то, что мы сделали с тобой, и если бы ты поступила так без того, чтобы мы выказали вначале тебе измену, тогда все и было бы так, как ты говоришь. Но раз мы это начали, то нет на тебе греха и нечего тебе нам не доверять. Вернись же без опасений.

Фанза сказала: — У ненавистников западает иногда в сердце нечто, причиняющее боль и страдание. Язык тогда не передает правды сердца, но сердца являются лучшими взаимными свидетелями, чем язык. Я знаю, что сердце мое не говорит в пользу твоего языка, ни твое сердце в пользу моего.

Царь сказал: — Разве ты не знаешь, что злобных и ненавидящих много среди людей. Однако умный скорее стремится умертвить в себе ненависть, чем вскормить ее.

Фанза сказала: — Конечно, это так, как ты сказал. Но умный не вправе, исходя из этого, полагать, что ненавистник, испытавший его месть, забыл про нее и оставил это. Умный боится козней и обмана и знает, что многие враги, не будучи в состоянии одолеть противника силой и упорством, ловят его ласковым и нежным обращением, как ловят дикого слона при помощи слона прирученного.

Царь сказал: — Благородный не оставит друга, не порвет с братьями и не покинет того, кто заботится о нем, хотя бы он боялся за самого себя. Этот обычай су-

ществует даже у самых низких животных. Мы знаем, что есть люди, которые режут собак и едят их, и часто собака, привязавшаяся к ним, видит это, однако привязанность мешает ей покинуть их.

Фанза сказала: — Ненависти надо бояться, где бы она ни была. Но еще опаснее и грознее то, что таят в себе цари, ибо цари мщение возводят в закон и в стремлении к расплате видят почет и гордость. Не следует умному обманываться тем, что ненависть успокоилась. Ненависть в сердце, пока она не нашла возбудителя своего, похожа на скрытый уголек, пока тот не нашел дров. Ненависть все время выжидает повода, как огонь жаждет дров, и когда она найдет, разгорается она пыланием огненным, и не потушат тогда ее ни вода, ни слово, ни мягкость, ни кротость, ни смирение, ни мольба, но только гибель души. Бывает, что мститель ищет возобновить прежние отношения с противником, надеясь извлечь из него то, что доставит ему выгоду и защиту. Но я слишком слаба, чтобы удалить то, что в твоей душе. И если бы ты был так расположен ко мне, как говоришь, то это осталось бы для меня скрытым, ибо я не перестала бы бояться и дурно думать о тебе во все время дружбы. Остается одно решение — разлука. Я говорю тебе: прощай.

Царь сказал: — Ты знаешь, что никто не может никому причинить ни пользы, ни вреда, ибо все, великое и малое, постигающее кого-либо, совершается лишь согласно предначертанной судьбе. И подобно тому, как люди нисколько не участвуют в творении того, что рождается и творится, и в продолжении существования существующего, так не участвуют они и в уничтожении того, что уничтожается, и гибели того, что гибнет. Ни на тебе нет греха в том, что сделала ты с сыном моим, ни на сыне моем в поступке его с твоим птенцом. Все это было предопределено роком, а мы были лишь орудие. Не порицай же нас за то, что ниспослала тебе судьба.

Фанза сказала: — Действительно, все это от судьбы, как ты говоришь. Но это не мешает благоразумному сторониться опасности и остерегаться того, чего следует остерегаться. С верой в рок он соединяет реши-

тельность и осмотрительность. Я знаю, что ты рассказываешь мне не то, что в твоей душе. Дело наше обстоит так: твой сын убил моего птенца, а я вырвала у твоего сына глаз, и ты теперь желаешь меня убить и домогаешься моей души, но душа противится смерти. Сказано: бедность — несчастье, горе — несчастье, разлука любящих — несчастье, болезнь — несчастье и отсутствие — несчастье, но вершина всех несчастий — смерть. Никто не знает переживаний страдающего от жажды лучше того, кто сам испытал это. И я понимаю то, что чувствуешь ты относительно меня, на основании примеров, которые у меня есть. Не добро мне дружить с тобой. Никогда ты не вспомнишь о моем поступке с сыном твоим, ни я о поступке сына твоего с моим птенцом без того, чтобы это не взбудоражило наши сердца.

Царь сказал: — Нет ничего хорошего в том, кто не может отделаться от злых мыслей, забыть и умертвить их, так чтобы совсем их не вспоминать и чтобы не было в его душе для них места.

Фанза сказала: — Когда человек, в ноге которого скрыта рана, стремится к легкой поступи, он неизбежно разбередит ее. И тот, с воспаленными глазами, кто становится лицом к ветру, причиняет боль глазам своим. Также и испытавший месть: когда он приближается к врагу, вскрывается рана его, ибо разбережена она. Ни один обитатель жизни сей не может быть настороже пред опасностью, предусмотреть события и полагаться на силу, хитрость свою и на то, что он не обманется тем, в чем он на самом деле не безопасен. А кто полагается на свою силу, того вовлекает это на опасный путь; и стремится он к собственной гибели. Кто не соблюдает меры в своей пище и питье и взваливает на себя то, что он снести не в силах, тот иногда убивает самого себя. Кто не соразмеряет куска своего и увеличивает его прежде, чем посмотреть, проглотит ли он его, тот давится им и умирает. Кто прельщается словами другого и пренебрегает осторожностью, тот злейший враг самому себе. Человеку нечего взирать на свою судьбу: он не знает ни того, чем она поразит его, ни что она отвратит от него. Ему надлежит поступать осмотрительно и браться с решительностью за дело свое,

рассчитывая в нем только на самого себя. Умный не боится никого, пока он в силах, и не предается страху, но находит какой-нибудь выход. У меня много выходов, и я надеюсь, что по какому бы направлению я ни отправилась, — везде найду свой достаток. Есть пять качеств; кто запасется ими, — все станет доступно ему, далекое станет близким, дружелюбна будет чужбина и найдет он себе и пропитание и братьев: это — воздержание от оскорблений, благовоспитанность, избегание дурных подозрений, благородство характера и соблюденение достоинства в поступках. Когда умный страшится за свою жизнь, он готов поступиться родными своими, сыном, родиной и имуществом, так как всему этому он может надеяться найти замену, но надежды заменить чем-нибудь жизнь свою у него нет. Самое плохое богатство то, которое не расходуется, самая дурная жена та, которая несговорчива с мужем, и худший сын — ослушивающийся. Злой из братьев тот, кто оставляет без помощи, худший из царей тот, кого боятся невинные, и самая скверная из стран та, где нет безопасности. Я также не вижу себя безопасной и не спокойна за жизнь свою рядом с тобой. — Затем она простилась с царем и улетела.

Такова притча о мстителях и их опасениях друг друга.

ГЛАВА О ЛЬВЕ И ШАКАЛЕ-ПОСТНИКЕ

арь сказал филосо-
фу:— Я понял прит-
чу о мстителях и о
том, как они остере-
гались друг друга.
Расскажи мне те-
перь, если угодно,
притчу об отноше-
ниях царей к сво-
им приближенным, о
том, как иные из них
возвращаются вновь
к царю, после того
как они потерпели
наказание или же-

стокое обращение, было ли то за проступок, совершен-
ный ими, или несправедливостью, ими перенесенной.

Философ сказал: — Когда царь не восстанавливает
прежних отношений с тем, кто потерпел жестокое
обращение или наказание за грех, совершенный им,
или несправедливо, тогда вредит это делу управления
его. Царю надлежит расследовать положение потер-
певшего, разведать причину его беды и разузнать ту
пользу, которую он может ожидать от него. И если
тот окажется из тех, кто может принести помочь царю,
из тех, на ум и верность которого можно положиться,

тогда царь должен стараться снова сблизиться с ним. Ведь сила царей только в их помощниках и везирах, польза от последних заключается в их любви и доброжелательстве, а любовь и доброжелательство бывают только вместе со справедливостью ума и великой скромностью. Во многих дельцах и работниках нуждаются цари, а тех из них, кто объединяет в себе то доброжелательство и справедливость ума, о которых я упомянул, мало. Вот чем следует руководствоваться для того, чтобы правильно шли дела: царю должна быть известна любовь того, кого он хочет иметь своим помощником, и степень полезности, ума и недостатков каждого лица. Когда же выяснится твердо для него все это, путем собственного опыта или через надежных людей, как равно и самый способ ведения дела, тогда на каждое дело он направит такого человека, про которого он знает, что он сполна наделен честностью, мужеством и умом, а недостатки, имеющиеся у него, этому делу не повредят. На такое же дело, где его доблесьть, хотя она и присуща ему, не нужна, или где нельзя быть спокойным за недостатки его и нежеланные последствия от них, на это он направить его остережется. Но и после этого царю надлежит не оставлять наблюдения за помощниками своими, но следить за ними и делами их, дабы не скрылись от него хорошие следствия добрых дел и дурные — злых. Далее, следует царю не оставить хорошего помощника без награды и не укрепить нерадивого и злого в его нерадении и зле, ибо если они поступят так, то проявится небрежность у хорошего помощника и наберется смеялости злой, а дело разрушится и погибнет. Это походит на притчу о льве и шакале.

Царь сказал: — А как это было?

П р и т ч а. Философ сказал: — Говорят, что жил в такой-то земле один шакал. Он был богобоязнен и целикомудрен как со своими самками, так и с самками волков и лисиц. Он не поступал так, как другие, не нападал подобно им, не проливал крови и не ел мяса. И заспорили раз о нем звери. Они сказали: — Мы недовольны твоим поведением и твоим решением оставаться богобоязненным, хотя это тебе совершенно бесполезно;

недовольны тем, что ты не можешь жить так, как мы, идти нашей дорогой и делать то, что и мы. Что удерживает тебя проливать кровь и есть мясо?

Шакал сказал: — Общение с вами не заставит меня грешить, если я сам не вовлеку себя в грех, ибо не место и друг являются источником греха, а сердце и образ действия. А если бы было так, что у занимающего доброе место были и поступки добрые, а у занимающего дурное — и поступки дурные, тогда тот, кто убил бы благочестивца в молельне его, не согрешил, а тот, кто пощадил его в схватке сражения, согрешил бы. Разве вы не видите, что хотя я и веду общение с вами, но сердцем и поступками я не сопутствую вам, ибо я знаю плоды ваших дел.

И вот так жил этот шакал, славясь благочестием своим и благородством ума. Дошло это и до льва, который был царем над зверями этой местности. И страстно захотелось ему повидать того, о скромности, правдивости и честности которого он услыхал. Он послал за ним, поговорил с ним, выпытал его, а через несколько дней предложил ему свою дружбу.

Он сказал: — Велико царство мое, и много у меня дел; я нуждаюсь в помощниках. До меня дошли вести об уме и воздержании твоем, теперь ты прибыл ко мне, и я еще больше тебя полюбил. Я поручу тебе важное дело, возвышу сан твой до степени вельмож и введу тебя в число своих приближенных.

Шакал сказал: — Цари властны выбирать себе помощников в заботящих их событиях и делах, но не принуждая к этому никого, потому что привлеченный насилием не может проявить старания в деле. Я не люблю положения, где проявляется власть, нет у меня в этом опыта, и не умею я властвовать. Ты царь зверей, и у тебя много их всех родов: есть среди них сильные и искусные, стремящиеся к таким должностям и обладающие способностью к ним. Если ты назначишь их, то они исполнят твою задачу и осчастливят себя тем удовольствием, которое они в этом получат.

Лев сказал: — Брось эти речи. Я не оставлю тебя без должности.

Шакал сказал: — Двое могут только дружить с царем — беззаконный пролаза, достигающий цели своей и спасающийся хитростями своими, и затем презренный, тот, на кого никто не обращает внимания и кому никто не завидует. А что до того, кто желает дружить с царем искренне, честно и скромно и не примешивает к этому каких-либо ухищрений, то редко уцелеет у него дружба с ним, ибо и враг и друг правителя соединят против него свою ненависть и вражду. Друг будет соперником его сану, будет завидовать ему и враждовать с ним из-за него, а враг правителя будет злобствовать на него за его искреннюю любовь к царю и за достаток его. Когда же соединятся против него эти двое — будет он стоять перед гибелью.

Царь сказал: — Никогда друзья мои не посягнут на тебя и не будут завидовать так, как ты себе представляешь. Я избавлю тебя от этого и постараюсь почетом и добром ответить на тревогу твою.

Шакал сказал: — Если царь хочет оказать мне добро и почет, так пусть он оставит меня жить в этой пустыне и будет уверен, что я проживу, довольствуясь водой и травой. Я ведь знаю, что у друга правителя каждый час бывает столько неприятностей и страха, сколько не бывает у иного во всю его жизнь. И лучше жить жизнью скромной, спокойной и безмятежной, чем обильной событиями, но заключающей также страх и бедствия.

Лев сказал: — Я выслушал твои слова. Не бойся ничего того, что ты считаешь страшным. Тебе неизбежно придется быть моим помощником.

Шакал сказал: — Раз уж царь отказывается от этого, так пусть он даст мне такое обещание: если по-завидует мне из страха пред саном моим кто-нибудь из друзей царских, стоящих выше меня или ниже, и станет соперничать со мной в сане и наговорит царю своим языком или чрез других такие вещи, цель которых возбудить его против меня, — так пусть не спешит царь расправиться со мной, но расследует эти вести и рассмотрит их, а потом пусть он рассудит, как ему заблагорассудится. Если я могу положиться в этом на царя, тогда я сам приду на помочь ему,

исполню то, что он поручит мне, с любовью и рвением, и буду стараться ничем не навлечь на себя повода для порицания.

Лев сказал: — Это обещается тебе мною.

И назначил он его смотрителем над сокровищницами своими. Он отличил его саном среди всех дорогих для него своим советом и мнением, с каждым днем проникался пред ним все большим восхищением и возвышал ему как почет, так и положение. Это было тяжело для окружавших льва приближенных, друзей и помощников, которые прониклись к шакалу враждой и завистью и сговорились настроить льва против него, чтобы его погубить. Решившись на это по вероломству своему, они прокрались однажды к мясу, которое полюбилось и понравилось льву, так что он повелел отнести его в свой склад пищи, дабы потом снова взять его; они похитили его, а потом подбросили в дом шакала и скрыли в месте, которого никто не знал. На другой день лев велел принести ему обед, но мяса не оказалось. Он его требовал, но не находил. Шакала не было, но те, что замыслили против него обман и козни, были налицо. Лев все настойчивей требовал мяса и, наконец, разгневался. Тогда те переглянулись друг с другом, и один из них сказал словами доброжелательного вестника: — Мы должны сообщать царю все вредное и полезное ему, что нам известно, хоть бы и тяжко это было для него. Дошло до нас, что шакал унес это мясо себе домой.

Другой сказал: — Думаю, похоже, что он сделал это. Однако рассмотрите и расследуйте это, ибо трудно знать характер других.

Другой сказал: — Клянусь жизнью, никому не легко проникать в помыслы других, но если вы поищете, найдете, и все, что рассказано нам о его недостатках и вероломстве, окажется правдой, тогда мы вправе будем оставить его и подвергнуть суду все, что о нем говорили.

Другой сказал: — Не следует никому обманываться тем, что известно ему про какое-либо злоумышление, так как не спастись замыслившему его и не скрыться за ним.

Другой сказал: — Как спасется тот, кто замыслил зло против правителя? Как он скроется? Трудно остаться скрытыми злым умыслам царских друзей.

Другой сказал: — Мне уж сообщил один о страшном деле шакала, которое я вспомнил, выслушав ваши речи.

Другой сказал: — От меня не укрылись свойства и козни его, как только я увидел его в первый раз. И я сказал уже не раз — прошу такого-то засвидетельствовать, — что этот обманщик, притворяющийся смиренником, который показывает нам, что дело, порученное ему, — беда и несчастье для него, вместе с тем совершил такую великую измену — ведь это изумительное диво!

Другой сказал: — Если мы обнаружим, что это правда, так это не только вероломство, но и неблагодарность к благодеяниям царя и покушение на него.

Другой сказал: — Вы справедливы и достойны. Я не могу счесть вас лжецами, однако правда или ложь этого выяснилась бы окончательно тогда, когда царь послал бы кого-нибудь в дом шакала, чтобы произвести розыски там.

Другой сказал: — Если будут обыскивать жилище его, пусть спешат, так как его шпионы и разведчики рассеяны по всем местам.

Другой сказал: — Я хорошо знаю, что если обычут дом шакала и обнаружат вероломство его, то он пустится на хитрости и козни и обойдет царя, так что он простит и оставит его.

И они не переставали говорить подобные речи, пока не заронили в душу льва подозрение против шакала. Он призвал его и сказал: — Что ты сделал с мясом, которое я тебе приказал сохранить?

Он сказал: — Я отдал его такому-то заведующему над пищей, дабы тот подал его царю.

Царь призвал заведующего пищей, а он был сообщником тех. Царь спросил его о мясе, и тот сказал: — Он мне ничего не давал.

Царь послал тогда своих надежных людей для обыска в доме шакала. Те нашли там мясо и принесли его к нему. Тогда приблизился к царю волк, который

ни слова не сказал об этом деле и о котором было известно, что он справедлив, из тех, кто вступает в разговор лишь о том, что ему хорошо известно. Он сказал льву: — Раз царь обнаружил вероломство шакала, то ни в коем случае пусть не прощает его, так как если он простит, никто уж больше не укажет царю ни на чьи проступки и измену.

Лев приказал вывести шакала и присматривать за ним, пока он не составит себе мнения о нем.

Тут один из присутствующих сказал: — Я удивляюсь, как для льва при его уме и знании осталось скрытым это дело? Как он не понял это коварство и обман?

Другой сказал: — Меня больше всего поражает то, что я вижу льва еще приступающим к расследованию, после всего того, что он узнал про него.

Затем лев послал к шакалу одного из них с предложением извиниться, но тот вернулся с подложным письмом. Тогда разгневался лев на шакала и повелел его казнить.

Это дошло до матери льва. Она поняла, что лев поторопился в этом деле, и послала сказать тем, кому велено было совершить казнь, чтобы они ее отложили. Затем она пришла к сыну и сказала: — За какой проступок ты приказал казнить шакала?

Лев рассказал, как это было.

Она сказала: — Ты поспешил, мой сын. Лишь медленностью и неторопливостью сохраняет себя умный от раскаяния, и наиболее нужна обдуманность царям. Жена держится мужем, сын — родителями, ученик — учителем, царь — войском, войско — вождем, благочестивец — верой, народ — царем, цари — добродетелью, добродетель — умом, а ум — неторопливым размышлением. Вершина благоразумия царя — знание им своих друзей, размещение их по степеням достоинств их и зоркое наблюдение за их отношениями друг к другу. Ведь если кто-нибудь из них найдет путь погубить товарища, принизить мужество храбрых, хороший поступок добрых и скрыть злой поступок злых, он не преминет исполнить это. Но это быстро губит и расстраивает дело и навлекает великий

вред и порчу. Я испытала шакала и разузнала его благовоспитанность и великодушие прежде, чем ты сделал его своим помощником и доверился ему. И я всегда была им довольна и со дня на день все больше с ним сдружалась и проникалась к нему доверием и любовью. Ты приказал его казнить за какое-то блюдо мяса, которого у тебя не оказалось. Но, может быть, это его друзья наделили его в глазах твоих ложным грехом из зависти своей к нему и сговора против него. Знай, когда цари поручают другим те дела, коими следует заняться им самим, и берутся за такие, которые им надлежит доверить тем, кто им соответствует, тогда гибнет дело, и навлекают они беду на себя самих. Царям надлежит исследовать разные возможности и не доверять заблуждению глаз и ошибке зрения, когда они отдают предпочтение одним из них перед другими, как тому, кто хочет купить вина, следует испытать его цвет, вкус и запах. А если он поступит наудачу, то не будет обеспечен от обмана и убытка. Подобно тому, кто видит как бы волосок пред глазами от поразившей их болезни и твердо решает, что это волос, хотя и знает, что если бы это был волос, заметный и для других, то, конечно, его известили бы и спрavились о болезни его. Или подобно глупцу, который, видя светляка во мраке, решает на основании одного зрения, прежде чем дотронуться до него, что это огонь, но когда коснется, тогда ясна делается для него ошибка его решения.

Ты должен был вдуматься в дело шакала, вдуматься внимательно и понять, что раз он раньше не ел мяса, которое ты иногда приказывал ему приготовить в большем количестве, но употреблял его на питание твое и твоего войска, то не будет он способен украсть и эту малую долю, которую ты велел ему сохранить. Расследуй же дело его, ибо презренные и низкие обычно всегда завидуют великодушным и благородным и оскорбляют и не отстают от них. Шакал великодушен и достоин, и, может быть, это его враги, из среды твоих друзей, тихонько подложили мясо ему в дом без его ведома. Когда сокол захватывает кусок мяса, тогда много птиц начинают состязаться с ним,

и когда собака находит кость и держит ее в зубах, то множество других готовы помочь друг другу против нее. Если же ты не смотришь на врагов шакала среди своих друзей, то взгляни на себя и не покорись тем их козням, которыми ты навлечешь вред на самого себя. Наибольшая обязанность как простых людей, так особенно правителей заключается в том, чтобы неприкосновенны были их добрые помощники, пособники и братья, хотя бы и были пособники и помощники их невеликодушны и бесполезны. Но полезность шакала для тебя была всегда велика: он ставил благо твое выше своих желаний, покупал твой покой ценой своего благополучия и твое довольство — ненавистью друзей; нет ничего, что бы он не взялся исполнить и совершил; он не скрывал от тебя никакой тайны и не уклонялся ни от какого дела, хотя бы и было это и тяжко и трудно. А у кого из друзей таковы свойства, того можно сравнивать только с отцом, сыном или братом.

Во время этой речи матери льва вошел тот, кто устроил козни шакалу и открыл льву про него. Мать льва, убедившись, что лев уже увидел невиновность шакала, сказала ему: — Раз ты узнал дерзость своих друзей и их заговор против него, то не ограничись этим; но неустанно расстраивай всякий их союз, пока не отсечешь от себя страх пред ним, дабы не превратили они тебя в игрушку и не приучил бы ты их покушаться на вред тебе и зло. Пусть не ослепляет тебя власть твоя и не увлекает считать их слабыми и силу их ничтожной. Когда слабую траву соберут и совьют в веревку, то получается крепкий канат, надежный для того, чтобы удержать и сильного, буйного слона. Верни же шакалу его сан и положение, и пусть не лишит тебя надежды на доброжелательство его то излишнее зло, которое ты ему причинил. Не следует страшиться обмана и вражды со стороны всякого, испытавшего злое обращение, и отчаиваться на возвращение его доброжелательства и любви. Но подобает наделять саном людей сообразно их достоинствам при всем различии взаимоотношений их. Ведь одни из них таковы: когда удается отделиться от них, то хорошо бывает совсем отстать от них и воздержаться от возобновления прежних отношений, с

другими же ни в каком случае не следует расходиться или покидать их. Тот, кто известен несправедливостью, низким отношением к обязательствам, малой верностью к своему слову, неблагодарностью, далек от благочестия и не пригоден к общению с братьями и друзьями, хотя и не испытывает с их стороны огорчения, — тот заслуживает, чтобы, воспользовавшись разлукой с ним, воздержались бы от соединения с ним. Но кто не обладает ни одним из этих свойств, щедро наделяет братьев благодеяниями своими и переносит все неприятности от них и огорчения, хотя и было бы это тяжело, кто известен своим особенным пред другими благочестием и готовностью помочь в беде и во всех делах и положениях, — тот достоин, чтобы извлекли пользу из близости его и удержались бы от разлуки с ним.

Тогда лев призвал шакала, извинился пред ним^{*} и объявил, что он возвращает ему его сан и положение.

Шакал сказал: — Счастье иметь таких друзей, кои готовы перенести жестокое и противоречивое слово товарища из боязни вреда последствий и кои действительно переносят их, когда их встречают. Но да позволит мне царь сказать ему, что нет больше пути ему доверять мне и не следует ему более спрашивать советов моих. Ведь кого постигло какое-нибудь тяжкое и незаслуженное несчастье, кто отстранен от сана своего и положения, у кого отнято несправедливо имущество или кто был приближенным, а потом без причины удален, кто заслуживал один среди подобных себе награды, но награждены были и возвышены пред ним другие, или кто прославился чрезмерной алчностью и жадностью или видел в пользе царя для себя вред, а во вреде для него себе выгоду, — на всех таких не должен полагаться царь и доверять им, ибо каждый из них может оказаться вместе с врагом его против него. Сегодня еще я казался, на первый взгляд, склонным на вражду с царем, и та любовь и привязанность, которые я питал к царю, не смогут помешать ему быть подозрительным ко мне и развеять его прошлые дурные мысли. И не из лицемерного отношения моего к нему и без умысла были эти любовь и привязанность мои, открывшиеся для него. Вместе с тем я не уверен, что

враги мои не возбудят снова царя против меня лживым и неправым словом из боязни получить одно воздаяние со мной и из жадности к положению моему. Не уверен в том, что не будет сочтена за истину та ложь, которой они будут возбуждать царя против меня. Если же они выполнят это, то не нужен им будет больший помощник в том, чтобы царь принял этот навет, чем то подозрение, которое запало в душу царя. Но если бы царь и питал доверие ко мне и не сомневался во мне, однако так, что это оставалось бы от меня скрытым, то неизбежно я страшился бы его сомнений в дружбе моей, его злобы и злобы относительно меня и легкой веры научениям на меня моих врагов, при воспоминании о той поспешности, которая была проявлена ко мне. И раз уж дело обстоит так, что царь доверится мне, а я — ему, то пусть смотрит, каким путем он ищет дружбы со мной.

Лев сказал: — Я узнал теперь твой характер и нрав, и сан твой в глазах моих — сан лучших и благородных. У благородного один добрый поступок заставит забыть тысячу злых, а у низкого один злой поступок заставит забыть тысячу добрых. Я верю тебе, что наши прошлые благодеяния тебе заставят тебя забыть те крайности, которые мы обнаружили в деле твоем. Мы снова верны тебе, верни же и ты доверие нам и нашим намерениям. Счастье и радость будут для тебя в этом.

И вернулся шакал к управлению своему от тех испытаний, которые он перенес со стороны льва, и все больше и больше умножала судьба его довольство и счастье до самой смерти.

Такова глава о везирах царских, помощниках и приближенных его.

ГЛАВА О СТРАННИКЕ, ЗОЛОТИЛЬЩИКЕ, БАРСЕ, ОБЕЗЬЯНЕ И ЗМЕЕ

1

арь сказал филосо-
фу: — Я выслушал
твой рассказ про де-
ла царей о том, как
они возобновляют
снова прежние отно-
шения с теми при-
ближенными, кого
возвращают к себе.
Расскажи теперь, кому
следует царю ока-
зывать благодеяние,
кому следует ему до-
верять и надеяться
на помочь его.

Философ сказал: — Царям, да и другим надлежит оказывать добро тем, кто его достоин, поддерживать на-
дежду у тех, кто заслуживает благодарность и похва-
лы, не взирать на приближенных знатных, ни на вель-
можных, богатых и сильных и не отстраняться от оказа-
ния добра слабым, бедным и ничтожным. Им надлежит
выведывать и испытывать и малых и великих, насколь-
ко они призательны и насколько прочна привязан-
ность их в минуты измены и неблагодарности, а потом
поступать сообразно своим впечатлениям и мыслям.
Ведь умный врач не станет лечить больного на основа-

нии одного внешнего осмотра и только, но он исследует его мочу, пощупает пульс, а потом уже назначит лекарство по силе своего знания. Также и умному человеку, раз он нашел людейуважительных, верных слову и благородных, или животных с такими же качествами, то ему следует поддерживать с ними хорошие отношения, ибо может случиться, что в один из дней он будет нуждаться в них и тогда они вознаградят его. Иногда умный человек предостерегает других, но не осторожен сам, берет ласку и впускает ее себе в дом или сажает птицу на руку. Сказано: не следует умному презирать ни великих, ни малых, как из людей, так и животных, но он должен покровительствовать им, и обращение его с ними должно соответствовать их поведению. Об этом была некогда рассказана притча одним из мудрецов.

Царь сказал: — Как же это было?

Прич а. Философ сказал: — Говорят, что однажды люди отправились к пещере и выкопали там ров для зверей. И попали туда золотильщик, барс, змея и обезьяна, которые не сделали человеку зла. А мимо этого колодца проходил путник; он заглянул в него, увидел и задумался в душе своей. Он сказал: — Не видел я доселе поступка, лучшего для будущей жизни, чем спасение этого человека от врагов. — Он взял веревку и спустил ее к ним. Обезьяна, как более легкая, ухватилась за нее, и он поднял ее наверх. Потом он бросил веревку второй раз, барс уцепился за нее, и он вытащил его. Когда он повторил это третий раз, змея обвилась вокруг веревки, и он спас ее. Они стали благодарить его за поступок и сказали: — Не вытаскивай этого человека и не спасай. — Обезьяна сказала: — Я живу рядом с городом, называемым Бараджун*. — Барс сказал: — Я в чаще около него. — Змея сказала: — Я также обитаю в стенах его. Если когда-нибудь ты придешь в него или пройдешь мимо и будешь нуждаться в нас, то позвови нас, и мы явимся к тебе и вознаградим за те дружбу и добро, которые ты нам оказал.

* *Бараджун* — название точно не устанавливается.

Затем странник опустил веревку золотильщику, не обратив внимания на слова обезьяны, барса и змеи о его неблагодарности, и вытащил наружу. Тот восславил его, поклонился ему и сказал: — Ты оказал мне великое благодеяние, и я также обязан совершить его. Если случится тебе прийти в город Бараджун, то спроси обо мне, так как мой дом там. Может быть, я смогу отблагодарить тебя чем-нибудь за твой прекрасный поступок. — Затем они разошлись каждый в свою сторону. Чрез некоторое время страннику понадобилось пойти в тот город, и он отправился. Ему встретилась обезьяна, которая поклонилась ему, поцеловала его руку и ноги, принесла извинения и сказала: — Я не владею ничем, но подожди минутку, я принесу тебе кое-что из нашей добычи. — Она ушла, но тотчас же явилась с вкусным плодом и положила его перед ним, приветствуя его.

Потом он отправился в город и встретил барса. Тот поклонился ему, приветствия и сказал: — Ты оказал мне большое и великое благодеяние. Постой здесь, я сейчас вернусь. — Он пошел, не мешкая, к дочери царя, убил ее, взял ее ожерелье, вернулся к нему и отдал его ему так, что никто не знал.

Странник сказал сам себе: — Если эти животные так наградили меня и поступили со мной, то что же будет, если я пойду к золотильщику? В случае же его несостоинства он продаст мне это ожерелье по его стоимости и часть даст мне, а часть возьмет себе.

Затем он вошел в город и пришел к жилищу золотильщика. Тот сказал ему: — Добро пожаловать, — и ввел к себе в дом. Взглянув на ожерелье, бывшее у странника, он признал его и сказал: — Подожди, я схожу за пищей, тебе поесть. То, что есть в доме, я не считаю достойным тебя.

Он ушел, прибыл к воротам царя и послал ему сообщить: «Человек, убивший твою дочь и похитивший ее ожерелье, захвачен мной и находится у меня в заключении».

Царь послал за странником, и его захватили. Когда он увидел у него ожерелье, он повелел его сначала наказать, потом провести по всему городу и затем распять. Когда это было приведено в исполнение и его по-

вели по городу, он стал плакать и приговаривать громким голосом: — О, если бы я послушался указаний обезьяны, змеи и барса, не постигло бы тогда меня это несчастье!

Змея услышала эти слова и вышла из своей норы.

Тяжко стало ей, когда она увидела его состояние, и она стала размышлять о средствах его спаси. Она отправилась к царскому сыну и ужалила его в ногу. Когда это дошло до царя, он позвал ученых людей, дабы они заговорили царевича. Они заклинали его, но ничего не выходило. Тогда они стали смотреть на звезды и пускались на все хитрости, пока к нему не вернулась речь и он сказал: — Я выздоровею только, когда придет тот странник и заговорит меня, коснувшись меня своей рукой. Царь приказал его казнить неправо и несправедливо.

Змея же отправилась к своей сестре из духов и рассказала ей о случае с ней и о том благодеянии, которое ей оказал тот странник. Она прониклась жалостью к нему, пошла к царевичу, обернулась и сказала: — Знай, что ты не выздоровеешь, пока не произнесет над тобой заклинания этот несправедливо обиженный странник. — Потом она отправилась к страннику, сообщила ему об этом и сказала: — Не удерживала ли я тебя от человека, а ты не послушался меня! — Затем она дала ему растение, полезное от яда, и сказала: — Когда ты придешь к царю, то заговори мальчика и напой его влагой этого растения, и он поправится. Потом расскажи царю по правде, как было дело, и ты спасешься, если угодно богу.

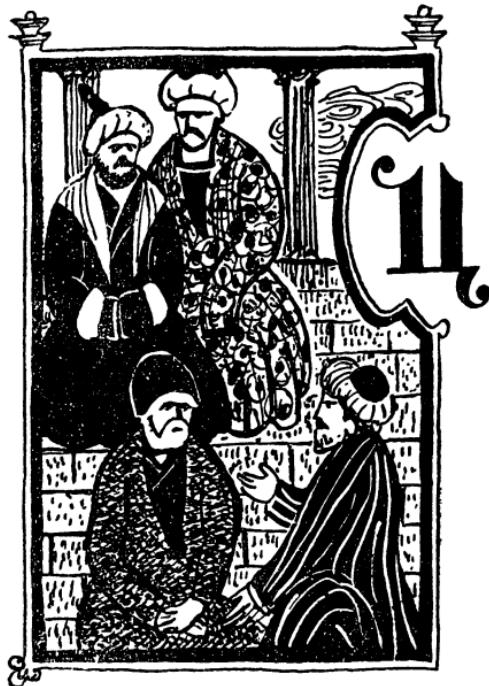
После того как заклинатели, призванные царем, не принесли никакой пользы, царевич сказал ей: — Исцеление мое только в руках этого благочестивого человека, которого ты захватил и велел наказать. — Тогда царь приказал приостановить наказание того благочестивца и привести его к нему. Когда он был приведен, царь повелел ему заговорить его сына. Тот сказал: — Я не умею хорошо заговаривать, но я вознесу о нем молитву, в которой, надеюсь, будет для него исцеление. — Он сказал: — Я призвал тебя только для того, чтобы ты поведал мне о своей нужде. — И рассказал

странник царю свою историю о благодеянии своем золотильщику, барсу, змее и обезьяне, об их наказах ему и о причинах, побудивших его идти в город. Потом он сказал: — О боже! Ты знаешь, что я сказал правду, спаси же скорей щаревича от его недуга, верни ему здоровье и исцели его! — И выздоровел мальчик от своего недуга, и избавил его бог от него. А царь одарил странника, приблизил его к себе и хорошо обращался с ним; золотильщика же он приказал распять, что и исполнили.

Затем философ сказал царю: — В поступке золотильщика со странником и в его неблагодарности ему после своего спасения, в благодарности к нему животных и избавлении его, — во всем этом есть поучение для обладающих разумом и повод для размышления тем, кто вдумывается, оказывая благодеяние и добро людям верным и благородным, близким и далеким. Ибо в этом правильное решение, привлечение пользы и отстранение нежелаемого. Таков исход благодеяний.

ГЛАВА О ЦАРЕВИЧЕ И СЫНОВЬЯХ ЗНАТНОГО ЧЕЛОВЕКА, КУПЦА И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

когда постигает его несчастье, беда и тяжкое бедствие.

Философ сказал: — Подобно тому как человек видит только при помощи глаз и слышит при помощи ушей, так и знание завершается только умом, благоразумием и осмотрительностью. Однако судьба и рок господствуют над всем этим, усложняют это и то благоприятствуют человеку, то губят его. Притчей на это будет притча о царевиче, которого видели сидящим у ворот города Матуна *, а потом написавшим на них,

* *Матун* — в других версиях называется *Мантур*; какая местность имеется в виду, неизвестно.

когда окончилось дело: «Только судьба и рок царствуют над умом, красотой, усердием, силой и всем остальным».

Царь сказал: — Как это было?

Причина. Философ сказал: — Говорят, что четыре человека заключили между собой дружбу. Один из них был сын царя, другой — сын знатного человека, третий — купца и четвертый — земледельца. Все они нуждались: их постигло трудное и тяжкое время, так что не было у них ничего, кроме того платья, которое было на них. Как-то они брели, и сын царский сказал: — Все события здешнего мира — предопределены. — Сын купца сказал: — Лучше всего — разум. — Сын знатного человека сказал: — Красота лучше всего того, что вы упомянули. — А сын земледельца сказал: — Лучше всего этого усердие.

Они шли к городу, называвшемуся Матун. Дойдя до него, они остановились в стороне и сказали сыну земледельца: — Пойди и добудь своим усердием нам пропитания на этот день. — Тот отправился туда и там спросил: — За какую работу можно, работая с раннего утра до ночи, получить столько пищи, чтобы насытить четырех человек? — Ему сказали: — Дороже всего ценятся дрова. — А они были на расстоянии нескольких фарсахов от города. Он направился туда, принес толстых поленьев и продал их за половину дирхема *. Потом он купил на это сколько нужно провизии для товарищей и написал на воротах города: «Стоймость усердия одного дня равна половине дирхема». Потом он пришел с покупкой к ним, и они взяли это от него и поели.

На другой день утром они сказали сыну знатного: — Пойди со своей красотой и добудь сколько-нибудь для нас пропитания. — Он пошел и стал размышлять в душе своей. Он сказал: — Я не умею выполнять никакой работы. — И стыдясь вернуться к товарищам без пищи, он решил с ними разлучиться. В задумчивости он уперся спиной о дерево. Мимо него проходила жена одного из вельмож того города. Поразила ее красота его, и она подослала к нему свою служанку, которая его и

* *Дирхем* — общее название всякой серебряной монеты.

привела. Она отдала распоряжение, его вымыли, и затем он провел с ней весь свой день в наслаждении и почете. Под вечер вознаградила она его пятьюстами динарами, и он отправился к своим друзьям, написав на воротах города: «Стоимость красоты в течение одного дня — пятьсот динаров».

На следующее утро они сказали сыну купца: — Промысли нам что-нибудь при помощи своего ума и торговых знаний. — Он ушел, но не прошел далеко, как увидел, что большой корабль бросил якорь у берега недалеко от города. Люди вышли к нему, чтобы купить его товар. Но главари их справились о цене, а потом сказали: — Разойдитесь сегодня; мы лишим сбыта их товар, и они сбавят цены. — Они так и сделали. Тогда сын купца тайком прошел к ним и купил все, что у них было, за сто тысяч динаров. Когда это дошло до купцов, они пришли к нему и дали ему барыша сто тысяч. Он пересчитал деньги и передал им покупку, а сам вернулся к своим товарищам. Проходя же мимо городских ворот, он написал на них: «Стоимость ума — сто тысяч динаров в день». Они воспользовались добытым и были в достатке.

Утром четвертого дня они сказали царевичу: — Пойди, достань нам что-нибудь при помощи рока и судьбы. — Он отправился, пришел к городским воротам и сел на одну из скамеек около ворот. И суждено было, что царь того города помер и не оставил ни сына, ни брата, ни близкого родственника. И вот проходили мимо царевича с царскими останками и заметили, что он не движется, не волнуется и не печалится о смерти царя. И спросил один из них: — Кто ты и почему ты сидишь у городских ворот, не печался о смерти царя? — Он не ответил ему, и тот обругал его и прогнал. Но когда те люди прошли, он вернулся на свое место. Когда все разошлись, увидел его тот, кто с ним так поступил, и сказал: — Разве я не запретил здесь сидеть? — Он подошел к нему, схватил и заключил в темницу. Когда они собрались, дабы поставить себе царем, кого выберут, встал тот, кто приказал заключить юношу, и рассказал им эту историю. Он сказал: — Я боюсь, что это шпион, подосланный к нам, — пошлите за ним. —

Они привели его и спросили, кто он, что он делает и по какой причине пришел в их землю. Он сказал: — Я Истахар, царь Курунада *. Когда умер отец, то брат мой захватил царство, хотя я старше его. Я бежал от него, опасаясь за свою жизнь, и прибыл к вам. — Когда они выслушали это и уразумели его слова, а он сообщил им, кто жил в их стране, и они восхвалили его, после этого они избрали его своим царем и поручили ему свои дела. А был у них обычай водить вокруг города того, кого они избрали начальником над собой. И вот они посадили его на слона и водили его повсюду кругом. Когда он проходил мимо городских ворот и взглянул на них, он увидел надписи своих друзей. Он отдал приказ, и там написали: «Усердие, ум, работа и все злое и доброе, что постигает человека, — все это совершаются по предопределению и судьбе. Доказательством этого да послужит тебе то благоденствие и счастье, которое оказал мне бог благостью своей».

Потом царь пришел в зал заседаний, сел на трон и послал за своими друзьями. Они явились, и он наградил их и обогатил. Затем собрал он помощников своих и совершенных опытностью и умом мужей своего государства и сказал: — Мои друзья уже убедились в том, что то добро, которым наделил их господь, пришло только по предопределению и судьбе, по велению которых было и все то, что они помнят. И действительно, то, что даровал и уготовал мне господь, случилось не по моей красоте, уму или усердию. Я не питал надежд, когда изгнал меня мой брат и устрашил, что достанется мне тот сан и я буду обладать им, ибо я видел среди жителей этой страны людей более совершенных и красивых, чем я, и знал, что есть у них такие, кто лучше меня опытностью и усердием. Но привел меня господь и рок к тому, что я ушел на чужбину и приобрел власть, которая была Богу известна и им предопределена, хотя я уже примирился с тем, что буду жить жизнью суровой и трудной.

Тогда встал один странник из этой страны и сказал: — О царь! Ты говорил разумно, обдуманно и муд-

* *Курунад* — название точно не определено.

ро. Мы хорошо думаем о тебе и во многом надеемся на тебя, соглашаемся с твоими словами и признаем правильной речь твою. И мы знаем, что ты достоин того, чем наделил тебя господь, в силу его великого участия и постоянной милости к тебе. Ведь наиболее сметлив в мире этом и будущем и наиболее радостен в нем тот человек, который наделен у бога тем, чем наделен ты, и которому оказано то, что оказано им тебе. Бог только удовлетворил наши желания, поставив тебя над нами царем и возложив на тебя наши дела. Мы славим бога за эту честь и милость, которые он нам оказал.

Потом поднялся другой странник. Он вознес богу хвалу и славословие, восславил его и упомянул милости его и сказал: — О царь! Будучи еще мальчиком, я, прежде чем стал странником, служил у одного человека. Когда же явилась у меня мысль покинуть мирскую жизнь, я расстался с ним, и он дал мне в уплату два динара. Я решил один динар отдать бедным, а другой истратить на себя. Но потом я сказал: «А не большая ли заслуга будет для будущей жизни, если я выкуплю за динар живую душу и дам ей свободу ради господа?» И я пошел на рынок и нашел там охотника с двумя голубями. Я стал торговать их, но он отказался отдать их меньше чем за два динара. Я настаивал на том, чтобы он отдал их за динар, но он не соглашался. Тогда я сказал: «Может быть, это чета супругов или братья. Я боюсь, если я дам свободу одному из них, то другой помрет». И купил их обоих за назначенную цену. Но я побоялся, что, выпущенные в населенном месте, они от худобы, полученной в тяжелой жизни, не сумеют улететь. Я отправился с ними на обширное пастбище, выпустил их, и они полетели, но потом опустились на дерево, я же вернулся обратно. Один из них сказал другому: «Этот странник освободил нас из нашей беды, и мы обязаны вознаградить его за его поступок». Затем они сказали мне: «Ты оказал нам то, за что мы должны тебя отблагодарить, вознаградить и воздать тебе. У корня этого дерева есть кувшин, наполненный динарами, возьми его».

Я подошел к дереву, а сам был в сомнении от их слов. Но едва я копнул, как дошел до кувшина, извлек

его и вознес богу молитвы о их здоровье. Я сказал им: «Раз вы знаете даже то, что под землей, и летаете между небом и землей, то как попали вы в беду, из которой я вас выручил?» Они сказали: «Разве ты не знаешь, о мудрый, что, когда низвергается судьба, она слепит взор. Рок властвует над всем, и никто не в силах ни миновать его, ни отстраниться от него».

Затем философ сказал царю: — Пусть же знают те, кто всматривается в события и ведает их, что все свершается по предопределению и судьбе, никто не в силах привлечь к себе то, что ему нравится, ни отогнать то, чего он не желает. Все это принадлежит богу, который творит то, что хочет, и предопределяет те события, которые желает. Пусть же смирятся перед этим души и покорятся сердца, ибо для тех, кому внушил бог это и наставил на это, — простор и покой.

ГЛАВА О ВСАДНИКЕ, ЛЬВИЦЕ И ШАКАЛЕ

арь сказал филосо-
фу: — Я выслушал
твои слова о том, что
рок и судьба господ-
ствуют над всем.
Расскажи мне теперь
про того, кто из-за
вреда, постигшего
его, оставляет вре-
дить другому и кого
несчастье, случив-
шееся с ним, настав-
ляет и удерживает от
того, чтобы нанести
обиду и враждовать
с другим.

Философ сказал: — Только глупцы и неразумные
могут стремиться к тому, что вредно и губительно для
людей; те, кто плохо всматривается в исход событий
жизни здешней и будущей, мало понимают то мщение,
которое может обрушиться на них, и те последствия,
которые они сами себе добывают и кои же охватить
словом. Если же уцелеет тот или иной из них благода-
ря опыту, представившемуся ему, прежде чем постиг-
ло его наказание за поступки, то обманываются этим

другие со всеми невыразимыми и неописуемыми ужасными последствиями. Но иногда неразумный поучается и наставляется тем злом, что он испытал от других, он воздерживается тогда причинить такую же несправедливость и вражду другому и извлекает пользу из своего воздержания.

На это похож рассказ о всаднике, львице и шакале.

Царь сказал: — Как это было?

Притча: Бейдеба-философ сказал: — Говорят, что одна львица жила в болотной чащне и вместе с ней были два львенка. Как-то вышла она на поиски добычи, а их оставила. Мимо проезжал всадник, он бросился на них, убил, содрал шкуры, прикрепил их к седлу и увез домой.

Когда она вернулась и увидела то тяжкое, ужасное и мучительное для сердца, что с ними произошло, ее очи распалились, и она сильно гневалась и тосковала. Она была долго в тревоге и вся билась и кричала. Рядом с ней жил ее сосед — шакал. Услышав этот крик ее и скорбь, он сказал: — Что с тобой приключилось? Какое наказание постигло тебя? Расскажи, поведай мне, дабы я принял участие в нем или помог бы перенести его.

Львица сказала: — Мои два львенка — мимо них проезжал всадник, убил их, содрал шкуры и увез, прикрепив к седлу, а трупы бросил в пустыне.

Шакал сказал: — Не печалься и не кричи, успокойся и пойми, что всадник этот не причинил тебе ничего такого, чего бы ты не сделала кому-нибудь другому, и в своей ярости и тоске по львятам ты не найдешь ничего, как только то, что ты совершила уже, даже в большей степени, по отношению к любимцам других. Потерпи же и от других то, что терпели они. Сказано: как вы судите, так будут судить и вас. Плодами поступков являются наказание и награда, а они бывают в размере великом или малом, подобно тому, как земледелец, когда являются к нему жнецы, наделяет каждого сообразно количеству колосьев.

Львица сказала: — Разъясни мне свои слова и расстолкуй.

Шакал сказал: — Сколько ты прожила?

Львица сказала: — Сто лет.

Он сказал: — А чем ты жила и питалась?

Львица сказала: — Мясом животных.

Шакал сказал: — Были ли у этих животных отцы и матери?

Львица сказала:

— Конечно.

Шакал сказал: — Как же это так мы не слышали от этих отцов и матерей того вопля, страдания и крика, которые слышали от тебя? Нет, постигло тебя это только потому, что ты плохо всматривалась в исход поступков, мало вдумывалась в них и не разумела, что вред их возвратится на тебя же самое.

Когда львица выслушала это, она поняла, что это она сама добилась такого несчастья и навлекла его на себя, что она была в заблуждении и неведении и что того, кто поступает неправо и несправедливо, постигает возмездие и кара. Она перестала охотиться и от мяса перешла к плодам, занялась благочестием и поклонением богу.

Затем шакал, который жил плодами, увидел, как она много их ест, и сказал ей: — Я подумал, из-за малого количества плодов и недостатка их, что дерево не вырастило их в этом году, но потом я увидел, что это ты поедаешь плоды, ты, питающаяся мясом; увидел, что ты оставила свое пропитание и свой удел от бога и перешла к тому, чем питаются другие, и привела его к убыли, создав недостаток и для себя. И я понял, что дерево принесло плоды как и раньше и что это произошло только из-за тебя. Горе дереву, горе плодам и тем, кто живет ими! Как скоро постигнет их гибель и смерть, ибо хочет вырвать у них плоды тот, у кого нет ни права на это, ни воли в том.

Тогда оставила львица есть плоды и принялась за траву, поклоняясь богу.

— Я привел тебе эту притчу лишь для того, чтобы показать, что неразумный иногда оставляет вред людям из-за неприятности, постигшей его, подобно тому как львица оставила есть мясо животных из-за несчастья с львятами, коснувшимся ее, и по слову шакала стала пи-

таться травой и обратилась к благочестию и поклонению богу.

Затем философ сказал царю: — Людям должно хорошо всмотреться в это и поступать так, как это будет для них благо. Сказано: не делай другому того, что ты не желаешь самому себе. Истинно в этом заключена справедливость, а в справедливости — довольство бога и людей.

ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВЦЕ И ГОСТЕ

щаются к тому, чем раньше владел, но оказывается не в силах исполнить его и остается растерянным и смущенным.

Причина. Философ сказал: — Говорят, что в земле Карх* жил один благочестивый подвижник. Как-то в один из дней остановился у него гость. Благочестивец велел принести фруктов, чтобы угостить его, и они оба поели их. Потом гость сказал: — Как сладки эти плоды

арь сказал философу: — Я выслушал твои слова о том, кто вредил другому из-за вреда, постигшего его, и бедствия, случившегося с ним. Расскажи теперь мне, если угодно, про того, кто оставляет свое занятие, приличествующее и подходящее ему, и ищет другого. Не постигнув его, он возвращается к тому, чем раньше владел, но оказывается не в силах исполнить его и остается растерянным и смущенным.

* Оригинал этого арабского названия не установлен; в арабской географической номенклатуре «Карх» обозначает предместье, пригород

и как они вкусны! В стране, где я живу, нет финиковых пальм, однако если нет их, то там достаточно других фруктов. А ведь кто не может пользоваться смоквами и другими подобными сладкими плодами, тот заменяет их, удовлетворяя свою потребность хотя бы плодами и нездоровыми и мало подходящими для тела.

Благочестивец сказал: — Нельзя счастье счастливым ни извинить того, кто нуждается в том, чего у него нет. От этого усиливается алчность его души, уменьшается терпеливость и постигает его от тягости и огорчения то, что приносит вред и навлекает муку. Ты будешь в великом счастье и большом достатке, когда удовольствуешься своим уделом и откажешься от того, что тебе недоступно и недостижимо. — Гость сказал. — Правильно и верно. Я услышал сейчас от тебя чуждую речь, которая меня поразила. Я нахожу ее красивой. Если бы ты научил меня ей, ибо я страстно хочу этого и жажду научиться ей. — Благочестивец сказал: — Как подошло бы тебе попасть в ту же беду, что и ворон, если бы ты оставил свой язык и стал разговаривать на языке еврейском!

Гость сказал: — Как же это было?

Причта. Благочестивец сказал: — Говорят, что ворон увидел однажды шествовавшую куропатку; понравилась ему походка ее, и он пожелал научиться ей. Он стал упражняться в этом, но не мог добиться этого вполне. Тогда он вернулся к своей прежней походке, но вот оказалось, что он ее забыл; остался он смущенным и растерянным, не постигнув того, к чему стремился, но и не выполняя хорошо то, чем раньше владел.

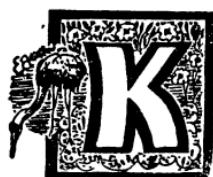
— Я привел тебе эту притчу лишь для того, чтобы показать, что ты можешь, оставив свой язык и принявши за изучение неподходящего тебе еврейского языка, не постичь его, но и забыть другой язык, которым владел. Сказано: глупцом должно считать того, кто домогается вещей, ему не подходящих и не соответствующих, которых не знали до него ни отцы, ни деды его и не ведали.

Затем философ сказал царю: — Правители, мало пекущиеся о подданных своих в этих и подобных слу-

чаях, ныне самые несчастные из-за перехода людей от одних должностей к другим и оставления теми своих привычных мест, где они получали достаток. В этом вред для царей и стремление людей низшей степени к должностям высшей, расстройство дел, порча нравов и вражда низкого с благородным. Далее все идет таким же образом, пока не доходит до великой и тяжкой опасности сопротивления против царя и его власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ «КАЛИЛА И ДИМНА»

огда разговор между царем и философом дошел до главы о благочестивце и госте, замолчал царь, и философ сказал: — Да проживешь ты, о царь, тысячу лет, и будут тебе подвластны семь климатов *, и от каждой вещи дарована тебе оспова и достаток на радость твоих подданных и услаждение их глаз тобой при содействии рока и судьбы. Ибо в тебе совершенно самообладание, вопрос у тебя ум и память, завершилось в тебе мужество и щедрость, объединились в тебе мысль, слово и намерение. В твоем решении нет недостаточности, в слове твоем — оплошности или в действии — порока. Ты объединил мужество и мягкость, не окажешься трусом при встрече или узкогрудым в том, в чем на тебя полагаются. Я разъяснил тебе дела и изложил ответ на те из них, о которых ты меня спрашивал. Я напрягал для тебя свою мысль и наблюдательность и всю свою сообразительность, стремясь удовлетворить твою нужду. Воздай же мне долг за благое намерение, утрудив свою мысль, облагородив природу и ум, как я тебе говорил уже, что побуждающий к добру не более счастлив в

* В греческой и арабской географической системе земля делится на семь продольных частей, получивших греческое название климатов.

нем, чем повинующийся ему в этом, и советующий не имеет больше прав на последствия совета, чем тот, которому он советует. Учащийся не дальше от знания, чем обучающий его. Кто размыслил об этой книге своим умом и утрудил свое соображение твердостью мысли, тот достоин великих степеней и больших дел при содействии судьбы в свое время, когда оно наступит. Пусть же не наскучит он делом, наблюдением его и размышлением о нем. И пусть бог поможет тебе, о царь, подкрепит тебя, упорядочит в тебе, что было испорчено, и успокоит пыл твоей горячности, который был жгуч, и ниспошлет милость на твою душу и душу твоих отцов, чистых, отшедших — людей из дома ума, образованности, достоинства, щедрости и благородства. «

—

I

· ГЛАВА О ГОЛУБЕ, ЛИСИЦЕ И ЦАПЛЕ,
 ИЛИ ГЛАВА О ТОМ, КТО ПРИДУМЫВАЕТ ПЛАН
 ДЛЯ ДРУГОГО, НО НЕ УМЕЕТ ПРИДУМАТЬ
 ЕГО ДЛЯ СЕБЯ

арь сказал философу: — Я выслушал эту притчу. Расскажи мне притчу о таком человеке, который составляет план для другого, но не умеет составить *его* для самого себя.

Философ сказал: — Притчей на это будет притча о голубе, лисице и цапле.

Царь сказал: — Какова же эта притча?

П р и т ч а. Философ сказал: — Говорят, одна голубка выводила птенцов на вершине одной высоко уходившей в небо пальмы. И бывало, когда она приступала к устройству гнезда на вершине этой пальмы, то удавалось ей это лишь после долгого и утомительного труда, так была пальма и высока и далека. Покончив же с устройством гнезда, она несла яйца и высиживала их. Но когда вылуплялись и подрастали птенцы, приходила лисица, обычно в то время, когда — как она знала — могли подниматься птенцы, останавливалась у подножия пальмы и кричала, и угрожала подняться к голубке, и та бросала ей своих птенцов.

Как-то в один из дней, когда подросли у нее два птенца, подлетела цапля и села на пальму. Увидев голубку печальной, тоскующей и сильно озабоченной, она сказала ей: — О голубка! Что я вижу тебя такой сущарчной, огорченной? — Она сказала ей: — О цапля! Поистине, лисица — напасть для меня; каждый раз, как бывают у меня птенцы, она приходит грозить мне и кри-

чит внизу пальмы, и я, в страхе пред ней, бросаю ей своих птенцов. — Цапля сказала ей: — Когда она придет за тем, что ты говоришь, то скажи ей: — Я не брошу тебе птенцов, но поднимись ты ко мне, рискни собой, и, если сделаешь это и съешь моих птенцов, тогда я улечу и спасусь сама.

Научив этой хитрости, цапля улетела и опустилась на берегу реки. А лисица подошла в обычное время, остановилась под пальмой и потом закричала, как делала это раньше. Голубка ответила ей так, как научила ее цапля. Тогда лисица сказала: — Сообщи мне, кто научил тебя этому. — Та сказала: — Научила меня цапля.

Лисица пустилась в путь и пришла к цапле на берегу реки. Найдя ее стоящей там, она сказала: — О цапля! Когда налетит на тебя ветер с правой стороны, куда ты денешь свою голову? — Она сказала: — В левую сторону. — Лисица сказала: — А если ветер налетит с левой стороны, куда ты денешь голову? — Она сказала: — Поверну ее в правую или назад. — Она сказала: — А если ветер налетит на тебя со всех сторон и отовсюду, тогда куда ты денешь ее? — Она сказала: — Под свое крыло. — Лисица сказала: — Как ты можешь поместить ее под крыло! Не думаю, чтобы это было возможно тебе. — Та сказала: — Конечно! — Лисица сказала: — Так покажи мне, как ты это делаешь. Клянусь жизнью, о птицы, господь возвысил вас над нами. Вы постигаете в один час то, что мы не постигаем в год, достигаете того, что мы не можем, вводите головы свои под крылья от холода и ветра, и добро вам! Покажи, как ты делаешь это. — И опустила птица голову под крыло, а лисица прыгнула к ней, сейчас же схватила, сдавила так, что сломала спинной хребет, потом сказала: — О враг самому себе! Придумала ты план голубке и научила ее уловке, но не смогла сделать это для самой себя, так что одолел тебя твой враг. — Затем убила она ее и съела.

II

ГЛАВА О МЫШИНОМ ЦАРЕ И ВЕЗИРАХ ЕГО

арь индийский сказал Бейдебе-философу: — Я выслушал эту притчу. Но я хочу, чтобы ты показал мне, как следует человеку искать себе честного советника и какая польза извлекается от этого мудрого советника.

Философ сказал: — Кто сумеет хорошо выбрать себе честного советника и будет держаться за него, тот спасется через это от великих бед и получит благодаря ему пользу великую, как воспользовался мышний царь совещанием со своим честным везиром, так что спасся благодаря этому он и все мыши от напасти, в которой они были.

Царь сказал: — Как же это было?

Философ сказал: — Говорят, была в брахманской земле одна область, называвшаяся Дуран*, величиной в тысячу фарсахов. И был в середине этой области город, под названием Идазинун **; много вокруг него было разных угодий, и жители его жили привольно, как хотели. В этом городе была мышь, называвшаяся Михраз ***, и была она царем над всеми мышами этого города и округов его. У ней было три везира, с кото-

* *Дуран* — вероятно, исаженное персидское *Дураб* — «далеко от воды».

** *Идазинун* — по-видимому, графическое исаждение персидского *Андар биябан* — «среди пустыни».

*** *Михраз* — вероятно, персидское *Михр-яр* — «Михр-друг».

рыми она советовалась в своих делах. Одного из них звали Зузама, и был он умен и мудр, и превосходство его признавал сам царь. Другого звали Шира и третьего — Багдаз *. Как-то однажды присутствовали они у него и говорили о многих вещах. И дошли они в разговоре до таких слов: «В силе ли мы освободиться от того страха и ужаса пред кошками, что унаследовали от наших предков, или нет?»

Первым начал речь царь. Он сказал: — Я слышал от мудрых, что человеку надлежит блюсти в себе, детях своих и семье две задачи и выбирать честных советников. Первая задача — это не думать о том полезном и вредном, что прошло и миновало, не думать о том, что было прежде у них. Вторая задача — держаться бесстрашно за приобретенное благо и стараться удалить вред. Мы, благодаря прошедшему славным действиям наших отцов и предков, в полном довольстве и постоянном покое. И одна только у нас забота — но, клянусь жизнью, она горше всех тревог и забот — это тот вред и ужас, что постигает нас от кошек. Нам следует постараться найти из этого выход, не достигнутый нашими предками; хотя и искали они его, но не нашли. Наша задача — удалить это каким-нибудь упущенное до сих пор способом, ибо хотя мы были в непрерывном благе и великом добре, но из-за этого страха стала жизнь наша без всякого вкуса, а ведь мудрые сказали: кто разлучился со страной своей и детьми, отечеством и женой и бродит в поисках, где бы ему поспать и остановиться, в страхе и ужасе, жизнь того — подобна смерти.

Когда царь окончил эту речь, сказали ему Шира и Багдаз: — Благо нам, так как ты наш повелитель, ибо ты чрезвычайно совершен и умен и одарен разумом. А сказано: если мудр повелитель раба, когда он сам неразумен, то доходит до него часть похвалы через славные подвиги его повелителя. Мы полагаемся на мудрость твою и добре правление и просим у господа милости, чтобы ты достиг всех желаний своих в этом

* Зузама — персидское Зудамад — «быстро приходит». Шира — персидское Ширах — львенок. Багдаз — персидское «богом данный».

деле, мы же готовы к повиновению. И будет у царя великое имя вовеки, да и по нас останется память, так как мы постараемся поддержать царя в стремлениях его, особенно в этом деле, где нам следует пренебречь телом и душой, пока не исполнится желание царя.

Когда эти два везира окончили свою речь, глаз царский устремился на третьего везира. Подождав его и не видя его вступающим в разговор, он сказал с гневом: — Эй, ты, в обществе человеческом многие, особенно цари, обладающие совершенным и надежным другом, рассуждают и говорят о разных делах, обдумывая, что из них следует сделать и что нет. И если даже дело, избранное нами, из тех, которые невозможно совершить, и не следует нам обращать заботы на него, все-таки тебе надлежало бы выяснить пред нами свои соображения, а не быть как будто ты безмолвнее немого, не в состоянии отвечать.

Когда царь окончил эту речь, третий везир сказал: — Не следует царю укорять меня за то, что я до сих пор воздерживался от речи. Я поступил так лишь для того, чтобы выслушать все то, что так прекрасно изложили мои товарищи, и обдумать, не прерывая их слов, и затем высказаться по силе своих знаний.

Царь сказал: — Сообщи же мысли твои.

Везир сказал: — Они не превышают следующего: либо царь знает, что у него есть средство достичь цели своей и хорошо в этом уверен, либо — нет, и тогда не к чему ему и желать ее и думать о ней, ибо нами не унаследовано от отцов и предков такого, к чему они не приложили бы старания. Характер творится богом, и никто не может, никакой царь из царей, изменить природу животного в другой облик, чем тот, что ему придан.

Царь сказал: — Дело не ограничивается только унаследованными родовыми свойствами, но каждое дело, хотя бы малое и незначительное, не может завершиться без помощи извне.

Везир сказал: — Дело так, как сказал царь, но раз дело невозможно и борьба с унаследованными родовыми чертами невыполнима, то лучше это оставить. Кто борется с тем, что унаследовано в роду, тому противо-

борствует это, и, уверившись в этом, он оставляет. Но иногда доходит до гибели, так что не возвращается даже к прежнему состоянию. А бывает, что и после многих трудов случается то же, что и с царем, о котором рассказывают.

Царь сказал: — Как же это было?

Везир сказал: — Говорят, жил в одной из областей Нила некий царь и была в стране его высокая гора, богатая деревьями, плодами и источниками. Звери дикие и другие животные этой страны жили этой горой. И была в этой горе скважина, через которую приходил воздух с семи частей от всех ветров, дувших в трех с половиной климатах области мира. Вблизи же этой скважины был дом чрезвычайно красивой постройки, подобно которому не было во всем мире. И царь и его царские предки жили в нем. Иногда они гибли от обилия ветров из скважины, но не могли переселиться отсюда из-за хорошего устройства, множества плодов и привязанности к родному месту. У царя был везир, его советник в делах. Раз, совещаясь с ним в один из дней, он сказал: — Ты знаешь, что мы щедро одарены благодаря прежним славным деяниям наших предков, и дела идут по нашей воле. И этот дом, если бы не множество ветров, был бы поистине похож на рай. Нам нужно постараться, может быть, мы отыщем способ заткнуть отверстие этой скважины, через которую дуют эти сильные вихри. Если мы это сделаем, тогда нам нечего будет бояться зла, постигшего наших предков из-за них, и унаследуем мы рай в земной жизни и вместе с ним славное, вечное имя. — Везир сказал: — Я твой раб, спешащий навстречу твоей службе и приказу. — Царь сказал: — Это не ответ на мои слова. — Везир сказал: — Нет у меня сейчас другого ответа, ибо царь более сведущ, мудр и славен, чем мы. Он царь этой жизни, но дело, упомянутое им, можно выполнить только силой божественной, людям же оно недоступно, так как оно трудно и не может ничтожный проникнуть сам в великое. — Царь сказал ему: — То блаженство, которым наслаждаются люди, взаимно соревнуясь в нем, дается свыше, но что до блudения дел и совершенния поступков, то это предоставлено человеку, хотя и

достигается связь со всем только помощью свыше. Это дело из дел человеческих, не божественных. Скажи же, что ты думаешь о нем. — Везир сказал: — Думаю, что всмотреться надо царю в то, что он хочет делать, слова же здесь — маловажны. Что же касается знания того добра и зла, к которому может привести положение, то это скрыто от людей, трудно постижимо. Поэтому надлежит тебе зорко глядеть, дабы не случилось с тобой то, что случилось с ослом, который отправился на поиски для себя рогов.

Царь сказал: — Как же это было?

Везир сказал: — Говорят, был у одного человека осел, и так щедро кормил хозяин его зерном, что осел зажирел, стал беситься и бушевать. Случилось однажды, что, когда хозяин гнал его к реке на водопой, осел увидел вдали ослицу и при виде ее разъярился и заревел. Хозяин, заметив его буйство, побоялся, что он вырвется от него, и привязал его к одному дереву на берегу реки, а сам отправился к обладателю той ослицы и сказал ему: — Возьми назад свою ослицу, чтобы не повредил ей мой осел. — Тот исполнил это. И остался осел круиться вокруг дерева и все сильнее реветь и бушевать. Вдруг, нагнув голову, он увидел брошенную там палку и сказал сам себе: — Одной палки этой недостаточно для боя с людьми, да вместе с этим я не сведущ в бою; но во всяком случае я смогу поражать и бить ею всех, не умеющих хорошо владеть оружием, а раз я в силах сделать это, то что будет, когда попадется мне копье, которое я хочу? Поистине, я отражу тогда сто всадников без затруднений. Значит, копье мне нужно постараться добыть; ведь если бы отцы и деды мои потрудились бы над этим, они избавили бы меня от трудных поисков. — В это время случилось, что один человек привел козла с огромными рогами к реке на водопой. Осел, увидев козла и величину его рогов и что он как раз наделен тем, что он искал, смутился, задумался и сказал: — Этот козел не носил такие рога без того, чтобы не иметь копья, лука и другого оружия; без сомнения, он также сведущ и в бою. И если бы мне удалось убежать отсюда, присоединиться к этому козлу и хоть сколько-нибудь ему послужить, я обязательно

научился бы от него. Да и он, видя услуги и искреннюю привязанность мою, не поскупится подарить мне что-либо из своего оружия. — Козел же, видя буйство осла и то, что тот выделывает в своем безумии, не стал пить воду и стоял, смотря на него. Осел, увидев, что козел не пьет воды, раздумал сам с собой и сказал: — Что мешает ему пить воду, как не те мысли, что он видит во мне. Он смотрит на меня и радуется мне. Бог всевышний помог мне в этом деле, лишь только я подумал о нем, и как только явилась мне эта мысль, назначил он мне то, что я желал. Это произошло только при блаженном содействии свыше. О, если бы знать мне, под какой звездой я родился и какое счастье выпало мне в удел, так что удалось мне это великое дело! Нет сомнений — я чудо вселенной.

Хозяин козла, видя, что он не пьет, отвел его обратно домой. Дом же его был недалеко от берега, на котором был привязан осел. А осел не переставал тянуться глазами к козлу и все смотрел, как тот возвращался домой, пока козел не вошел в дом, на котором он заметил себе метку, чтобы потом узнать его. Затем хозяин осла также вернулся его домой, запер и бросил ему корм. Но осла, занятого мыслью, как бы уйти к козлу, не трогали ни еда, ни питье, он принялся размышлять и выискивать способы и сказал: — Мне следует совершить побег к нему ночью. — Когда пришла ночь и заснули его хозяева, он принялся за работу, сорвал дверь и вышел, бегом направившись к дому, в который вошел козел. Дойдя до него, он нашел дверь запертой. Посмотрев в дверную щель, он увидел козла стоящим свободно, без пут. Осел побоялся, что его увидят люди, и простоял за углом до утра, когда человек взял козла и повел его на реку попоить. Он шел впереди козла, ведя его на длинной веревке, привязанной к шее. Осел приблизился к козлу и стал бежать вместе с ним, заговаривая с ним на своем языке, но не знал козел ослиного языка. Не поняв его, он отбежал и стал отбиваться. Человек, ведший его, обернулся посмотреть, кто бьется с козлом, и, увидев, что рядом с козлом осел, он захотел взять его, но потом сказал: — Если я возьму осла, они оба подерутся, и я не справлюсь с ними обой-

ми. Лучше отгоню его от козла. — И он ударил осла палкой, бывшей у него в руках. Тот убежал, но потом, когда человек двинулся в путь, вернулся вторично и побежал рядом с козлом, заговоривая с ним. Козел отбежал и стал с ним драться. Человек опять обернулся, ударил осла, и тот убежал, но потом снова возвращался таким же образом три раза, причем всякий раз, как он приближался к козлу, человек бил его. Тогда осел сказал: — Мне мешает поговорить с козлом и, выказав ласку, открыть ему свои намерения не кто иной, как этот человек, что его гонит. — И он прыгнул к человеку и схватил его зубами за спину так сильно, что тот освободился от него только с большим усилием. Увидев его разъяренность и бешенство, он сказал: — Если я возьму его, то не буду безопасен от какой-нибудь беды с его стороны. Лучше я сделаю на нем метку и, когда увижу его с хозяином, потребую возмещения. — Он вынул нож, бывший при нем, и отрезал им уши ослу. И вернулся осел в хозяйствский дом, но то, что постигло его от хозяина, было более тяжко, чем отсечение ушей. Задумался тут осел и сказал: — Предки мои скорей других принялись бы за это дело, но они боялись злых последствий его и терпеливо служили, перенося муки.

Царь сказал: — Я выслушал это. Но почему ты боишься этого дела? Ведь если, сохрани бог, и не исполнится для нас то, что мы от него ищем, то тебе нечего страшиться. Мы всегда сумеем спастись от его дурных последствий.

Когда везир увидел, что царь жаждет исполнить это, он не стал препираться с ним и сказал: — Исправь дверь и перемени ее.

Затем царь велел возгласить по всем областям, чтобы «не осталось ни одного человека молодого, кто бы не явился ко дворцу нашему в такой-то день такого-то месяца; и с ним должна быть вязанка дров с горы». Люди ревностно принялись за эту работу. А царю уже раньше известно было время, когда стихают порывы вихрей, и вот, когда наступил такой день и явились люди с дровами, он приказал набить ими эту скважину и заткнуть ее зев камнями и построить большую преграду перед ней. Это сделали, выполнив работу хорошо.

Перестали вихри выходить из скважины, как было раньше, и страна совсем лишилась их порывов. И не прошло года, как пересохли и высохли все растения и деревья, бывшие на той горе, и распространилось это на двести фарсахов и дальше. Перемерли звери дикие и другие животные, жившие в той стране, ушли под землю родники и воды, и пересохли реки. Напала чума на народ, и погибло из них много людей. И не было конца этой напасти для жителей той страны. Восстали тогда те из них, в ком оставалось еще дыхание жизни, собрались ко дворцу царя и убили его, и везира его, и семью его, и детей. Когда же не осталось из тех никого, они бросились к той преграде, отвалили завал и камни от входа, развели на дровах огонь, и он запыпал. Когда он перешел в пламя, люди вернулись по своим местам. Потом ветер, скрывавшийся так долго, найдя себе отдушину, вылетел с сильной яростью, увлек за собой огонь и разбросал его по всей этой стране. И кружились вихри ветра два дня и две ночи, и не осталось в этой стране ни города, ни селения, ни крепости, ни дерева, ни человека, ни скота и ничего живого, что бы не погибло в огне и вихре.

Царь мышей сказал: — Я выслушал эту притчу. Но ведь говорят также, что кто желает выполнить какое-нибудь трудное дело, в результате которого можно надеяться достичь великой пользы, а потом в страхе пред злой помехой, могущей постигнуть его, отказывается от него, такой человек не возвысится до высокого сана, разве что это достанется ему случайно. Поистине, счастье и великая удача, если славится человек в этом мире своими добрыми подвигами, и не дано никому из людей унести с собой из этого мира что-либо полезное ему, кроме дела, им совершенного.

Везир сказал: — Ты прав, о царь! Не каждый поступок имеет полезные следствия, и мудрые говорили к тому же: кто навлек своей рукой на себя беду, не заслуживает освобождения от нее, и кто является причиной собственной смерти, не имеет места в раю.

Царь сказал: — Что до меня, то скажу: раз ты помог мне советом своим — мы выиграли дело. Тебе неизбежно постараться выполнить его.

Когда везир понял, что царь жаждет исполнить это дело, средства достижения которого уже были придуманы им, он сказал: — Я посоветую то, что должно исполнить сообразно моим силам. Я высказал то, что высказал до сих пор только потому, что знал мудрость и совершенство царя. Что же до меня самого, то я недостаточен в знании, и мой план может быть исполнен только благодаря счастью царя и его великой удаче. Ведь и мудрые и невежды говорят: мудрому надлежит советоваться с глупым, ибо когда он посоветуется с тем, невежество которого вызовет его на ненужный совет, то не склонится мудрый к невежеству его и не примет его речей и планов. Но мудрый разберется в делах и выберет из них наиболее соответствующее и речь невежды обратит в благо и добро. Мудрый вступает в совещание с невеждой только в двух случаях: когда есть надежда, что невежда откроет таким путем тайну других и мудрый воспользуется случаем открыть свою тайну, посоветовавшись с ним, дабы выведать чужую тайну; другой раз, когда природа глупца сама порождает нечто, заключающее в себе некоторую помощь. То, что я сказал в этом отношении, я сказал, только уповая на знания и ум царя, на то, что он не разгневается на меня, но примет речь благосклонно.

Царь сказал: — Все, что ты говорил, чрезвычайно правдиво и хорошо, и дело обстоит согласно с твоей речью, кроме одного слова, которым ты выразился, что ты недостаточен в знании. Ты, по моему мнению, не недостаточен в нем, ты превосходен и совершенен в моих глазах, и я тебя ставлю выше всех в моем войске.

Когда везир услышал это от царя, он сказал: — Царь не доверяет самому себе. Поистине, все сказанное им относительно его раба сказано лишь из великой милости и любви его.

Затем царь стал совещаться с тремя своими визирами в обратном порядке, то есть от младшего к старшему. Он сказал самому младшему из них: — Что скажешь ты об этом деле и что следует нам сделать?

Этот везир сказал ему: — По-моему, надо тебе приготовить множество бубенчиков и каждый из них прицепить к шее кошки, чтобы каждый раз, как она уходит

и приходит, мы, слыша звук бубенчиков, принимали бы меры предосторожности и спасались в наши норы.

Царь сказал второму везиру: — Что ты думаешь о плане твоего товарища? — Тот сказал: — Я не могу похвалить его. Предположим, что мы подготовим множество бубенчиков, но кто сможет подвесить хоть один из них на шею самой маленькой кошки, не говоря уж о том, чтобы подступиться к кровожадным из них! План, по моему мнению, должен быть таков: мы выйдем все из этого города и пробудем в пустыне целый год, пока люди не поймут, что они благодаря нашему исчезновению перестали нуждаться в кошках. Когда же они увидят, что те поедают только их корм, они выгонят их, перебьют, удалят и уничтожат. Разбегутся кошки по всем сторонам, погибнет из них сколько погибнет, а которые попадут в пустыню — одичают и не вернутся жить в город. Когда же они погибнут, мы вернемся в город, как раньше, уже в безопасности от нападений их.

Царь сказал везиру третьему: — Каково твое мнение о словах твоего товарища?

Везир сказал: — Этот план не заслуживает в глазах моих похвалы. Ведь если бы мы вышли из города в пустыню и пробыли в ней год, то ни в коем случае невозможно, чтобы кошки перевелись за год, а нас постигнут в пустыне такие муки и страдания, которые будут горше этих, ибо там есть змеи, тушканчики и коршуны, и от них мы испытаем больше, чем испытываем от кошек.

Царь сказал ему: — Правду ты сказал. Так давай же сюда свой план.

Везир сказал: — Я не знаю в этом отношении другой хитрости, кроме только одной. Пусть царь велит явиться его придворным и всем мышам, живущим в этом городе и в соседних местах. Потом пусть прикажет каждой из них сделать в обитаемом ею доме нору, которая вместила бы всех мышей, и заготовить в ней провиант, достаточный на десять дней. У норы надо открыть семь выходов на внешнюю часть ограды и три со стороны кладовой человека, его ковров и тканей. Когда сделают это, мы отправимся все к дому какого-

нибудь богача, обладающего одной кошкой, разместимся по всем выходам, ведущим к кладовой его утвари, но не повредим ни утвари, ни съедобному, а примемся за порчу платьев и ковров, не выказывая, однако, нерумеренности. Когда увидит хозяин дома постигшую его порчу, он раздумает и скажет: — Может быть, это одна кошка не может проводить про мышей и надо привести вторую. — Когда он сделает это, мы примемся снова и напортим больше прежнего. Увидев это, хозяин дома задумается снова о том, что ему не справиться с домом при двух кошках и следует привести третью. Когда он сделает это, мы еще сильнее будем грызть его платье и портить продукты, и когда выполним это, то раздумает об этом хозяин и остережется увеличивать число кошек. Он сравнил то, что мы испортили, когда в доме была одна кошка, с тем, что мы напортили в нем при трех кошках, и когда увидит постоянное соответствие порчи нашей с числом кошек, то поймет, что это происходит от него самого, и уйдет. Необходимость заставит его сказать: — Я вижу, что, чем более я увеличиваю число кошек, тем более увеличивается порча мышами моих пожитков. Попробую, удалю одну из кошек, чтобы посмотреть, что будет. — Когда же он выгонит одну из них, мы уменьшим также порчу. Увидев это, он поймет, в чем вред и польза, и выгонит вторую. Когда же он сделает это, мы воздержимся несколько от порчи его скарба. Заметив это, он будет принужден выгнать и третью кошку, и тогда мы оставим совсем его дом. И вот он поймет, что вред этот исходил от кошек, от той вражды, которую они выказывали нам, выгонит, перебьет и прогонит их из дома, так что не вернутся они уже больше жить в нем.. А мы не прекратим эту работу в одном доме за другим, пока не станет очевиден для людей тот великий вред, что наносят им кошки. Убедившись в этом, они не ограничатся тем, что перебьют кошек домашних, но отыщут кошек диких, убьют их и будут причинять им всякие бедствия, где только их ни увидят. Таким путем мы освободимся от страха пред ними.

Царь так и поступил, как сказал ему везир. И не прошло шести месяцев, как люди отнесли все несчастья

к кошкам из-за того, что они испытали от них. Они принялись их убивать и выгонять, гнали их всех, пока не погибли все кошки этого города, и постоянно удаляли их, так что, когда кто-нибудь замечал дыру в платье или маленькую порчу от мыши в ковре или съедобном, он говорил: — Смотрите, не прошла ли мимо города кошка! — А когда, бывало, случалась среди людей или животных какая-нибудь болезнь, то они говорили: — Пожалуй, что прошла по этому городу кошка! — Такой уловкой освободились мыши от страха пред кошками и успокоились от них.

Но раз это слабое и ничтожное животное нашло средство искоренить своего врага, так что спаслось от него, то что же думаешь ты о человеке, который наиболее благороден среди животных и наиболее из них способен уловками добиваться от врага того, что он хочет?

—

БИБЛИОГРАФИЯ АРАБСКОЙ ВЕРСИИ «КАЛИЛЫ И ДИМНЫ»

Все библиографические данные по истории «Калилы и Димны» и ее различных версий собраны в капитальном труде V. Chauvin (*Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes publiés dans l'Europe chrétienne de 1810 à 1885. Vol. II. Liège, 1897, 240 р.*); знакомство с ним необходимо каждому, занимающемуся любым вопросом из этой области. После появления этого труда устарела полезная в свое время работа М. Рябинина (*«Книга „Калила и Димна”, ее происхождение и история»*. Москва, 1889), напечатанная как введение к его совместному с М. О. Аттаей русскому переводу «Калилы и Димны». Некоторые дополнения к библиографии Chauvin, особенно в области славянских и русских переводов, с генеалогической таблицей разных версий дает А. Е. Крымский в предисловии к переводу книги И. Эструпа (*«Исследование о „1001 ночи”, ее составе, возникновении и развитии»*. Москва, 1905). Для общей истории «Калилы и Димны» среди трудов, появившихся уже после библиографии Chauvin, особенно важны этюды Nöldeke в связи с арабской версией (см. ниже), перевод сирийской версии F. Schulthess'a (*Kalila und Dimna, Syrisch und Deutsch. Berlin, 1911*), труды J. Hertel'я, исследовавшего индийские источники (*Das Pancatanttra, seine Geschichte und seine Verbreitung*: Leipzig, 1914), и Б. Я. Владимирицова, открывшего и опубликовавшего монгольскую версию (Монгольский сборник рассказов из *Pancatantra*. «Сборник Музея антропологии и этнографии при АН СССР», т. V, вып. 2. Л., 1925, стр. 401—552). Суммарный очерк литературной истории «Калилы и Димны» во всех ее разветвлениях дал С. Brockelmann (*Enzyklopädie des Islam*, B. II, S. 744—748).

Отрывок из арабской версии впервые был опубликован на родине научной арабистики — в Голландии в 1786 году лейденским профессором Н. А. Schultens'ом (*Pars versionis arabicae libri Colailah wa Dimnah sive fabularum Bidpai philosophi Indi in usum auditorum edita. Lugduni Bat., 1786, 156 p.*). Полный текст издал А. Ж. Silvestre de Sacy по шести рукописям с обширным исследованием, послужившим исходным пунктом для всех дальнейших работ (*Calila et Dimna ou Fables de Bidpai en arabe; précédées d'une mémoire sur l'origine de ce livre et sur les diverses traductions qui ont été faites dans l'Orient. Paris, 1816*).

Для установления текста важна работа Jgn. Guidi, изучившего три рукописи, находящиеся в Италии, среди которых не было ни одной старше XVII века (*Studii sui testo arabo del Libro di Calila e Dimna. Roma, 1873*). По методу к работе Guidi примыкает студенческое сочинение А. И. Щербатского, исследовавшего арабскую рукопись «Калилы и Димны» в Азиатском музее Академии наук; оно осталось ненапечатанным и находится в архиве Азиатского музея среди материалов, поступивших из собрания покойного профессора В. А. Жуковского. О характере его можно судить по отзыву бар. В. Р. Розена (Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета за 1891 год, стр. 82—83). Около этого же приблизительно времени появился и единственный русский перевод по изданию Сильвестра де Саси, исполненный М. В. Рябининым и М. О. Аттаей (*«Книга Калилә и Димнә». Перевод с арабского. Москва, 1889*). При большой тщательности этот перевод не лишен крупных промахов, как было выяснено в рецензии бар. В. Р. Розена (Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества, т. IV, стр. 425—438). Из русских литературных обработок, примыкающих к нему, можно отметить: «Арабская сказка Лев и Бык. Переработал С. С. Кондурушкин» (Петроград. Изд. «Огни», 1918).

Крупнейшим шагом в изучении текста арабской версии после Сильвестра де Саси было издание L. Cheikho с обстоятельным введением как по литературной истории «Калилы и Димны», так и характеристике использованных рукописей (*La version arabe de Kalilah et Dimnah d'après le plus ancien Manuscrit arabe daté. Beyrouth, 1905, 68 + 260 p.*). В 1923 году вышло второе издание (*revue et corrigée*), дающее в некоторых случаях более удовлетворительный текст с привлечением новых материалов

(76+260 р.): школьное издание, выпущенное тем же ученым, полезно приложенным к нему словариком, но мало пригодно для научных целей, так как дает сильно «подправленный» и упрощенный текст. Версию Шейхо подверг обстоятельному анализу Nöldeke в рецензии *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, B. LIX, 1905, S. 794 и. ф.; к общим вопросам, связанным с историей «Калилы и Димны», он вернулся, дав свой перевод предисловия Барзуи по этой версии (*Burzoes Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna. Strassburg, 1912*; см. также J. Halévy. *Mes doutes sur l'introduction de Burzoe au livre de Kalila wa Dimna (à propos de Nöldeke)*. «Revue sémitique», 21 an., 1913, p. 53—72). Других крупных работ версия Chikho, по-видимому, не вызвала; интересную попытку установить основной текст арабской версии для одной главы сделал W. N. Brown. (A comparative translation of the Arabic *Kalilah wa Dimnah*. Ch. VI. «Journal of American Oriental Society», v. XLII, 1922, p. 215—250). Итальянский перевод M. Moreno (*La versione araba del libro Kalilah e Dimnah tradotta in italiano da... Sanremo, B. G. Binacheri, 1910. VIII+208 р.*) остался мне недоступным.

Для выяснения писательского облика Ибн ал-Мукафы, а следовательно, и стиля «Калилы и Димны», много помогают два его произведения, изданные в Египте известным ученым Ахмед Зеки-пашой (Ал-адаб ас-сагир, Каир, 1911, и Ал-адаб ал-кабир, Каир, 1912); в первом из них дано несколько сопоставлений между ним и «Калилой и Димной». Для изучения литературного жанра «Калилы и Димны» в арабской письменности новое освещение дает работа G. Richter (*Studien zur Geschichte der älteren arabischen Fürstenspiegel. Leipzig, 1932*); для характеристики литературной деятельности Ибн ал-Мукафы во всей полноте важна статья F. Gabrieli (*L'Opera d'Ibn al-Muqaffa. Rivista degli Studi Orientali*, v. XIII, 1932, p. 197—247).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	5
Калила и Димна	
Предисловие составителя рукописи	15
Предисловие Бахнуда ибн Сахвана, известного под именем Ибн аш-Шах ал-Фариси	17
Глава об отправке царем Хосроем Ануширваном врача Барзуи в страну индийскую на поиски книги «Калила и Димна»	37
Глава о враче Барзее	48
Глава с введением в книгу Ибн ал-Мукаффы	63
Глава о льве и быке	73
Глава о расследовании дела Димны, или глава о том, кто хотел пользы себе, причиняя вред другому, и чем кончилось его дело	120
Глава о вороне, голубе-вяхире, крысе, черепахе и газели	143
Глава о сове и вороне	160
Глава об обезьяне и черепахе	183
Глава о благочестивце и ласке	191
Глава об Иладе, Шадираме и Ирахт	194
Глава о кошке и крысе	220
Глава о царе и птице Фанза	226
Глава о льве и шакале-постнике	232
Глава о страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее	243

Глава о царевиче и сыновьях знатного человека, купца и земледельца	248
Глава о всаднике, львице и шакале	254
Глава о благочестивце и госте	258
Заключение книги «Калила и Димна»	261
Приложение	
I. Глава о голубе, лисице и цапле, или глава о том, кто придумывает план для другого, но не умеет придумать его для себя	265
II. Глава о мышином царе и везирах его	267
<i>Библиография арабской версии «Калилы и Димны»</i>	279

---

*Утверждено к печати Редакционным советом
востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

Редактор издательства Ю. Э. Бреггель

Художник Л. Б. Подольский

Технический редактор И. М. Русина

Художественный редактор Л. С. Эрман

Корректор Л. Г. Тумасова

Т-06470. Подп. к печ. 19/VII 1957 г.

Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 14,55. Бум. л. 4^{7/16}.

Уч.-изд. л. 13,19. Зак. № 465. Тираж 50 000.

Цена 9 руб.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., д. 2.

1-я типография Профиздата
Москва, Крутицкий вал, 18.

КАМЛА

9 р.